

ФЕРГАНСКИЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Муродова Дурдонахон Хабибуллоевна

**ГАЛИНА АНАТОЛЬЕВНА
ПУГАЧЕНКОВА- АРХИТЕКТОР,
АРХЕОЛОГ, ИСКУССТВОВЕД**

ФЕРГАНА- 2019

КВК:63.3(5 Ўзб)2

М-10

УО'К:

821.54.434

Д.Х. Муродова.

**ГАЛИНА АНАТОЛЬЕВНА ПУГАЧЕНКОВА – АРХИТЕКТОР,
АРХЕОЛОГ, ИСКУССТВОВЕД.**

Ташкент издательство «Наврўз»-2019. 151 с

В данной работе впервые делается попытка дать цельную, системную характеристику вклада в историческую науку одного из крупнейших ученых XX в. В монографии проанализировано место УзИскЭ в развитии археологической науки Узбекистана на основе большого числа источников; показана объективность выводов Г.А. Пугаченковой в вопросах, касающихся истории архитектуры. Кроме того, нашла отражение обоснованность хронологии, примененной ею при изучении античной керамики Бактрии и Согда. Освещено развитие научных взглядов по археологии, нумизматике, сфрагистике и изобразительному искусству древности и средневековья. Практическая значимость монографии состоит в том, что систематизированный в ней фактический материал и сделанные выводы могут быть использованы в дальнейших историографических исследованиях по изучению археологической школы Узбекистана. Результаты исследования могут быть использованы при написании обобщающих работ по истории исторической науки Узбекистана; фактический, биографический материал может быть использован для создания банка данных об узбекистанских ученых, по истории интеллигенции и вопросам культурного развития республики; при разработке спецкурсов по истории архитектуры для архитектурных факультетов, историографии археологических исследований для исторических факультетов высших учебных заведений.

Рецензенты: Доктор исторических наук, доцент М.С. Исакова
Кандидат исторических наук, доцент А.А. Камиллов

Рекомендовано в печать на основании приказа № 3 от 31.10.2019 года
Ученого Совета Ферганского политехнического института.

ISBN:9789943569607

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение	5
Глава 1. Формирование Г.А. Пугаченковой как специалиста	15
1.1. Первые исследовательские работы Г.А. Пугаченковой в составе археологических экспедиций	15
1.2. Значение Южнотуркменистанской археологической комплексной экспедиции в формировании Г.А. Пугаченковой как крупного специалиста	24
Глава 2. Г.А. Пугаченкова - архитектор, искусствовед, археолог	34
2.1. Создание Узбекстанской искусствоведческой экспедиции во главе с Г.А. Пугаченковой. Основные результаты экспедиции.....	34
2.2. История архитектуры Узбекистана в исследованиях Г.А. Пугаченковой.....	59
2.3. Освещение проблемы изобразительных и прикладных искусств Узбекистана в трудах Г.А. Пугаченковой	108
Глава 3. Исследования Г.А. Пугаченковой по проблемам вспомогательных исторических дисциплин	120
3.1. Изучение истории керамического производства	120
3.2. Исследования в области нумизматики	127
3.3. Проблемы древней сфрагистики	135
3.4. Изучение восточной миниатюры - как исторического источника	139

Заключение	145
Список использованной литературы	152

ВВЕДЕНИЕ

С обретением государственной независимости задача духовного обновления, возрождения исторической памяти, оздоровления исторической науки в Республике Узбекистан была поставлена на уровень государственной политики.

Стратегия активизации роли исторической науки в духовном возрождении, восстановлении правды истории была изложена Президентом Республики Узбекистан И.А. Каримовым на встрече с историками летом 1998 г., в выступлениях, посвященных формированию национальной идеологии [1]. В беседе с научной общественностью республики Президент И.А. Каримов подчеркнул, что для изучения научных основ исторического знания, объективного изучения истории узбекского народа, формирования и развития его государственности, борьбы за национальную независимость, этнической истории, для формирования на новом качественном уровне научных знаний, для интеграции Узбекистана в мировое сообщество, для изучения истории цивилизации исключительно велико значение подлинных исторических источников, без которых не может быть исторического исследования [2]. В этом аспекте для освещения исторического развития республики важно привлечение не только письменных источников, но и изучение результатов археологических исследований, которые дают достоверную информацию, особенно о древней и первобытной истории.

В становлении и формировании археологии, как отрасли исторической науки в целом, большое значение имели разработки ученых-археологов и востоковедов, таких как М.Е. Массой, В.Л. Вяткин, С.П. Толстов, Я.Г. Гулямов, В.А. Шишкин, А.П. Окладников и другие.

Среди исследователей истории материальной культуры Узбекистана достойное место занимает Галина Анатольевна Пугаченкова - кандидат архитектуры, доктор искусствоведения, профессор, действительный член Академии наук

Республики Узбекистан, почетный доктор Страсбургского университета (Франция), член-корреспондент Германского археологического института и Итальянского института Среднего и Дальнего Востока, академик международной Академии архитектуры стран Востока, заслуженный деятель науки Республики Узбекистан.

Научный интерес Г.А. Пугаченковой как многогранного ученого, составляли, главным образом, археология, архитектура, художественная культура Средней Азии доантичного и античного времени; архитектура и искусство раннего и развитого средневековья; преемственность традиций в народном зодчестве и искусстве мастеров последующих поколений; методика научной реставрации памятников материальной культуры; предметы декоративного и прикладного искусства как проявление художественной культуры былых эпох и как художественное наследие современности. Она является родоначальником изучения среднеазиатской глиптики, капитального исследования глазурованной средневековой керамики, разработки проблемы среднеазиатской школы миниатюрной живописи. Крупные научные открытия Г.А. Пугаченковой вошли в сокровищницу культуры и искусства Средней Азии. Большое внимание уделяла Галина Анатольевна воспитанию кадров.

Анализ деятельности Г.А. Пугаченковой как одного из основоположников научного изучения творческого наследия узбекского народа, её исследований, взглядов и обобщений представляет большой научный, источниковедческий интерес для исторической науки Узбекистана. Работы подобного плана играют и важную

воспитательную роль, раскрывая достойные подражания образцы самоотверженного отношения к науке. Дать научный анализ исследовательской деятельности Г.А. Пугаченковой и её вклада в развитии археологической науки Узбекистана является актуальной историографической задачей.

Целью настоящей работы является анализ научной деятельности Г.А. Пугаченковой, освещение ее заслуг в развитии археологии Узбекистана.

Исходя из этого, ставятся следующие задачи:

- определить значение исследований ТАКЭ (Термезская археологическая комплексная экспедиция) и ЮТАКЭ (Южнотуркменистанская археологическая комплексная экспедиция) в формировании Г.А. Пугаченковой как специалиста, а также выявить степень влияния результатов исследований этих экспедиций в освещении истории архитектуры, материальной культуры и искусства Узбекистана;
- отразить заслуги Г.А. Пугаченковой в изучении археологических источников, выявленных Узбекистанской искусствоведческой экспедицией: а) раскрыть вопросы периодизации истории развития керамики, разработанной Г.А. Пугаченковой; б) проанализировать деятельность Г.А. Пугаченковой в изучении нумизматики и сфрагистики эпохи древности и раннего средневековья;
- изучить исследования Г.А. Пугаченковой в области архитектуры древности и средневековья.
- осветить исследования Г.А. Пугаченковой по изучению миниатюрной живописи Узбекистана.

Многогранная научная деятельность Г.А. Пугаченковой известна не только у нас в республике, но и зарубежом. Однако она не получила

достаточного освещения в историографии, несмотря на огромное значение результатов исследований. Публикации, посвященные научному наследию Г.А. Пугаченковой, это, в основном, газетные и журнальные статьи, приуроченные к её юбилеям. Среди них статья Л.И. Ремпеля о деятельности Г.А. Пугаченковой. Его "Диалоги в письмах" содержат несколько писем Г.А. Пугаченковой второй половины 50-х - конца 80-х годов, т.е. охватывают довольно большой отрезок времени [3].

Анализируя

содержание приведенных Л.И. Ремпелем писем, отметим их разноплановость, богатство тематики. Среди них немало таких, которые непосредственно связаны с научной деятельностью Г.А. Пугаченковой. Они, в основном, отображают процесс и результаты археологических изысканий, которыми Г.А. Пугаченкова обменивалась с Л.И. Ремпелем, их переписка в какой-то мере была своеобразной творческой лабораторией [4]. В этих письмах апробировались новые идеи, обсуждались события научной жизни и выкристаллизовывались совместные труды этих выдающихся ученых. На протяжении многих лет они были первыми цензорами друг для друга.

Л.И. Ремпель в своей книге отмечал, что они постоянно обсуждали методику науки об искусстве. И хотя тема менялась, теория и практика скрещивались

[5].

Среди других публикаций упомянем работы известного археолога, академика АН РУз Э.В. Ртвеладзе. Он также посвятил творчеству Г.А. Пугаченковой несколько статей [6]. В одной из них - "Первая экспедиция с Галиной Анатольевной" - наряду с высокой оценкой научных

разработок Г.А. Пугаченковой, автор отмечает её педагогический талант и научно-организаторскую деятельность.

В статье Э.В. Ртвеладзе "Г.А. Пугаченкова и архитектурные реконструкции" отмечается, что ею был создан оригинальный метод графической реконструкции архитектурных памятников, основанный на изучении методов строительной техники и зодчества разных периодов [7]. Научно-исследовательская и творческая деятельность Г.А. Пугаченковой отражена в историографических трудах Б.В. Лунина. Он, оценивая её многогранные интересы и заслуги в науке, подытоживает: "Действительно поражает своеобразие, оригинальность исследований Г.А. Пугаченковой, её замечательная способность проникать в тайное тайных каждого изучаемого памятника или предмета старины, видеть в нем единство формы и содержания синтетического воплощения человеческого разума, мастерства величия духа, всего, что вызывало к жизни данное явление художественной культуры. Эта черта присуща всей творческой деятельности Г.А. Пугаченковой и её работам по истории художественной культуры Средней Азии" [8].

Известный ученый-археолог Л.И. Альбаум в своих "Воспоминаниях", посвященных научной деятельности Г.А. Пугаченковой отмечает многогранность научных разработок ученого и подчеркивает, что научная плодотворность её всегда сопровождалась добросовестностью и фундаментальностью научных положений и выводов[9].

Важное значение имеет публикация С.Б. Луниной "Несколько слов об учителе", где особое внимание обращается на своеобразие археологоискусствоведческой школы, созданной Г.А. Пугаченковой [10].

Г.И. Бабаджанова в статье "Подвижничество" о Г.А. Пугаченковой как архитекторе указывает, что она проделала большую работу не только по изучению и реконструкции архитектурных памятников, но и организовывала их государственную охрану [11]. Г.И. Бабаджанова отмечает комплексный характер научных разработок Г.А. Пугаченковой, подчеркивает достоинства этого подхода, при котором археология, архитектура и изобразительное искусство гармонически дополняют друг на друга, давая возможность воспроизвести наиболее близкую к истине историю архитектурного комплекса или его графическую реконструкцию.

Таким образом, деятельностью и творческим вкладом Г.А. Пугаченковой интересовался целый ряд крупных историков, археологов и искусствоведов, сотрудничавших с ней в разные годы. Однако ни в одной из них не содержится комплексного всестороннего охвата многогранной научной деятельности исследователя. Такая крупная и оригинальная личность как Г.А. Пугаченкова, результаты её плодотворной научной деятельности требуют специального исследования, в жанре научной персоналии. Первой попыткой всестороннего охвата и осмысления жизни и деятельности Г.А. Пугаченковой является книга С.М. Горшениной "Галина Пугаченкова"[12]. Эта работа носит научно-биографический характер и представляет собой удачный образец научно-популярной повести о жизни и деятельности крупного ученого Средней Азии.

Значительная часть работы С.М. Горшениной состоит из авторских цитат Г.А. Пугаченковой, оживляющих книгу искренними эмоциональными, личными воспоминаниями. В этой книге Галина Анатольевна сама объясняет многие моменты своей научной биографии, тесно переплетенной с её личной и семейной жизнью.

В первой части книги, где повествуется о детских и студенческих годах Г.А. Пугаченковой, чувствуется дыхание эпохи первой половины XX века, трудные годы войны и сталинских репрессий. В этот период коренной ломки социальной жизни Средней Азии, становления современной культуры, науки и образования происходит формирование личности будущего исследователя. Первые шаги в науке Г.А. Пугаченковой - это участие ее в ТАКЭ, возглавляемой М.Е. Массоном. В главе "Археологическое крещение: Термезская археологическая комплексная экспедиция" СМ. Горшенина на примере ТАКЭ показывает, как складывались и работали первые крупные комплексные археологические экспедиции Средней Азии. Г.А. Пугаченкова в составе ТАКЭ - молодой, активный исследователь с широким кругом интересов. В этой главе хорошо показан процесс становления молодого специалиста. В процессе крупномасштабных полевых и теоретических разработок, осуществленных ЮТАКЭ, происходит окончательное становление Г.А. Пугаченковой как крупного специалиста, археолога, архитектора и искусствоведа. В этой части книги С.Горшенина в художественной форме раскрывает личную жизнь и научную деятельность Г.А. Пугаченковой во второй половине 40-х - 50-х годов XX века.

В одной из основных глав книги "Звездная находка Узбекистанской искусствоведческой экспедиции" подробно изложена история организации и деятельности УзИскЭ, основанной Г.А. Пугаченковой в 1960 г. В этой главе

С.М. Горшенина использует цитаты самой Г.А. Пугаченковой, раскрывающие основные концепции и методологическую позицию разностороннего искусствоведа[13].

Однако в книге С.М. Горшениной, в силу ее биографического жанра, многие аспекты деятельности Г.А. Пугаченковой остались за пределами внимания. В центре книги образ Г.А. Пугаченковой - женщины и ученого. Результаты творческой деятельности даны через призму её личных переживаний. Тем не менее, С.М. Горшенина выявляет ряд особенностей творчества своей героини. Они отражены в разделах "Бумажная архитектура: графические реконструкции", "Импортированное или локальное". Здесь дается оценка вклада Г.А. Пугаченковой в развитие методики изучения истории архитектуры Средней Азии и в решение многих спорных вопросов истории культуры Средней Азии. Но автор не уделяет должного внимания существенным сторонам научной деятельности Г.А. Пугаченковой, в частности, не получили освещения её исследования в таких областях, как нумизматика, керамика, глиптика, коропластика и др.

Таким образом, выше перечисленные газетные и журнальные статьи и монография, освещающие творчество Г.А. Пугаченковой, носят в основном публицистический характер. Наше исследование представляет собой комплексный историографический анализ почти 70-летней творческой деятельности этого выдающегося исследователя культуры Узбекистана и Средней Азии.

Источниковой базой исследований служили материалы, освещающие научную, научно-организаторскую и педагогическую деятельность Г.А. Пугаченковой; использованы факты, полученные из личных бесед автора с Г.А. Пугаченковой и со специалистами, близко знающими ученого, работавшими непосредственно с ней или под её руководством; особый интерес для воссоздания научной биографии ученого, её роли в развитии археологии Узбекистана представляют труды Термезской

археологической комплексной экспедиции, Южно-туркменистанской археологической комплексной экспедиции и Узбекистанской искусствоведческой экспедиции в области археологии, архитектуры, истории искусств, нумизматики, керамики. Исследование в рамках избранной темы проведено на обширном библиографическом материале, значительная часть которого привлекается впервые.

Известно, что развитие исторической науки неотделимо от тех, кто создает эту историю, то есть от биографий ученых, своей эрудицией и энергией вносящих крупный вклад в развитие различных сфер исследования. Важное значение для методологической основы монографии имеют выпускаемые издания, посвященные жизни и деятельности отдельных ученых-историков республики, а также работы, посвященные разработке археологического метода исследований [14]. Основополагающее значение в процессе разработки методологической концепции исследования имеют труды Президента Республики Узбекистан И.А. Каримова и Ш.М.Мирзиёева, а также Постановления Кабинета Министров Республики Узбекистан, в которых содержатся положения по развитию исторической науки в Узбекистане [15]. В качестве методологической основы выбраны сравнительно-аналитический, ретроспективно-исторический и оценочный методы исследования.

В работе раскрывается деятельность Г.А. Пугаченковой в ТАКЭ и ЮТАКЭ, как своеобразной научной школе, формирование её как специалиста. В данной работе впервые делается попытка дать цельную, системную характеристику вклада в историческую науку одного из крупнейших ученых XX в. В монографии проанализировано место УзИскЭ в развитии археологической науки Узбекистана на основе

большого числа источников; показана объективность выводов Г.А. Пугаченковой в вопросах, касающихся истории архитектуры. Кроме того, нашла отражение обоснованность хронологии, примененной ею при изучении античной керамики Бактрии и Согда. Освещено развитие научных взглядов по археологии, нумизматике, сфрагистике и изобразительному искусству древности и средневековья.

Практическая значимость монографии состоит в том, что систематизированный в ней фактический материал и сделанные выводы могут быть использованы в дальнейших историографических исследованиях по изучению археологической школы Узбекистана. Результаты исследования могут быть использованы при написании обобщающих работ по истории исторической науки Узбекистана; фактический, биографический материал может быть использован для создания банка данных об узбекистанских ученых, по истории интеллигенции и вопросам культурного развития республики; при разработке спецкурсов по истории архитектуры для архитектурных факультетов, историографии археологических исследований для исторических факультетов высших учебных заведений.

Глава 1. ФОРМИРОВАНИЕ Г.А. ПУГАЧЕНКОВОЙ КАК СПЕЦИАЛИСТА

1.1. Первые исследовательские работы Г.А. Пугаченковой в составе археологических экспедиций

Формирование и развитие археологии как науки в Узбекистане имеет давнюю историю, и было предметом изучения многих специалистов. Первые археологические исследования в Узбекистане начались во второй половине XIX века. Большую роль для развития этой отрасли сыграл Туркестанский кружок любителей археологии, созданный в 1895 г. и осуществлявший работу по изучению края. Его деятельности посвящена статья М.Е. Массона, в которой содержатся важные сведения об археологических исследованиях того времени [16]. Среди научных работ, посвященных истории археологических исследований в нашей республике, следует назвать статью В.А. Шишкина, в которой приведены результаты археологических исследований в разных регионах в течение 1924-1964 гг [17]. Автором высоко оценена исследовательская деятельность археологов,

направленная на развитие науки. Однако для полноценного историографического анализа развития археологии в Узбекистане недостаточно только обобщенных характеристик этапов развития этой отрасли, важна еще и критическая оценка деятельности крупных ученых с тем, чтобы объективно определить их роль и место в развитии археологии и исторической науки в целом. Изучение истории археологических исследований позволяет с определенной долей уверенности утверждать, что эта отрасль в Узбекистане после длительного этапа становления, как самостоятельная наука сформировалась во второй половине XX в. На

начальном этапе её развития большой вклад внесли крупные ученые-археологи М.Е. Массой, В.А. Шишкин, Я.Г. Гулямов, С.П. Толстов, В.Л. Вяткин и др. В результате их исследований накоплен богатейший археологический материал по изучению прошлого не только Узбекистана, но и Средней Азии в целом.

Научная деятельность этих ученых, их роль в развитии археологии Узбекистана как науки, изучена некоторыми исследователями[18].

Особое место в развитии археологии, истории архитектуры и искусства Средней Азии принадлежит академику Г.А. Пугаченковой. Анализ научной деятельности Г.А. Пугаченковой, в числе основоположников археологии, и оценка её с позиций современности, приводит к более полному пониманию развития исторической науки Узбекистана в целом и археологии как одной из ее отраслей.

Галина Анатольевна Пугаченкова родилась 7 февраля 1915 г. в городе Верный (ныне Алматы). Отец ее был архитектором, мать - педагогом. В 1931 г. она поступила в САИИ - (Среднеазиатский индустриальный институт), на архитектурное отделение строительного факультета. Закончив институт, она поступила на работу в Узкомстарис - Узбекистанский комитет по делам музеев, природы старины и искусств. До образования Узбекистанского филиала Академии наук СССР (ныне АН РУз) комитет оставался центром научно-исследовательских работ в области археологии, архитектуры и искусства Узбекистана.

Начало исследовательской деятельности Г. А.Пугаченковой в составе археологических экспедиций практически совпало со временем "великих археологических открытий" в Средней Азии. Одна из характерных черт этого периода - образование крупных археологических экспедиций, зачастую носивших комплексный характер, и оживление

археологических исследований в зоне народных новостроек. Например, организованная в 1936 г. под руководством М.Е. Массона Термезская археологическая комплексная экспедиция - ТАКЭ, возглавляемая в 1934-1939 гг. А.Ю. Якубовским Зарафшанская археологическая экспедиция; в 1937-1940 гг. С.П. Толстовым - Хорезмская археологическая экспедиция. Из отдельных отрядов следует упомянуть раскопки А.И. Григорьевым поселения Каунчи в Ташкентской области в 1934-1937 гг.; в 1937-1939 гг. В.А. Шишкин открыл остатки дворца в Варахше; в 1940-1941 гг. А.И. Тереножкин осуществлял раскопки Актепа в Ташкенте.

До ТАКЭ, не считая единичных археологических раскопок и разведок, большей частью проходивших под патронажем Туркестанского кружка любителей археологии, в Термезе работали только экспедиции московского Музея восточных культур, возглавляемого Б. Денике. Трехсезонная деятельность экспедиции МВК в Термезе пробудила интерес к прошлому этого города. В 1928 г. там возник краеведческий кружок по изучению истории города и оставшихся памятников материальной культуры[19]. В освещении истории Старого Термеза большую работу проделала Термезская археологическая комплексная экспедиция (ТАКЭ). Основные ее задачи - осветить процесс развития города с древнейшей поры до настоящего времени, изучить историческую топографию Старого Термеза, исследовать архитектурные памятники за пределами древнего города и провести раскопки замков и городищ [20]. В 1938 году впервые в составе ТАКЭ участвовала Г.А. Пугаченкова в качестве архитектора.

По своей сути, деятельность ТАКЭ - самой крупной археологической экспедиции в Средней Азии в 1938 г. была логическим продолжением работы, начатой еще в 1936 г., когда была определена основная тематика и направленность. Путём установления отдельных

историко-археологических фактов и выяснения общей тенденции развития города необходимо было решение более широких проблем: изучение греко-бактрийского царства, государства Кушан, распространение буддизма в Средней Азии и т.д [21].

У каждого сотрудника экспедиции были четкие функциональные обязанности. Так, в задачи Г.А. Пугаченковой входило осуществление обмеров архитектурных объектов - наземных или выявленных археологами. В числе их были внутрискальные помещения буддийского монастыря Каратепа и мечеть Чор-сутун. Из наземных объектов ею был выполнен уточненный план архитектурного комплекса Хакима ат-Термези, а также план и разрез первоначального мавзолея в ансамбле Султан-Саодат.

Археолого-архитектурные исследования в мечети Чор-сутун конкретизировали историю сложения этого интересного памятника архитектуры и его место в истории города. Одновременно Г.А. Пугаченкова изучала отдельные памятники за пределами Термеза. Так, исследование совместно с археологом В.А. Шишкиным одного из интереснейших архитектурных памятников Узбекистана - минарета в Джаркургане позволило уточнить дату его возведения и составить научное представление об этом уникальном памятнике.

В результате деятельности ТАКЭ для изучения истории культуры этого крупного города был собран огромный материал. Одним из сотрудников

ТАКЭ А.П. Окладниковым было сделано сенсационное открытие: в пещере Тешикташ найдены останки неандертальца. На городище Старого Термеза при раскопках или закладке стратиграфических шурфов были определены основные черты его исторической топографии и датировка

основных стратиграфических слоев, которые на нижнем уровне уходили за грань нашей эры и соотносились со временем греко-бактрийского царства [22].

Раскопки принесли открытие ряда погребальных сооружений, выявив частично или полностью их планировку и отдельные строительные блоки. Получен интересный материал к характеристике древней архитектуры Средней Азии, многочисленные архитектурные детали, например, каменные торовидные базы, коринфизированные капители пилястр и профилированные карнизы, явно несущие черты эллинистического воздействия. Эти материалы дали возможность Г.А. Пугаченковой конкретизировать влияние эллинизма в архитектуре Бактрии, и высоко оценивать роль местных мастеров в развитии строительных сооружений тех времен.

ТАКЭ положила начало изучению буддийского монастыря на холме Каратепа, мечети Чор-сутун, комплексов Хаким ат-Термези и Султан-Саодат, дворца Термезских правителей XI-XII вв. и ряда других архитектурных памятников, восполнив тем самым многие звенья в общей типологии древней и средневековой архитектуры Средней Азии.

Исследованиями ТАКЭ в Старом Термезе была начата широкомасштабная комплексная работа, однако итоги ее не получили полного обобщения, хотя частично опубликованы в отдельных статьях в "Трудах ТАКЭ" [23].

В содержательных вещественных сборах ТАКЭ - керамика, в составе которой удалось выделить кушанский комплекс первых веков нашей эры и средневековый X-XII вв. Исключительный интерес представляли стеклянные, полупрозрачные медальоны из дворца с оттиснутыми на них рельефными изображениями шести вариантов; набор ладошкообразных

железных криц из раскопа в квартале металлистов; косточки персика из средневекового слоя одного из лучших среднеазиатских сортов. Многочисленные монеты, как подъемные, так и полученные в ходе раскопок, внесли ряд хронологических уточнений, а некоторые ввели в среднеазиатскую нумизматику новые типы [24]. В 1938 году ТАКЭ прекратила свою деятельность, но даже три кратких сезона дали огромный материал по истории развития общества и культуры не только Термезского района и Узбекистана, но и всей Средней Азии [25].

После участия в полевых работах ТАКЭ археология стала одной из основных сфер научной деятельности Г.А. Пугаченковой. Позже в основу её научных исследований в области архитектуры и искусствоведения лягут многие открытия, сделанные при археологических раскопках. Сама Г.А. Пугаченкова так оценивает роль археологии в своей научной деятельности: "Участие в работах ТАКЭ (Термезская археологическая комплексная экспедиция) ясно дало мне понять, что для постижения архитектуры среднеазиатской античности нужны были объекты, погребенные в напластованиях веков, и археологическое их извлечение. Значит, решила я, если хочешь заниматься античностью, следует самой овладеть археологическими методами, поставив при этом целью выявление и изучение памятников художественной культуры. В дальнейшем именно этим я и занималась" [26].

Мы можем сказать, что археология в жизни Галины Анатольевны появилась со времени участия в работах ТАКЭ, и не просто как временное увлечение, а как область стойких профессиональных интересов. Здесь же впервые она познакомилась с принципами археологической школы М.Е. Массона.

В период работы в ТАКЭ у Г.А. Пугаченковой проявился интерес к архитектурным памятникам, которые являлись плодом созидательной

деятельности наших древних предков, удивляющим своей красотой не одно поколение. Её кандидатская диссертация называлась "Архитектура Средней Азии эпохи Навои"[27].

Известно, что архитектурные памятники XIV-XV вв. связаны с эпохой Темура и темуридов. Большое количество памятников сохранилось до наших дней в Самарканде, Шахрисабзе и многих других городах. Алишер Навои, как государственный деятель, всячески поддерживал возведение многих архитектурных сооружений. По словам Г.А. Пугаченковой, определяющими в избрании ею темы для диссертации, послужили 2 фактора - её собственный интерес к зодчеству периода темуридов, тогда ещё плохо изученному, и намечавшееся в 1941 г. празднование 500-летнего юбилея классика восточной поэзии Алишера Навои[28]. В связи с этим юбилеем Узкомстарис организовал изучение мавзолея Ишратхана, возведённого в 1464 г., когда Навои находился в Самарканде. На памятнике были осуществлены археологические шурфовки, вскрытие склепа. Произведено историко-архитектурное исследование самого объекта и археологическое изучение его окружения [29]. В возглавленной М.Е. Массоном экспедиции участвовала и Г.А. Пугаченкова. Её задача заключалась в проведении детальных архитектурных обмеров памятника. Результаты были опубликованы в коллективной монографии об Ишратхане. Полученные материалы археолого-архитектурного исследования памятника позволили Г.А. Пугаченковой изучить архитектурную композицию и осуществить графическую реконструкцию памятника [30].

В 1942 г. кафедра археологии САГУ возглавила историкоархеологическое изучение мавзолея Гур-Эмир в связи с крупными ремонтнореставрационными работами. Было заложено свыше десяти раскопов и шурфов на площади ансамбля Гур-Эмир. Получен

обильный археологический материал, использованный затем при реставрации памятника. Результаты экспедиции позволили совершенно по-новому осветить всю историю сооружения комплекса [31].

Среди археологических экспедиций, осуществленных кафедрой в 1942 г. во главе с М.Е. Массоном и участием Г.А. Пугаченковой, следует отметить археолого-топографические и историко-архитектурные исследования в Кеше-Шахрисабзе. В задачу экспедиции входил суммарный охват различных сохранившихся памятников материальной культуры на территории Шахрисабза для установления основных вех в периодизации истории главного города Кешского вилайета, а также изучение архитектурного комплекса памятников в южной части города для выяснения происхождения каждого из них в отдельности и истории сложения ансамбля в целом. Впервые было установлено, что Шахрисабз эпохи темуридов территориально не был связан с древним и раннесредневековым Кешем, находившемся в действительности на месте современного Китаба, и удалось по-новому понять происхождение и историю архитектурных памятников Шахрисабза

[32].

На протяжении 1942-1943 гг. кафедра под руководством М.Е. Массона также осуществила экспедиции по всестороннему обследованию мавзолея конца XV в. над могилой Юнус-хана в Ташкенте. Было произведено шурфование внутри и снаружи памятника. Г.А. Пугаченковой произведен архитектурный обмер[33].

При изучении деятельности Г.А. Пугаченковой необходимо обратить внимание на её участие в исследованиях, проводившихся не только в

Узбекистане, но и в Туркменистане, Киргизстане, Казахстане. Так, в 1945 г. она участвовала в экспедиции, изучавшей замечательный памятник XIV в. Гумбез Манас, который связывался с именем героя народного эпоса, а в действительности же оказался мавзолеем одной из представительниц монгольской знати Кянизак Хатун. До организации данной экспедиции было много споров, разных мнений по поводу даты и лиц возведения памятника[34]. В 1945 г. в управление по делам архитектуры при СНК были приглашены М.Е. Массой и Г.А. Пугаченкова для детального изучения памятника в целях последующего его капитального ремонта и составления о нем монографического исследования.

Г.А. Пугаченковой были осуществлены обмеры памятника и его графическая реконструкция, а также проведен сравнительный анализ архитектурной структуры этого памятника со средневековыми памятниками Средней Азии и сделан вывод, что памятник относится к XIV веку, положив тем самым конец дискуссиям [35].

В заключение мы можем сказать, что для формирования Г.А. Пугаченковой как специалиста имело важное значение её участие во многих археологических экспедициях. ТАКЭ была первой из сложившихся в Средней Азии археологических экспедиций нового типа, а именно комплексной. Концепция экспедиции нового типа была разработана М.Е. Массоном. Эта экспедиция показала ряд преимуществ по сравнению с другими: широкий диапазон тематики, широкий охват времени - от каменного века до XIX века включительно. В развитие дальнейших научных поисков Г.А. Пугаченковой большое значение имели ТАКЭ и ряда других экспедиций. В эти годы Г.А. Пугаченкова формируется как ведущий специалист в области истории архитектуры. Уже в первые годы вырабатывается особый стиль исследований Г.А. Пугаченковой, для которого характерен гармоничный синтез археологии и монументального искусства.

1.2. Значение Южнотуркменистанской археологической комплексной экспедиции в формировании Г.А. Пугаченковой как крупного специалиста

Для дальнейшего формирования Г.А. Пугаченковой как опытного специалиста немаловажное значение имело участие возглавленной в 1946 г. М.Е. Массоном Южнотуркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ), основной задачей которой было уточнение периодизации исторических событий, имевших место на территории Южной Туркмении на протяжении всего периода существования здесь человеческого общества. В частности, особое внимание предполагалось уделить трем аспектам: первобытному обществу, периоду существования Парфянского государства и эпохе XI-XII вв. По характеру научных проблем были сформированы особые тематические отряды: по эпохе каменного века, по периоду от неолита до раннежелезного века; по изучению двух крупнейших городов античности и средневековья - Нисы и Мерва; этнографический отряд; отряд по исследованию древних торговых путей; историкоархитектурный отряд, возглавленный Г.А. Пугаченковой. Плодотворность исследований ЮТАКЭ обеспечил принцип комплексности, который применялся и в ТАКЭ. Перед Галиной Анатольевной в этой экспедиции были поставлены следующие задачи: во-первых, произвести археологические вскрытия на раскопках архитектурных объектов - будь то фортификационные сооружения, здания светского или храмового зодчества; во-вторых, осуществить маршрутные исследования разбросанных по всему южнотуркменистанскому региону памятников зодчества; в-третьих, изучить вновь открытые объекты изобразительного и прикладного искусства разных периодов. Именно эта задача являлась одним из

важнейших аспектов её деятельности. Ведь уже к первым сезонам ЮТАКЭ сложились основные направления научных поисков Г.А. Пугаченковой. Вся её деятельность

"ютакинского" периода была подчинена главной цели - созданию истории архитектуры Туркменистана. Участие в ЮТАКЭ углубило интерес к археологии, начавшийся ещё в Термезе, приоткрыв также перспективы в области исследований художественной керамики, нумизматики, скульптуры, живописи малой пластики, торевтики, а также дав простор для развития методики архитектурных реконструкций памятников прошлого. В 1946 г. были проведены раскопки на городищах Старая и Новая Ниса. Археологические работы здесь были тесно связаны с рядом архитектурных памятников, что неизбежно стало для архитектурной группы основным объектом изучения их. Это были объекты значительного хронологического диапазона: парфянской эпохи, средневековые, XIX столетия, и типологически - различных групп: светского и культового характера, общественного и индивидуального назначения. Территориально эти строения были разбросаны на всей площади античного акрополя Старой Нисы, древней и средневековой Новой Нисы, пригородной части Нисы - рабада.

В процессе работ были охвачены следующие объекты: комплекс парфянских зданий юго-западной части городища Старая Ниса; одна из "красных камер" парфянского некрополя Новой Нисы; баня в цитадели Новой Нисы; намазгох, расположенная у подножья гор, на краю огромного древнего кладбища; а также анализировались фрагменты архитектурного декора монументальных зданий [36].

В 1947 г. Г.А. Пугаченковой были проведены обмеры вскрытых на Старой Нисе фрагментов квадратного зала, круглого храма, северного комплекса. А также проводились исследования в рамках маршрутного отряда Дахистан - Абиверд - Серахс, давшие ряд уточненных обмеров, как известных, так и вновь открытых памятников. В частности, в пригородах Мешхеда и Мисриана были осмотрены мечеть-мавзолей Шир-Кабир IX-X вв. с боковыми пристройками XII в. и группа возвышающихся неподалеку

на кладбища мавзолеев (три восьмигранных, четыре круглых). На городище Мисриана обследованы портал мечети, два минарета XI-XII вв., остатки бани, у городских ворот — караван-сарай. По ходу маршрута был изучен мавзолей Парау-ата у стен средневекового города Ферава и стоящий поблизости безымянный мавзолей XI-XII вв. На городище Пештаг зафиксированы руины портала монументального здания того же времени, мавзолей Сандуклы-овлия XVII в., на городище Чугундор — мавзолей Чугундор-баба, в Серахсе — мавзолей Серахс-баба (XI-XII вв. с пристройками XV в.). Близ Серахса открыт ранее неизвестный мавзолей Ярты-Гумбез 1119 г. В Анау накануне сокрушительного ашхабадского землетрясения был проведен детальный обмер знаменитой анауской мечети середины XV в., на основе которого в дальнейшем была выполнена её графическая реконструкция, а также близ аула Анау велось изучение башендингов XVIII-XIX вв. Полевые работы этого года составили ядро будущего фундаментального исследования Г.А. Пугаченковой[37].

В 1948 году проводилось изучение памятников в селе Астана-баба на амударьинском побережье: так называемого мавзолея Аламбердара начала XI

в., который был отождествлен с мавзолеем последнего Саманида Мунтасира; комплексного здания, включавшего в себя усыпальницу Убейда и Зубейды, и мечеть (XI-XII вв., подновления XIV, XVI вв.) и жилые дома XVIII-XIX вв., характерные для данного региона.

В 1949 г. велось изучение мавзолея Абу-Саида в Меана (XI в. с подновлениями XV в.).

Таким образом, интенсивные разведочные маршруты

Г.А. Пугаченковой позволили ЮТАКЭ открыть ряд новых шедевров древней и средневековой архитектуры и получить первую картину эволюции архитектуры этого обширного региона Средней Азии.

В период 1950-1952 гг. во время стационарных работ ЮТАКЭ на городищах Старого Мерва Г.А. Пугаченковой были изучены памятников Мерва и Мервской округи: "гофрированные" кешки Большая и Малая Кызкала (У-УШ вв.); Храм-кешк на Гяур-кале; крупные купольные сардоба XIX в. в округе Мерва и близ рабата ал-Тахмаладж; руины буддийской кумирни XIII в., выстроенной в традициях дальневосточной архитектуры; стены Абдулла-хан-калы, возведенного при темуриде Шахрухе в XV в. а также руины дворца этого времени; ансамбль XV в. у могил Асхабов — сподвижников пророка Мухаммада — Бурейды и Гифари — за городской стеной; мечеть Юсуфа Хамадани XVI в. близ Султан-калы; Большая и Малая Нагим-кала — два гофрированных кешка VI-VIII вв. в Мервском оазисе; жилые дома на городищах У1-УП вв. Тугай-депе и Мунон-тепе; мечеть на городище Башан, мечеть Талхатан-баба в 30 км от Мерва (обе — XI-XII вв.). Внутри Султан-калы Мерва были сняты планы крупного средневекового здания; на древнем пути из Мерва в Хорезм изучены руины крупного караван-сарая на городище Мунон-депе; на пути из Мерва в Серахс — кешки Сулу-кошук, Акуйли-кошук; на городище Дурнали и Мунон-депе — "гофрированные" кешки. На территории городища самого Мерва — руины дворца правителей в Шахрияр-арке XII и XIV вв.; жилые дома X-XII вв. в квартале керамистов к востоку от Гяур-калы и к западу от Султан-калы; жилые дома горожан XI-XII вв. на городище Яз-депе, жилой дом у Яккипера; туркменские сельские усадьбы-хавлы XVIII-XIX вв. в Чарджоуской области.

В Дарганатинском районе в 1953 г. были изучены крепостные стены с "гофрированными" угловыми башнями средневекового городища

Дарганата и остатки Чашкала. У Садвара — остатки аналогичной башни и мазар Матирабад XIX в., руины средневекового караван-сарая в Тонгуз-Тулал.

В 1954 г. на старом пути к северу от Мерва в Хорезм исследован ряд караван-сарая у Одемергенъ-кала и близ городища Ал-Аскер, а на пути Мерв-Чарджоу — караван-сарай Акча-кала, Дая-хатын и безымянный караван-сарай на городище Куртлы.

В 1955 году велось исследование трех мавзолеев в горах Копетдага — Махтум XVII в. в долине Сумбара, гумбеза шейха Овез-берды близ села Яван XIV-XV вв.; Парау-биби в урочище Тонгуз-тугай XI-XII вв.; на городище Чильбурдж Мервского оазиса были осмотрены руины круглоствольного минарета и мечети дворового плана X-XI вв. на старом пути из Мерва в Серахс — Овлияли-кешк XI в., стены которого оформлены гофрами. К югу от Мерва у городища Кельте-минара (отождествляемого со средневековым Генугирдом) крупный гофрированный кешк XI-XII вв.

Маршрутные исследования 1956 г. в Каракалинском районе в долине Сумбара дали образцы туркменской народной архитектуры - жилые дома, мечети, мазары, в предгорьях Копетдага - мазары Ак-Имам, в Дуруне, безымянный мазар близ селения Ходжа у Коушута, мазар Ходжи-Аджи в старом Фарабе. В Фарабском районе и в селении Халач - ряд туркменских усадеб-хаули. Три мавзолея в горах Копетдага — Махтум XVII в., гумбез шейха Овез-берды близ селения Яван XIV-XV вв., Парау-биби в урочище Тонгуз-тугай XI-XII вв.

В следующем году Г.А. Пугаченкова выполнила фиксацию мавзолея Абдуллы ибн Бурейды, возведенного в X-XI в. над почитаемой могилой сына погребенного в Мерве асхаба Бурейды.

Таким образом, в течение длительных, напряженных полевых исследований Г.А. Пугаченковой была обработана, а по большей части впервые открыта, целая серия памятников монументального зодчества, развивавшегося более двух тысяч лет.

Общее число обследованных и изученных Г.А. Пугаченковой памятников в составе ЮТАКЭ доходит до ста двадцати, не считая более пятидесяти объектов поздней туркменской народной архитектуры. В результате исследований архитектурных памятников Южного Туркменистана Г.А. Пугаченковой было опубликовано большое количество научных работ[38]. Она исследовала и осветила историю появления и применения конструкций сводов, использовавшихся в перекрытиях с древнего периода до средневековья в Южном Туркменистане[39]. В результате изучения строительной техники и методов строительства на примере Намазгадепе (II тыс. лет до н.э.) Г.А. Пугаченкова пришла к выводу, что развитие сырцовый сводчатой архитектуры Южного Туркменистана во II тысячелетии до н.э. находит прямые параллели в древнемесопотамской архитектуре, причем сложение строительных приёмов шло здесь и там общим, но самостоятельным путем [40].

Античные строительные приёмы Южного Туркменистана были изучены Г.А. Пугаченковой на примере монументальных сооружений Нисы и Мерва (III в до н.э. - III в. н.э.). В результате тщательного анализа парфянских памятников Дурнали, Чильбурджа, Кешкала, она отмечала, что "античный" этап истории строительного дела на территории Южного Туркменистана характеризуется широким развитием сырцовый сводчатой техники, дальнейшей разработкой приемов бескружального выведения сводов ("отрезками") и куполов (ложного типа) при возрастании пролетов перекрываемых помещений прямоугольного плана [41].

Методы архитектурного строительства и приемы сооружения перекрытий в Южном Туркменистане VI—X вв. были изучены Г.А. Пугаченковой на примере Хароба Кошук, Чильбурж, Нагимкала и Кызкала, Ширкабир и ряда других памятников. В результате тщательного анализа и сопоставления этих объектов с другими памятниками Средней Азии, она пришла к выводу, что IX-X вв. ознаменованы значительным прогрессом сводчатой техники в строительстве Южного Туркменистана. В монументальном зодчестве сырцовые своды и купола повсеместно становятся основным видом перекрытий. Применение дерева сходит почти на нет: его не употребляют даже в перемычках, предпочитая над проемами перебрасывать арки. В процессе строительства нет нужды в опалубках и кружалах, дерево используется лишь для легких подмостей да переносных лестниц"[42].

Как она отмечает, очень яркий и прогрессивный этап развития сводчатой техники в архитектуре Южного Туркменистана падает на XI - начало XIII в. Строительная техника и приёмы этого периода были проанализированы Г.А. Пугаченковой на примере жилых домов и каравансарая в Ал-аскаре, жилых домов в квартале мервских керамистов к востоку от Гяуркалы, Дая-Хатын, мавзолеях Санджара, Мухаммеда-бини-Зейда и

Худай Назар Авлия, мечети Талхатан-баба и в ряде других памятников. В результате изучения этих памятников, она также выделяет наличие для ряда памятников некоторых различий в технике строительства в рамках единого периода. В эту пору широко и повсеместно употребляется сырец, и наряду с ним, в области как монументального гражданского и культового зодчества, так и в инженерных сооружениях очень широко вводится жженный кирпич. Вместе с тем, развитие приемов строительства из жженого кирпича непосредственно было связано с опытом практики возведения конструкций из сырца. Арочные, сводчатые, купольные конструкции получают широкое распространение. Вырабатываются некие общестандартные типы перекрытий, сооружение которых могли

осуществлять хорошо обученные подмастерья. Преобладающим типом арок и сводов, как и прежде, являются стрельчатые, выложенные "отрезками", над которыми нередко проложена внешняя разгрузочная арочка. Такие приёмы Г.А. Пугаченкова выделяет при изучении жилых домов и караван-сараев в Ал-Аскере, жилых домов в квартале мервских керамистов к востоку от Гяуркалы и др[43].

По заключению Г.А. Пугаченковой, новый, принципиальной важности шаг в области сводчатой техники дает лишь XV век. Примером полноценной эволюции сводчатых систем в Южном Туркменистане она считает своды мечети Анау, а ее купола на щитовидных парусах - наиболее специфической чертой для этой эпохи.

В составе ЮТАКЭ, наряду с перечисленными архитектурными памятниками, Г.А. Пугаченковой были исследованы и произведения искусства. К примеру, при археологических раскопках, проведенных в 1948 г. в "большом квадратном доме", обнаружено большое количество мраморных статуэток, которые нашли отражение во многих публикациях Г.А. Пугаченковой.[44]

В результате исследований периода ЮТАКЭ Г.А. Пугаченковой был внесен значительный вклад в освещение античного искусства народов Средней Азии. Изучение архитектуры Нисы, терракоты Мерва дали ей возможность сформулировать основные понятия об эллинистической культуре Средней Азии.

Важно отметить, что почти все выявленные материалы были опубликованы, благодаря систематическому изданию "Трудов ЮТАКЭ", двух сборников "Материалов ЮТАКЭ" и множества статей, опубликованных в сборниках, научных и научно-популярных журналах и др.

Изучение средневекового зодчества было дополнено интересом к античной архитектуре во время работ ЮТАКЭ. Ютакинский период в жизни Г.А. Пугаченковой отмечен не только архитектурными штудиями, но и исследованием памятников изобразительного и прикладного искусства, в частности, парфянских и сасанидских гемм-инталей, коропластики, средневековой штампованной керамики из квартала керамистов Мерва, и глазурованной керамики типа "кобальт" XV-XVI вв. из Новой Нисы. ЮТАКЭ стала важной вехой в её научной биографии. В этот период она сформировалась не только как архитектор, но и как искусствовед и археолог, хорошо овладев методами археологических исследований. Также расширился объем её научных исследований. На смену талантливому молодому исследователю пришёл зрелый учёный, за спиной которого были крупные публикации, получившие признание во всем мире. Результатом двенадцатилетней работы стала докторская диссертация Г.А. Пугаченковой "Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма"[45]. Основной пафос диссертации заключался в идее самоценности и автохтонности среднеазиатской культуры, имевшей ряд специфических локальных особенностей, сохранившихся на протяжении веков, и ни в чем не уступавшей ни западноевропейской античности, ни ближневосточному средневековью.

Подводя итоги данного раздела, следует обратить внимание на то, что период, связанный с исследованиями, проводимыми Южнотуркменистанской археологической комплексной экспедицией, сыграл в научной жизни Г.А. Пугаченковой важную роль в становлении её как крупного специалиста в области археологии, истории архитектуры и искусствоведения. В её научной деятельности уже тогда проявился универсализм, свойственный её дальнейшим исследованиям. Именно этот

период можно считать временем становления исследователя, способного на деле осуществлять широкомасштабные полевые работы по комплексному изучению истории материальной культуры Узбекистана.

Глава 2. Г.А. ПУГАЧЕНКОВА - АРХИТЕКТОР, ИСКУССТВОВЕД, АРХЕОЛОГ

2.1. Создание Узбекитанской икисствоведческой экспедиции во главе с Г.А. Пугаченковой

При оценке заслуг Г.А. Пугаченковой в сфере археологической науки необходимо уделить особое внимание деятельности Узбекитанской икисствоведческой экспедиции, организованной ею при Институте икисствознания Академии художеств Узбекистана. Организацию экспедиции такого плана и направленности Г.А. Пугаченкова объясняла так: "Проблемой многолетних исследований, выдвинутых отделом изобразительного икисства и архитектуры Института икисствознания Узбекистана, являлась история икисств Узбекистана на всем пути его развития от древности до наших дней. Разработка данной проблемы велась по трем разделам - история архитектуры и икисства древних и средних веков; народное зодчество и декоративно-прикладное икисство недавнего прошлого, сохранившиеся в народно-этнографической и профессионально-ремесленной практике современности и, наконец, архитектура и икисство Узбекистана. Первые две темы требовали значительного пополнения фактического материала. Хотя в среднеазиатских и центральных музеях, в органах охраны памятников культуры и архивах различных институтов накоплен обширный материал, он был неполон и не охватывал целые хронологические отрезки и отдельные историко-культурные районы. Кроме того, сбор этого материала был осуществлен не столько в икисствоведческом плане, сколько в плане этнографическом, археологическом, инженерно-техническом и др. Всё это вызвало архитектуры,

изобразительных и прикладных искусств как наземных, так и погребенных в земле. Основу работ должна была определять искусствоведческая направленность - выявление новых памятников, памятников архитектуры вне зависимости от степени их сохранности; в) изучение народно-прикладного искусства[46].

Своеобразие экспедиции заключалось в её комплексности. В состав отрядов входили этнографы, археологи, художники, архитекторы, реставраторы и др. Экспедиционные работы включали две фазы: рекогносцировки и раскопки. Первая ставила задачей обследование маршрутными разъездами обширных территорий с фиксацией разбросанных здесь памятников и последующим выбором наиболее перспективных для изучения. Рекогносцировки этой экспедиции были осуществлены по всей республике. При этом было обследовано несколько сот городищ и холмов, дано их первичное хронологическое определение, составлены описания. Было обнаружено немало памятников архитектуры, где осуществлены обмеры, описания, фотосъёмка. Такие архитектурные исследования проводились с начала 1960 г., например, был открыт уникальный мавзолей в Тиме. В селе Тим, где сохранились великолепные образцы средневековой архитектуры Средней Азии, под руководством Г.А. Пугаченковой начались исследовательские работы. Были осуществлены обмеры, фотографирование и описание архитектурных памятников, в том числе и знаменитого ныне мавзолея. Этот мавзолей был известен среди местного населения под названием мазара Араб-Ата. Это самый ранний на всем Среднем Востоке тип портално-купольного мавзолея и второе по времени создания из дошедших до нас мавзолейных сооружений всего мусульманского мира[47]. Было опубликовано несколько статей об исследовании этого мавзолея, изучение градостроительного искусства и архитектуры, художественный анализ

произведений зодчества, изобразительных и прикладных искусств[48]. Для этого нужны были многолетние целенаправленные исследования специальной экспедиции с участием археологов и искусствоведов"[49].

И такая экспедиция была создана под руководством Г.А. Пугаченковой в 1960 г. в секторе истории искусств Института искусствознания. Г. А. Пугаченкова не раз рассказывала о том, что при организации этой экспедиции были и противники, но восторжествовали трудолюбие и старания учёных. Экспедиция оправдала себя и решила многие поставленные задачи. Это была новая форма организации науки на стыке археологии и искусствознания, которая даёт свои результаты по сей день под руководством академика АН РУз Э.В. Ртвеладзе. Узбекистанская искусствоведческая комплексная экспедиция - УзИскЭ, хотя и носила искусствоведческий характер, но в основу её были заложены приемы археологического исследования. Близкий соратник Г.А. Пугаченковой Л.И. Ремпель, высоко оценивая археологию в исследовательской деятельности, подчеркнул, что "археология была для неё не только источником освоения нового, нетронутого материала, но и предметом полной самоотдачи. Вне археологии для неё не существовало, да и сейчас не существует истории искусств". Опираясь на опыт работы в составе ТАКЭ и ЮТАКЭ, Г.А. Пугаченкова, как организатор и руководитель, сориентировала деятельность экспедиции по трем направлениям: а) изучение методом рекогносцировок и последующих раскопок памятников, погребенных в земле под культурными напластованиями; б) тотальное обследование наземных памятников архитектуры вне зависимости от степени их сохранности; в) изучение народно-прикладного искусства [50].

Своеобразие экспедиции заключалось в её комплексности. В состав отрядов входили этнографы, археологи, художники, архитекторы,

реставраторы и др. Экспедиционные работы включали две фазы: рекогносцировки и раскопки. Первая ставила задачей обследование маршрутными разъездами обширных территорий с фиксацией разбросанных здесь памятников и последующим выбором наиболее перспективных для изучения. Рекогносцировки этой экспедиции были осуществлены по всей республике. При этом было обследовано несколько сот городищ и холмов, дано их первичное хронологическое определение, составлены описания. Было обнаружено немало памятников архитектуры, где осуществлены обмеры, описания, фотосъёмка [51]. Такие архитектурные исследования проводились с начала 1960 г., например, был открыт уникальный мавзолей в Тиме. В селе Тим, где сохранились великолепные образцы средневековой архитектуры Средней Азии, под руководством Г.А. Пугаченковой начались исследовательские работы. Были осуществлены обмеры, фотографирование и описание архитектурных памятников, в том числе и знаменитого ныне мавзолея. Этот мавзолей был известен среди местного населения под названием мазара Араб-Ата. Это самый ранний на всем Среднем Востоке тип портално-купольного мавзолея и второе по времени создания из дошедших до нас мавзолейных сооружений всего мусульманского мира [52]. Было опубликовано несколько статей об исследовании этого мавзолея [53].

Второй фазой экспедиционных работ были раскопки. При этом выбор объектов был соподчинен проблеме истории древней и средневековой художественной культуры Средней Азии [54]. Первоначально раскопки осуществлялись в Северной Бактрии - Тохаристане. Эта территория являлась центром многолетних исследований УзИскЭ. Главной причиной выбора Северной Бактрии как центра проводимых работ, по рассуждениям Г.А. Пугаченковой, было то,

что памятники докушанской и кушанской эпох были рассеяны по всему правобережью Амударьинского бассейна и заключены в основании многочисленных бугров - тепа, разбросанных вдоль русла Амударьи, главных её притоков - Сурхандарьи, Кафирнигана, Вахша, больших и малых притоков.

При обследовании городищ и холмов Сурхандарьинской области было определено более сотни предантичных и, в основном, античных памятников. Среди них Кизылтепа и Кизылча, Айртам, Дальверзинтепа, Кампыртепа и др.

Главным объектом исследования УзИскЭ стало городище Халчаян. В ходе работ этой экспедиции было выявлено, что Халчаян представлял собой остатки крупного античного города, расположенного на берегах Сурхандарьи.

Полевые работы искусствоведческой экспедиции в Халчаяне включали полное вскрытие центрального архитектурного объекта, частичные раскопки на других халчаянских буграх, закладку стратиграфических шурфов, осуществленную в нескольких пунктах. Особое внимание было уделено изучению строительных методов и архитектурных приёмов, наблюдениям за расчищавшимися фрагментами живописи и скульптуры [55]. Изучая памятники Халчаяна, Г.А. Пугаченкова придает большое значение основному признаку градостроительства - архитектурным комплексам. Отмечая своеобразие в архитектуре эпохи, она пришла к заключению, что в последние века до и первые века нашей эры формирование централизованных монархий, возрастающая роль городских сословий, религиозный синкретизм накладывают отпечаток на общий ход развития среднеазиатской художественной культуры, которая уже на начальном этапе порывает со

сковывающими традициями восточнодеспотического мышления. И в этом немалую роль сыграло приобщение среднеазиатской культуры к высоким достижениям эллинистической цивилизации. Процесс восприятия эллинистической культуры лучше прослеживается на произведениях, отвечавших запросам "филэллинствовавшей" аристократической среды, нежели в массовом искусстве. В меньшей мере он запечатлен в архитектуре, обычно тесно связанной с местными конструктивно-техническими приёмами и планировочно-композиционными решениями, и в большей степени - в сфере монументальных и "малых" форм изобразительного искусства [56]. Это заключение хорошо иллюстрируется материалами архитектуры и изобразительного искусства Халчаяна.

Раскопками были вскрыты остатки дворцового здания, построенного в I в. до н.э., просуществовавшего до III в. н.э. Размеры дворца - 26 x 32 м, сооружение возведено из крупного квадратного сырцового кирпича.

Фасад дворца был выделен четырехколонным айваном, зажатым двумя глухими участками стен, в оформлении которых использовалась и скульптура. В архитектуре Халчаянского дворца также проявляется процесс сложения своеобразных архитектурных композиций и форм, возникших на базе синтеза местных строительного-художественных традиций и некоторых черт эллинистического зодчества [57]. Для этого античного города характерно наличие цитадели, охваченной крепостными стенами и рвом (Карабагтепа), регулярная планировка кварталов (группа бугров Ханакатепа), крупные архитектурные ансамбли, а вместе с тем - жилые усадьбы среди садов и полей, тянувшиеся вдоль арычной сети. Тесная взаимосвязь городов с сельской округой, отраженная в органическом включении земледельческой сельской зоны в городскую

планировку, вообще составляла специфическую черту античного градостроительства Средней Азии [58].

Исследования Халчаяна под руководством Г.А. Пугаченковой привнесли значительный материал в изучение истории строительной техники Северной Бактрии, позволили наметить локальную стратиграфическую шкалу керамики с IV в. до н.э. до IV в. н.э., дали до полусотни античных монет (от Деметрия до Васудевы) и группу терракотовых статуэток [59].

Ещё одним объектом многолетней стационарной работы экспедиции было городище Дальверзинтепа, расположенное на территории Шурчинского тумана Сурхандарьинского вилайета. Это крупное городище обратило на себя внимание местных краеведов задолго до проведения исследований УзИскЭ. В частности, оно было зафиксировано в списках Термезского областного краеведческого музея. Начало археологическому изучению его было положено в 30-х гг. XX в. В 1949 г. во время двухнедельного проезда Сурхандарьинского археологического отряда под руководством Л.И. Альба ума от Термеза до Сарыасии на Дальверзинтепа был снят глазомерный план и осуществлен сбор подъёмного археологического материала. Расширенное изучение памятников Дальверзинтепа связано с деятельностью УзИскЭ под руководством Г.А. Пугаченковой. Раскопки памятника были начаты осенью 1959 г. и весной 1960 г. параллельно с раскопками городища Халчаян.

Главной задачей обследования ряда археологических памятников Сурхандарьи было определение местонахождения столицы древнего и средневекового Саганиана - Чаганиана. В результате исследования и визуальных наблюдений было выявлено, что Дальверзинтепа было

главным городским центром этой области в античное время, причём формирование его восходило ещё к первым векам до н.э., расцвет приходился на эпоху кушан, упадок - на IV-V вв., новое частичное обживание - на VI-VII вв., гибель же города наступила после арабского завоевания [60].

В 1962-63 гг. УзИскЭ проводила разведочные вскрытия на цитадели Дальверзинтепа с целью изучения античной фортификации Бактрии. В результате было выявлено местонахождение цитадели Дальверзинтепа в юговосточном углу городища. Изучение цитадели УзИскЭ было начато в 1962 г., когда Б.А. Тургунов и Д.Г. Сидорова провели небольшие расчистки участка крепостной стены на северо-западном фесе и примыкающих к ней изнутри двух помещений V-VII вв. Работа была продолжена в 1968 г. Э.В. Ртвеладзе

с целью более полного выявления фортификационных особенностей и истории цитадели. Был осуществлен стратиграфический разрез крепостной стены и заложен шурф до материка, а в 1974 г. А.С. Сагдуллаев заложил небольшой раскоп в северо-западной части цитадели. В результате раскопок выяснилось, что толщина культурных отложений в данном месте составляет от репера до уровня материка 6,35 м, так как максимальная высота цитадели, возведенной на естественном возвышении, сnivelированном при ее строительстве, в настоящее время достигает 15 м. Было выявлено, что в великокушанское время цитадель Дальверзинтепа опоясывал двойной ряд стен, разделенных узким проходом-коридором. Внутренняя стена более широкая и высокая, внешняя - уже и ниже. Как отмечает Г.А. Пугаченкова, прием возведения двойных или тройных рядов стен хорошо известен в фортификации Древнего Востока, и это в равной мере присуще фортификации Северной Бактрии, о чем свидетельствуют данные раскопок Дальверзинтепа.

Была прослежена история сложения цитадели, которая сформировалась в три периода. Первый период - греко-бактрийский (III-II в. до н.э.), характеризуется возведением небольшой пахсовой стены. Во втором юэчжийско-кушанском (I в. до н.э. - I в. н.э.) появляется верхняя стена с

выступающей вперед платформой-протейхизмой. В третьем - великокушанском (I—III в н.э.) периоде цитадель опоясывается двойным рядом мощных стен, разделенных проходом-коридором. Вслед за тем наступает заброс укреплений и их разрушение [61].

Обследование цитаделей городищ кушанского времени в пределах Сурхандарьинской области, осуществлявшееся УзИскЭ под руководством Г.А. Пугаченковой в 1969-79 гг., показывает, что не все они строились по заранее продуманному плану. Цитадель могла размещаться то в одном из углов города (Дальверзинтепа), то рядом с ним (Кампыртепа), то посередине (Кургантепа) [62].

Раскопки 1967 г. были сосредоточены внутри городской стены Дальверзинтепа. Здесь изучены остатки здания, которое оказалось буддийским святилищем. В раскопочных работах выявлено, что это сооружение было построено из пахсы и сырца, внутри находилась глинобитная платформа, охваченная с трех сторон коридорообразным обводом. Вход вел с северной стороны в кумирню, где у монументальной скульптурной композиции с изображением Будды и его окружения возжигались светильники. Дальверзинская скульптура представляет исключительный интерес, но о ней пойдет речь подробно в следующей главе. В целях широкого и планомерного изучения этого огромного древнего города раскопочные работы были проведены в нескольких пунктах, которые затрагивали различные участки территории города.

С 1968 по 1972 на Дальверзинтепа велись раскопки на объекте ДТ-5. Объект расположен в 60 м к востоку от разреза городской стены (ДТ-4). Раскопками почти полностью вскрыт комплекс из 22 помещений. В результате выявлено, что все строения возведены из квадратного сырцового кирпича, только на некоторых участках ремонт производился пахсой.

Конструкции перекрытий - балочные, с различным способом крепления балок [63].

С 1969 по 1972 г. проводились раскопки на объекте ДТ-6, было вскрыто здание, включающее 28 помещений.

Три памятника на правобережье Амударьи: Шортепа (1963-1965), Айртам (1963-1966), Хатын-Рабат (1966) входили в ближайшую округу Дальверзина. Раскопочные работы под руководством Г.А. Пугаченковой на Шортепа дали обильный ценный материал для освещения не только истории материальной культуры этого региона, но и социально-экономической жизни. Результаты раскопок показали, что это остатки крупного целостного архитектурного комплекса, который временами приходил в упадок, опять подновлялся, дважды погибал в пожаре и возводился вновь. Анализируя планировочную структуру Шортепа, Г.А. Пугаченкова считает, что памятник представляет собой остатки крупного храмового комплекса, возможно, связанного с культом Великой Богини. Основываясь на стратиграфических наблюдениях, сделанных здесь, она даёт общую реконструкцию этого памятника и выделяет следующие стратиграфические слои:

- слои ШТ-1 (7, 8 - 7 м) и ШТ-2 (7 - 6,1 м) восходят к грекобактрийской эпохе (Ш-II вв. до н.э.);

- слой ШТ-3 (6,1 - 5,2 м) определен по монете Варварского Гелиокла и знаменует новое обживание пункта в пору сако-юэчжийского освоения районов Северной Бактрии;

- слой ШТ-4 (5,2-3 м), ознаменованный сооружением монументального здания с мощными внешними стенами, датировался монетами Каффиза I из группы "Сотер Мегас", т.е. I в. н.э.;

- слой ШТ-5 (3-1 м) показывал, что упомянутое здание преобразуется в платформу для нового сооружения [64];

- на глубине 1 м и до поверхности холма залегает слой ШТ-6. В этот период и частично в предшествующий была произведена существенная перестройка, с изменением планировки. Первый этап ШТ-6 определялся монетами Васудевы I, а последний - подражаниями чекану Васудевы I и II и монетами первых Сасанидов. В результате работ выявлено, что в IV в. здание было навсегда заброшено.

Экспедиции УзИскЭ включали также изучение Айртама, который в те годы уже приобрел мировую известность, благодаря замечательному памятнику бактрийско-кушанского ваяния первых веков нашей эры Айртамскому фризу. Археологические экспедиции М.Е. Массона 1932-1933 и 1937 гг. положили начало исследованию крупного архитектурного комплекса, с оформлением которого связан фриз, определили два периода его существования, позволили выделить первый для этих районов керамический комплекс кушанского времени. Прерванное почти на четверть века изучение городища было продолжено одним из отрядов УзИскЭ.

В результате регулярных работ был определен общий историкокультурный облик памятника. Основываясь на данных топографических исследований, Г.А. Пугаченкова считает, что Айртам не

был городом, а только крупным, протянувшимся до 2 км населенным пунктом, который возник близ удобной речной переправы на одном из древних торговых путей. Его начальное формирование относится ко времени последних греко-бактрийских царей, когда существовало небольшое прибрежное поселение, а над высоким обрывистом берегом, на песчаниковом холме возникает мощный форт, представлявший собой многокомнатное здание с глухими помещениями и коридорами правильной планировки, с мощными пахсовыми стенами. По мнению Г.А. Пугаченковой, прекращение его функционирования определялось сакоюэчжийским вторжением. Но уже в I в. до н.э. - I в. н.э. в восточной части поселения осуществляется строительство крупных домов, датированное археологическим материалом, в частности монетами

Варварского Гелиокла и Сотера Мегаса[65].

В результате регулярных экспедиций было воссоздано единое историко-культурное прошлое региона. Находки позволили предположить, что в Айртаме со II в. н.э. осуществлялись большие строительные работы. Многие старые здания были сnivelированы и преобразованы в платформу для вновь возводимых.

В связи с распространением в Кушанской державе буддизма, в Айртаме обосновывается крупная буддийская колония, появляются сооружения этого культа. Экспедиция, возглавленная Г.А. Пугаченковой, выявила этапы создания этих сооружений: над занесенными песком руинами форта осуществляется нивелировка, а затем сооружаются ступа, святилище, подсобные помещения. Вокруг этого комплекса возникает обведенный глинобитной стеной монастырь - сангарамма. В восточной части поселения, как было выявлено, также сооружается буддийский комплекс. Определено, что жизнь в Айртаме угасает в III в. н.э.

Ещё одним из исследованных экспедицией объектов являлся ХатынРабат. Первоначальное освоения этих земель было определено монетами Варварского Гелиокла, относящимися ко II-I вв. до н.э. В ходе работы экспедиции была определена историко-культурная жизнь Хатын-Рабата и выделено четыре основных периода в жизни этого укрепленного поселения. Г.А. Пугаченковой воссоздала его история. При Кадфизе II и Канишке здесь осуществлялась застройка; в южной части было возведено крупное здание, обведенное мощной сырцово-глиняной стеной. Период крупных перестроек на поселении и зданий на главном тепе, которые были преобразованы в платформу для нового монументального архитектурного комплекса, датировался монетами Хувишки, Васудевы I и Васудевы II. Затем поселение было заброшено, и жизнь здесь полностью прекратилась.

Кратковременное обживание бугра бывшего античного здания, сооружение на нем легких строений, устройство зерновых ям, а к югу возведение кирпичного караван-сарая приходится на конец XII - начало XIII в. Эта датировка определялась по керамическому комплексу, находке трех гуридских монет и одной хорезмшахской. Монгольское завоевание кладет конец и этому недолговременному использованию Хатын-Рабата, который остается в запустении вплоть до XIX в.

Интересным античным памятником Шурчинского тумана оказался также исследованный УзИскЭ в 1967 г. Культепа в местности Джаильма, лежащий над поймой сая, в обрывах и оврагах которого обнажились остатки мощных (6-7 м) культурных слоев, где видны кладка стен из крупного квадратного кирпича и пахсы, цельные хумы, разного рода хозяйственные отвалы с обильным содержанием керамики весьма разнообразных форм. Среди находок любопытны часть керамического ритона в виде стилизованной рыбы, фрагменты терракотовых статуэток, курильница, оформленная фигурками коней, обезглавленная

белокаменная статуэтка сидящей богини Ордохшо - первая находка на территории Северной Бактрии. УзИскЭ внесён значительный вклад в восстановление истории кушанской культуры Северной Бактрии. Выявлены некоторые общие закономерности сложения, развития, упадка и гибели её больших и малых населенных пунктов, получены значительные материалы по градостроительству, архитектуре, строительной технике античной Бактрии. И, наконец, обнаружены уникальные памятники древней скульптуры и живописи, восполняющие один из пробелов в творческом наследии народов Средней Азии, которые по праву заняли достойное место в истории художественной культуры Востока.

Несмотря на то, что основным аргументом для создания УзИскЭ были научные интересы Г.А. Пугаченковой, ориентированные в ту пору на исследование эллинизма и кушанской Бактрии, научные разработки экспедиции охватывают материалы всех исторических эпох[66].

Изучение доантичной культуры Бактрии связано с рядом городищ протогородской и раннегородской цивилизаций, в частности, Моллали и Кызылтепа в Миршаде (II тыс. до н.э. - первая треть I тыс. до н.э.), Бандыхан I - II, Талашкан, Джандавляттепа, античность и ближайшие предшествующие и последующие периоды были представлены раскопками городищ на территории Сурхандарьи - Халчаян (1959 - 1963), Айртам 1964 - 1966, 1979), Дальверзинтепа (1960 - 1963, с 1967 по настоящее время), Кызылтепа (1970 - 1986), Бандыхан (1972 - 1976), Кампыртепа (1979, 1982-1991). В результате исследований УзИскЭ под руководством Г.А. Пугаченковой были получены ценные сведения о градостроительстве, архитектуре, религиозных верованиях древней Бактрии. Было выявлено, что античным городам Бактрии присуща в большинстве случаев регулярность общего плана - они квадратны или

прямоугольны. Города эти обнесены крепостными стенами и рвами, нередко имеют цитадель [67].

Экспедицией также были получены новые данные в отношении античной фортификации Бактрии. Изучение крепостных стен Дальверзинтепа заметно дополнило представления об укреплениях более древнего этапа бактрийской истории, были выявлены новые типы фортификации, синтезирующие греческий и бактрийский опыт, которые в кушанский период получили дальнейшее развитие. В этом отношении характерны изученные отрядом УзИскЭ укрепления городища Кампыртепа на правом берегу Амударьи [68].

Археологические исследования УзИскЭ под руководством Г.А. Пугаченковой в Бактрии дали возможность выявить новую архитектурную типологию античной Бактрии. Г.А. Пугаченковой были выявлены некоторые ведущие черты типологии зданий монументальной архитектуры. Такой метод она применяла к зодчеству Бактрии, Восточной Парфии, отчасти Согда. На примере древних архитектурных зданий этого региона она выделяла три основные группы в типологической классификации, внутри которых существуют разные варианты:

1 группа. Композиция с центральным элементом и его периметральным или П-образным обводом. В эту группу она включила 6 разных вариантов:

1) зал с обводным кулуаром - это водохранилище кушанского времени на Дальверзинтепа; наземное святилище и пещерные молельни буддийского монастыря Каратепе в Термезе и др.;

2) платформа с обводным кулуаром. Это буддийское святилище на Дальверзинтепа, I в.н.э.;

3) зал с обводом из коридорообразных помещений. Это планировка жилого дома в Кызыл-кыре в Бухарской области, I в.н.э.;

4) двор с обводом из коридорообразных помещений;

5) зал с обводом из коридора и разнообразных помещений. Это греко-бактрийский замок-форт в Айртаме, два крупных жилых дома - один на городище Ай-Ханум, другой на Дальверзинтепа, I в. до н.э. - I в.н.э.;

б) двор с обводом из коридора и разнообразных помещений. Например, дворцовое здание в Саксонохуре греко-бактрийской эпохи II в. до н.э.

2 группа. Поперечно осевые композиции с перпендикулярно вытянутым по отношению к главной оси залом, айваном и группами помещений. Это дворец в Халчаяне (на рубеже нашей эры) и храм в Ай-Ханум.

3 группа. Композиции с крестовидно-коридорной связью. Это храм Мансурдепе, II—I вв. до н.э.; жилые дома Ай-Ханум и Дальверзинтепа, халчаянский дворец и др [69].

Особое внимание экспедиция обращала на изучение бактрийских архитектурных сооружений, связанных с обрядами зороастрийского погребального культа в его местном варианте. Это "ката", предназначенные для временного помещения покойного перед его выносом на дахму, и "наусы" или, в авестийской терминологии, "уждана" для хранения костных останков, принесенных с дахмы спустя год после выставления там трупа. Такие каты были выявлены за стенами Кампыртепа, а наусы-уждана - на Дальверзинтепа и в Бандыхане[70].

В результате раскопок выявлены варианты планировки наусов, изучавшихся в ряде пунктов - Дальверзинтепа, Кампыртепа, Бандыхан. Дальверзинский наус включает центральный сводчатый коридор, по обе стороны которого поперечно расположены продолговатые сводчатые камеры, которые открывались для укладки очередных костных останков и сопроводительного инвентаря, а затем вновь замуровывались. Изучив планировку этих наусов, Г.А. Пугаченкова отмечает, что здесь уже появляется одна из древнейших композиций мемориального здания с выделенным сводчатым айваном - прообраз будущих мусульманских мавзолеев [71].

УзИскЭ исследовала также небольшой могильник I в. до н.э. на Айртаме. Здесь выявлены черты, аналогичные Тулхарскому, Аруктаускому, Бабашовскому и другим могильникам, вкуче с ними, отражая погребальную обрядность былых кочевников-юэчжий, приобщившихся после завоевания Бактрии к местной культуре, но стойко придерживавшихся своих традиционных похоронных обрядов [72]. Изучение УзИскЭ разновидных погребальных памятников представляет интерес не только с точки зрения самого обряда и связанных с ним религиозно-идеологических представлений, но также в аспекте генезиса и архитектурной типологии некоторых видов мемориальных сооружений древности и средневековья. Как упоминалось выше, дальверзинский наус I в. до н.э. - III в.н.э. дал основания Г.А. Пугаченковой для его реконструкции в виде прямоугольного сооружения с приподнятым по центру сводчатым порталом, а в нем определить прообраз будущих мусульманских портално-купольных мавзолеев среднеазиатского зодчества, таких как мавзолеи Саманидов, Кыз- биби, Ак-Астана-баб, Ярты-Гумбез и ряда других [73].

В исследованиях УзИскЭ в Северной Бактрии особое значение имеют открытия памятников бактрийской письменности. В 1977 г. на городище Айртам была сделана замечательная находка нижней половины крупногоскульптурного блока с изображением стоящей четы и по характеру одеяний, и по общему стилю явно индийского облика. Внизу - частично отбитая шестистрочная надпись, выполненная бактрийским письмом.

Её расшифровка дала чрезвычайно интересные сведения, связанные с воссозданием Мализо (т.е. обнесенного оградой комплекса сооружений) неким Шодиа в 4 г. правления кушанского царя Хувишки, а саму надпись исполнил Мирзад. Ценными для изучения бактрийской письменности стали бактрийские тексты, написанные на папирусе найденные в одном из зданий Кампыртепа, а также клад золотых вещей, извлеченный на Дальверзинтепа из-под пола пом. № 13. В составе клада оказались дискообразные слитки металла разного диаметра, со следами поковки, несколько десятков прямоугольных брусочков, большинство из которых с надписями [74]. Эти надписи были начертаны письмом кхарошти и содержали цифровые знаки, предположительно, весовые показатели [75].

Если изучение античной Бактрии заметно продвинулось, благодаря работам УзИскЭ и некоторых других экспедиций, то представления о культуре античного Согда оставались ограниченными. Недостаточность данных о культуре античного Согда и побудила Узбекистанскую искусствоведческую экспедицию, долгие годы работавшую преимущественно в Северной Бактрии, заняться изучением этой культуры, сосредоточив работу одной из групп в зоне Центрального Согда. Ещё в 1960-1970-е гг. велись спорадические исследования Мианкаля - длинного острова к западу от Самарканда между Карадарьей и Акдарьей и к северу от него. С 1979 г. здесь были сосредоточены

стационарные работы мианкальской группы УзИскЭ под руководством Г.А. Пугаченковой, поставившей целью полный рекогносцировочный охват находящихся в этой зоне памятников и систематическое исследование до тех пор ещё очень слабо изученной культуры античной Согдианы. В результате рекогносцировочных работ УзИскЭ было зарегистрировано свыше трёхсот объектов эпохи античности и средневековья.

При анализе исследований УзИскЭ в древнем Согде необходимо остановиться и на работах, проведенных задолго до организации этой экспедиции, что даст возможность выявить результаты и значение исследований УзИскЭ, возглавляемой Г.А. Пугаченковой, в этом же районе. Подобные исследовательские работы были проведены В.И. Чертовым. Он ограничился количественным подсчётом памятников (например, в Митанской - 98, в Ходжаарыкской - 28 и т.д.). В.Л. Вяткин, изучая некоторые поселения Мианкаля, привлек письменные источники. В исследовании древнего Согда особое место также занимает экспедиция 1934 г. от Государственного Эрмитажа под руководством А.Ю. Якубовского, работавшая между Бухарой и Каттакурганом. Одной из задач этой экспедиции был поиск города Кушания, который отождествлялся с кишлаком Кашан у западной дельты Мианкаля, однако руин города Кушания там не оказалось [76] .

Из археологических исследований этого региона можно также упомянуть небольшие раскопки Б.И. Маршака (Государственный Эрмитаж) и Я.К. Крикиса в 1962-1963 гг. на том участке полуразрушенного тепа в Чилеке, где в 1961 г. был найден комплекс серебряных сосудов V-VI вв., хранящихся в Самаркандском музее. Из перечисленных исследований видно, что историко-археологическое изучение Мианкаля носило эпизодический характер.

Систематические работы по археологическому изучению Мианкаля и прилегающей к нему зоны севернее Акдарьи осуществлены УзИскЭ под руководством Г.А. Пугаченковой.

В 1961 г. были проведены первичные рекогносцировки археологических пунктов на пути от Дагбита до Зирабулака. Выявлены и намечены объектами стационарных работ четыре значительных населённых пункта: Катта-Кумышкент, Иштихантепа, Чуянчитепа и Гяуртепа. В том же году при разведке к северу от Акдарьи был обследован ряд городищ, наибольший интерес среди которых вызвало Арктепа в Иштиханском районе, имеющее античную основу. В 1962-1963 гг. были проведены раскопки на Чуянчитепа и Кумышкенттепа. Изучение Кумышкенттепа осуществлялось под наблюдением Г.А. Пугаченковой в разные годы различным составом участников. Было выделено 6 периодов обживания этого городища. За период исследований, проведённых УзИскЭ, был получен значительный объем археологического материала, за счет которого расширилась источниковедческая база истории ремесла и материальной культуры Согда. Среди крупных античных городищ особый интерес представляли Арктепа, Умараминтепа и Кургантепа. Городище Кургантепа было избрано пунктом многолетних работ УзИскЭ, так как привлекло внимание ещё в 1979 г. правильными контурами обвалованных стен и подъёмной керамикой античного типа. В 1980-1984 гг. на самом городище и на могильнике мианкальской группой УзИскЭ проводились регулярные, хотя и недолговременные раскопки.

Городище Кургантепа в с. Орлат Кошрабадского района Самаркандской области - это остатки крупного города эпохи античного Согда, расположенного в долине реки Саганак [77]. Здесь был вскрыт античный храм, выяснена стратиграфия нижних культурных

напластований, изучена фортификация. Особое внимание УзИскЭ обратила на расположенный напротив городища Кургантепа курганный могильник. Вскрытия показали его одновременность основания с самим городом. Несмотря на то, что курганы оказались разграбленными, при их раскопках был получен разнообразный инвентарь - оружие, сосуды, украшения, в том числе несколько объектов высокого художественного значения: крупная ажурная бронзовая бляха с фигурой лежащего хищника, уникальные костяные пластины со сценами охоты, боя, с изображениями животных [78].

Результаты исследований и научная интерпретация многих открытий нашли отражение в нескольких научных статьях Г.А. Пугаченковой.

В 1970 г. УзИскЭ проводила раскопки в центре Иштихана на городище Иштихантепа. В связи с находкой фрагментов богато декорированного оссуария, осуществлено вскрытие обнаруженного вблизи дороги могильника IX-X вв. Большой интерес представляли открытые здесь оссуарные захоронения. Найденные в Иштихане оссуарии были всесторонне изучены Г.А. Пугаченковой. Характеризуя эти находки, она отмечает, что эти богато оформленные оссуарии VI-VII вв. составляют единую стилистическую группу с обнаруженными ещё в начале XX века оссуариями из Бия-Наймана. Тщательный сравнительный археологический и художественный анализ позволил выяснить, что оссуарии из Иштихана богаче по составу элементов, украшавших их рельефов. Вероятно, их можно расценивать, как локальную разновидность согдийских, скорее всего, фамильных оссуарных захоронений, присущую мианкальской зоне Центрального Согда. Рельефы на оссуариях из Иштихана расширяют представления о тематике и стилистике согдийского искусства, известного в шедеврах раннесредневековой

живописи и настенной пластики, в данном же случае представленного образцами художественного гончарства [79].

Таким образом, в результате исследований УзИскЭ под руководством Г.А. Пугаченковой были получены ценные сведения о градостроительстве, архитектуре, религиозных верованиях древнего Согда.

Среди культовых сооружений античного Согда, обнаруженных экспедицией, большой интерес представляет храм огня у стен Кургантепа. Этот храм был реконструирован Г.А. Пугаченковой в виде возвышавшегося на высоком пятиступенчатом стилобате изолированного от окружения святилища небольшого объема с обводным коридором, вестибюлем и центральным помещением, где горел на алтаре священный огонь [80]. Была изучена общая объёмная композиция храма, выявлены, его отличия от храмов Бактрии и Парфии. Там здание стоит вровень с землей, либо на невысоком цоколе, в то время как кургантепинский храм вознесен на высоком пятиступенчатом стилобате. Как показывает Г.А. Пугаченкова, отличие архитектурных композиции было обусловлено разницей культов и ритуалов этих историко-культурных областей. Глубоко проанализировав особенности конструкций храмов и их ритуальных реквизитов, исследователь определила функцию кургантепинского храма. Так, она сопоставляет кургантепинский храм с центральным храмом на Сурхкотале, связанным с династическим культом кушанского дома и предназначенным для представителей царского рода и их придворного окружения, который расположен в огороженном стенами просторном дворе, куда вела парадная лестница. Храм Дилбержина, посвященный в греко-бактрийское время Диоскурам, а при кушанах преобразованный в шиваистское святилище, сохранял просторный большепролётный вход, позднее приспособлен к обрядам индуизма.

Как показывает Г.А. Пугаченкова, функции кургантепинского храма были иными. Архитектура его подчеркивала недоступность для непосвящённых, ибо совершение ритуала осуществлялось лишь узким жреческим кругом. Это был храм огня. Время его создания и функционирования определялось археологическими и нумизматическими данными. Последний этап функционирования храма определен медной монетой кушано-сасанидского чекана III-IV вв. Датировка первого периода

определялась составом керамических фрагментов из замеса пахсы платформы и стен. Возведение храма относится ко II в. до н.э. - I в. н.э. [81].

На могильнике городища Кургантепа раскопками выявлены различные варианты катакомбных и подбойно-катакомбных захоронений с дромосами. Г.А. Пугаченкова указывает на аналогичность этих могильников с сарматскими погребениями европейской зоны [82].

В результате работ Г.А. Пугаченковой в Согде также были выявлены архитектурные черты мианкальских городов. Для архитектуры этого региона - крупных (Кургантепа, Арктепа, Умараминтепа), и относительно небольших (Кумышкентепа, Хаузтепа, Алпамыштепа), характерны прямоугольный план, охваченный мощными крепостными стенами, плотная внутренняя застройка [83]. Исследованиями УзИскЭ достаточно определённы были также выявлены приёмы строительной техники Согдианы. Ведущий строительный материал здесь, как и по всей Средней Азии, - лёсс в виде битой глиныпахсы и сырцового кирпича, нередко их сочетание. В отличие от Бактрии, Маргианы, Парфии, где доминирует сырец, здесь преобладает пахса. Её применяли как в

крепостной архитектуре (укрепление Кургантепа, Умараминтепа), так и при строительстве жилых домов, храмов.

Исследованиями в древнем Согде доказано, что здесь была высокоразвитая городская жизнь. Все эти исследования, вкуче с работой на Афрасиабе, Еркургане, Кеше и Бухаре выявили полную несостоятельность сомнений Е.В. Зеймаля в том, что у согдийцев в первых веках до нашей эры городской жизни, в прямом значении этого термина, могло и не быть [84].

Вместе с тем маршрутные исследования в Сурхандарьинской области, на Мианкале и в Джизакской области привели к регистрации, обследованию и предварительному определению сотен более поздних средневековых археологических памятников. Выявлена историческая динамика появления или исчезновения, роста или сокращения городов и иных видов населенных пунктов в разные периоды средневековья.

Был отождествлен ряд городищ Чаганиана, в большинстве уже утративших древние наименования, с городами, упоминаемыми средневековыми восточными авторами.

Историко-археологическому изучению были подвергнуты также памятники средневекового зодчества, в том числе малоизвестные памятники монументального зодчества Кашкадарьинского оазиса (в Лянгаре, Касби, Пудине и др.), в Тиме, Калаи-Дабус, мавзолеи Султан-Саодат, Зул-Кифль, Ак-Астана-баба в Сурхандарьинской области.

Археологические исследования УзИскЭ под руководством Г.А. Пугаченковой сыграли важную роль в развитии этой отрасли в республике. Получены многочисленные материалы по истории культуры Узбекистана.

С переходом Г.А. Пугаченковой сначала в качестве академикасекретаря (1985-1987), потом - академика-советника (1987-1993) в Президиум Академии наук Узбекистана, УзИскЭ постепенно приобретала все более и более "археологический" характер. В 1989 г. был заключен договор о научном сотрудничестве на шесть лет (1989-1994) между Университетом Сока (Токио) и УзИскЭ на проведение раскопок буддийского храма на Дальверзинтепа, вслед за которым последовал второй договор 1996

г. (Университет Канадзава, НИИ Шёлкового пути г. Камакура и Музей Дальнего Востока, Токио), продленный вплоть до 2000 г. С 1994 г. УзИскЭ отделилась от отдела истории искусств (руководитель Э.В. Ртвеладзе) и образовала самостоятельный отдел (руководитель Б.А. Тургунов). В 1999 г. при отделе была создана новая Тохаристанская экспедиция [85].

В заключение можем сказать что созданием Г.А. Пугаченковой крупной комплексной экспедиции нового типа, которая проводила работу искусствоведческого направления, основанную на археологических методах, в результате чего был выявлен ряд важнейших археологических памятников, где проводились регулярные раскопки. В процессе 25-летней деятельности УзИскЭ во главе с Г.А. Пугаченковой было изучено множество материальных источников, освещающих историю градостроительства, архитектуры и культуры Северной Бактрии и Согда. В результате выявлены своеобразные черты культуры градостроительства этих регионов.

Ею был внесён неоценимый вклад в развитие археологии, истории архитектуры и искусствоведения Узбекистана. Велика её роль и в

процессе развития интеграции науки и культурного наследия Узбекистана в сокровищницу мировой культуры.

2.2. История архитектуры Узбекистана в исследованиях Г.А. Пугаченковой

При оценке вклада Г.А. Пугаченковой в развитие исторической науки, в том числе археологии, обращают внимание проводившиеся ею исследования по проблеме изучения архитектуры Узбекистана, которая, можно сказать, являлась неотделимой частью её многолетних исследований. Ею была также изучена история архитектуры стран Ближнего и Среднего

Востока, опубликованы монографии и многочисленные статьи. В её трудах выявлен индивидуальный облик архитектурных памятников Узбекистана, занимающих особое место среди архитектурного наследия Востока.

Г.А. Пугаченковой разработана собственная методика и концепция исследований архитектурных объектов, основной принцип которой заключается в индивидуальном подходе к каждому из них, с обязательным выявлением его историко-культурного контекста, с прослеживанием всей истории эволюции. Все сооружения в зависимости от их сохранности и степени изученности были подразделены ею на следующие группы:

- 1) памятники, вошедшие в научный обиход, но при явной недостаточности исторических и историко-архитектурных данных;
- 2) памятники, неизвестные или зарегистрированные, но почти не изученные;

3) сооружения, погребенные в земле, и, таким образом, принадлежащие к категории археологических памятников;

4) здания народной архитектуры, наиболее уязвимые в отношении сохранности".

"Архитектура, - писала Г.А. Пугаченкова в одной из своих статей, особый вид созидательной деятельности человека, соединяющей качество материальной и художественной культуры. По археологическим раскопкам, проведенным УзИскЭ под руководством Г.А. Пугаченковой на древнейших памятниках Узбекистана, выявлено немало древних сооружений. Г.А. Пугаченкова обращала большое внимание на архитектурную археологию, игравшую немаловажную роль в археологической практике как определенная категория исследования [86]

Как она отмечает, особенно для древней эпохи, античности и раннего средневековья характерна многослойность строительных образований, сменявших друг друга иногда на близком отрезке времени, а иногда и с интервалом на много веков. Изучая чередование архитектурных напластований на примерах из практики УзИскЭ, выделяет различные пути эволюции архитектурных комплексов:

1. Назначение здания и его основная планировка сохраняются, претерпевая лишь небольшие переделки.

2. Функции нового здания изменяются, но остатки предыдущих стен частично используются в качестве фундаментов (например, Халчаянский дворец).

3. При сохранении здания существенно изменяется его планировочно- композиционное решение (например, караван-сарай

Рабати-Малик, на раскопках которого было выявлено 2 разных строительных периода).

4. Как назначение, так и планировка более ранних и новых строений абсолютно иные, причём в процессе нового строительства нижняя застройка преобразуется в уплотнённую платформу для верхней [87].

При археологическом изучении древних архитектурных объектов Г.А. Пугаченкова считала совершенно необходимым закладывание продольных и поперечных разрезов через помещения [88]. Как она отмечает, в среднеазиатской архитектуре такие разрезы имеют большое значение. В них легко улавливаются контуры стен, границы полов и реальная картина завала, слои которого в отличие от однородной массы забутовок никогда не дают горизонтальных линии, но следуют со скосами от стен к середине помещения [89].

В своих архитектурных исследованиях Г.А. Пугаченкова составляла маршрутные рекогносцировки, которыми была охвачена значительная часть территории Узбекистана. Дальнейший шаг - детальное исследование памятников, в одних случаях оно исчерпывалось обмерами, описаниями, фотофиксацией, в других - дополнялось закладкой стратиграфических и археолого-архитектурных шурфов и зондажей. Вместе с тем, проводились стационарные, иногда многолетние археологические раскопки. Такому археолого-архитектурному изучению было подвергнуто несколько памятников.

Раскопки, проведённые УзИскЭ под руководством Г.А. Пугаченковой, с целью изучения древней архитектуры в Кызылтапа, Бандыхантепа Сурхандарьинской области, выявили остатки городов первой-второй трети I тысячелетия до н.э. Это были города, обведенные

крепостными стенами и рвом, иногда ещё и с возвышенной цитаделью. Абсолютно новые данные были получены при изучении их фортификации.

В истории архитектуры Узбекистана более изученным является средневековый период, изучение архитектуры древних времен осуществлено слабее в силу плохой сохранности памятников. Большие достижения в изучении античной архитектуры принадлежат С.П. Толстову, М.Е. Массону, и др. Но наиболее весомый вклад принадлежит Г.А. Пугаченковой. Основные достижения в изучении истории архитектуры античной эпохи обеспечили археологические исследования. Как отмечалось в предыдущей главе, проведенные под ее руководством археологические исследования УзИскЭ имели особое значение. Работа экспедиции по этой проблеме была сосредоточена главным образом в Сурхандарьинском вилояте. Разведками выявлено около полутора сотен археологических пунктов, среди которых большое значение имеют исследования на Айртаме,

Халчаяне, Дальверзинтепа, Бандыхантепа и др.

Наиболее плодотворным оказалось изучение памятников архитектуры периода Кушан (I в до н.э. - III в н.э.), которые приобретали особое значение в связи с повышенным интересом к кушанской культуре, изучение которой было выдвинуто экспертами ЮНЕСКО перед мировой исторической наукой как одна из ключевых проблем в истории народов центральноазиатского региона [90].

В числе архитектурных объектов эпохи античности, открытых УзИскЭ, - дворец на Халчаяне, оформленный скульптурой и живописью; жилые дома на Дальверзинтепа, в Хатын-рабаде; буддийские постройки в Айртаме, Дальверзинтепа, отдельные ступы Зурмала в Термезе, Чор-

Дингак; храмы на Дальверзинтепа, наусы в Бандыхане и на Дальверзинтепа. При этом изучались также приёмы античного градостроительства и фортификация городов. Открытое на самом севере Бактрии на территории городища Халчаян монументальное сооружение, богато украшенное скульптурой, вызвало обширную полемику. В настоящее время существуют две основные точки зрения на принципиальные вопросы - какое назначение этого здания и когда оно было возведено?

Исследователь памятника Г.А. Пугаченкова считает, что сооружение первоначально служило дворцом, который был построен и оформлен "в пределах рубежа нашей эры, плюс-минус два-три десятилетия" [91] Б.А. Литвинский датировал Халчаян началом нашей эры [92]. Сопоставление иконографии образов Халчаяна с портретами царей на парфянских монетах дало основание Ф. Грене отнести возведение памятника к середине I в.н.э [93]. Значительно более позднюю датировку предлагает А.В. Бедов, по мнению которого Халчаян не мог быть построен ранее II в.н.э [94]. Другую точку зрения на функциональное назначение Халчаяна выдвинул Б.Я. Ставиский. Он видит в памятнике храм династийного культа, демонстрирующий наиболее ранний пример т.н. "династийного" направления, ставшего одним из основных в кушанской культуре и истоки которого лежат именно в Бактрии [95]. Т.К. Мкртычев по поводу функции памятника считает, что строительство его было осуществлено не позднее первой половины I в. н.э [96]. На основе археологических раскопок Г.А. Пугаченковой были выявлены характерные черты бактрийскокушанской архитектуры. Как она отмечает, бактрийско-кушанскую архитектуру характеризует прогресс строительной техники - высокое качество стеновых конструкций из пахсы и сырца, развитые архитравные конструкции - большепролётные балочные перекрытия,

айваны на деревянных колоннах, нередко опирающиеся на каменные базы, применение сырцовых сводов "отрезками". В композиции домов и дворцов вырабатывается определённая типология: варианты плана с центральным залом или двором в обводе кулуара с примыкающими к нему блоками комнат многофункционального назначения - жилого, служебного и др. Архитектуре этих построек даже при небольших абсолютных размерах присуща простота основных объёмов и монументальность общих форм. Для декора дворцовой или храмовой архитектуры характерен синтез искусств: настенная живопись и пристенная скульптура, органически включающаяся в архитектуру айванов и интерьеров.

В архитектуре кушанской Бактрии отразились некоторые формы эллинистического зодчества, но в основном в отдельных архитектурных деталях: это каменные базы аттической профилировки, коринфизированные капители, антефиксы. Основная же архитектурная концепция, по мнению Г.А. Пугаченковой, сохраняет черты уникального своеобразия, выделяющего бактрийское зодчество в самостоятельный стилевой круг [97].

В ходе полевых работ УзИскЭ также была изучена античная архитектура древнего Согда. На городище Умараминтепа в Самаркандской области изучались руины крепостных стен и жилой застройки [98].

В ходе этого архитектурного исследования были определены не только строительные материалы и строительная техника древних сооружений, но и доказано, что уже в античное время в Согде было развито архитектурное искусство. Как известно, некоторые европейские специалисты оценивали архитектуру Средней Азии как ветвь иранской

архитектуры, а при её периодизации основывались на принципах религиозной принадлежности того или иного памятника. Г.А. Пугаченкова в одной из своих статей отмечает, что в основу периодизации истории среднеазиатской архитектуры должны быть положены не религия и не политические факторы смены династий или внешних завоеваний (походы Александра, завоевание арабов, и др.), а основные моменты социально-экономической истории развития среднеазиатского общества [99]. Она критически оценивает положения некоторых европейских исследователей о том, что в связи с походами Александра, македонцы, якобы, насадили высокую цивилизацию, в покоренных "полуварварских" странах. Г.А. Пугаченкова считает, что они включили эти страны высокой, но несколько изолированно развивающейся древней цивилизации в орбиту более интенсивного и широкого международного общения, связывавшего эллинистический мир со Средним и Дальним Востоком [100].

Исследуя архитектуру античности, Г.А. Пугаченкова выявляет влияние эллинской культуры на архитектуру Средней Азии, в том числе Узбекистана, что проявилось во внешнем убранстве монументальных зданий. Её заслугой было выделение местных архитектурно-строительных школ. Принимая во внимание этническую близость, связанную с единством процесса общественного развития народов Средней Азии, однородностью природных условий и прочее, она выделяла в архитектуре Средней Азии в эпохе античности четыре главные школы: хорезмийскую, парфянскую, тохаристанскую и согдийскую [101], подчеркивая своеобразные стороны этих школ. Преемственность развития их прослеживается в архитектурной традиции вплоть до развитого средневековья [102].

Особое внимание в своих исследованиях Г.А. Пугаченкова уделяет строительной технике, и выявляет строительно-технические принципы бактрийско-тохаристанской архитектуры на основе археологических Материалов [103].

Для архитектуры античного периода характерно использование сырцового кирпича в качестве основного строительного материала. Исследования на Халчаяне подтвердили, что характерной особенностью сырцового кирпича, использованного при возведении халчаянских сооружений, является наличие разнообразных фигурных знаков, нанесенных еще до просушки. Этот факт был выявлен и на других памятниках эпохи античности Северной Бактрии и других регионов.

По поводу значения этих знаков было много споров. С.П. Толстовым была выдвинута гипотеза, что они являются собою тамги - символы родовой принадлежности [104]. В.Л. Воронина видела в них знаки учета работы мастеров или групп рабочих, поставивших партии кирпича [105]. Г.А. Пугаченкова считает, что клейма эти наносились людьми едва ли грамотными, избравшими определённый несложный личный знак для выделения изготовленных ими кирпичей или партий кирпича, и это был знак раба, по которому его владелец либо надсмотрщик определял проделанную работу [106].

Исследуя архитектуру эпохи древности, Г.А. Пугаченкова особое внимание уделяет влиянию эллинской культуры в зодчестве Средней Азии. В своей статье "Акант в архитектуре Средней Азии" и других работах она освещает появление эллинских элементов в зодчестве Средней Азии и их дальнейшее развитие на местной основе в средневековье и в развитом Средневековье [107].

Изучение памятников средневековой архитектуры также занимало видное место в исследованиях Г.А. Пугаченковой. Одним из первых таких объектов стал мавзолей Араб-Ата в Тиме, обнаруженный географом Н.И. Леоновым и отнесенный по внешним признакам к XI веку. После изучения мавзолея экспедицией УзИскЭ и дешифровки М.Е. Массоном концевой части надписи на портале, где содержалась дата 978 г., памятник приобрел принципиально важный характер для понимания эволюции всей среднеазиатской архитектуры. В исследовании мавзолея Араб-Ата Г.А. Пугаченкова путем сопоставления его композиционного решения постройки с другими памятниками Средней Азии доказала, что здание в действительности относится к мавзолеям эпохи Саманидов (X в) [108]. Исследовав мавзолей Араб-Ата, Г.А. Пугаченкова доказала, что появление портално-купольных композиций и трёхлопастных парусов подкупольной конструкции, применение кладок спаренными кирпичами, развития гириха все эти признаки в действительности слагаются уже в Саманидское время, а не в эпоху Караханидов (XI-XII в) [109].

Новые сведения об архитектуре средневековых караван-сараев Средней Азии получены при раскопках Рабати-Малика в Кермине, ранее известного лишь по остаткам главного фасада. Оказалось, что Рабати-Малик имел нескольких дворигов, обведенных стойлами, складами, помещениями для жилья. В глубине его высилось обширное восьмигранное помещение, крытое куполом и обведенное галереей, основанной на столбах. В декоре свода дворового айвана был использован резной штук [110].

УзИскЭ, закладывая археологические шурфы и производя зондажи, внесла существенные уточнения для понимания архитектуры ряда памятников. Так, шурфы на здании Кырк-кыз близ Термеза показали, что в центре его располагался открытый четырехайванный дворик, а не

купольный зал, как предполагалось ранее. Первое описание Кырк-кыз появилось после его обследования экспедицией Музея Восточных культур в 1926 г. В. Згура писал об археологическом обследовании памятника и отмечал, что назначение Кырк-кыз определено как "...небольшой дворец или загородный Замок [111]. В. Згура не датирует возведение памятника, указывая на близкую, с его точки зрения, аналогию с дворцом-крепостью Хигарла на берегу Евфрата, построенным Харунар-Рашидом. (786-809). С точки зрения В. Згура, датировка памятника затруднена тем, что "...здание расположено на территории монгольского города, возникшего в целом уже в XIII в., после разрушения старой крепости [112]. Во время второй экспедиции Музея Восточных культур в 1927 г. исследованием Кырк-кыз занимался Б.Н. Засыпкин. Были сделаны первые обмеры памятника. В результате исследований он отмечает, что Кырк-кыз это ханака-странноприимный двор с кельями и датирует этот памятник VIII-IX вв. Ещё один исследователь памятника М.Е. Массон до специального археологического обследования датировал Кырк-кыз VI-VII вв. Б.В.

Веймарн считал, что Кырк-кыз был караван-сараям [113].

В ряде работ Г.А. Пугаченковой встречаются упоминания этого памятника. В одной из публикаций автор приходит к заключению, что "...Кырк-кыз это крупная феодальная усадьба, где пребывает родовитая семья" [114]. В этой же работе Г.А. Пугаченкова отказывается от своего прежнего предположения о наличии в центральной части памятника внутреннего двора, "...скорее всего на линии стен айванов здесь лежало четыре мощных круглых столба. На них и на стенах находились сводчатые перекрытия галерей, проходивших по двум этажам и открытых в центральный пролет, увенчанный единственным верхним куполом" [115]. В другой, более поздней работе Г.А. Пугаченкова выдвигает другую версию о назначении памятника: "Кырк-кыз расположен вне укреплений

раннесредневекового Термеза, на загородных землях, в местности, ещё в прошлом веке именовавшейся Шахри-Саман, в названии которой не случайно запечатлена связь с династией Саманидов. По всем данным им и принадлежала огромная дворцовая загородная усадьба, каковой является Кырк-кыз. По-видимому, это была летняя резиденция царствующего рода, выполненная в монументальных архитектурных формах"[116]. На основании исторических источников, топонима Шахри-Саман, отмеченного для территории, на которой находится Кырк-кыз еще в конце XIX в., Г. Капю, З.А. Хакимов предполагают, что это родовой замок Саманидов [117]. По исследованию Е.Г. Некрасовой, археологические исследования северозападной части Кырк-кыз показали, что стратиграфия напластований во всех помещениях и коридорах идентична; уровень первоначального пола колеблется в помещениях в пределах ± 20 см; вымостка отсутствует, уровень пола повышается за счет подсыпки золы; на уровне первоначального пола найдены монеты, относящиеся, по определению Э.В. Ртвеладзе, к XIV-XV вв., найдена лишь одна монета XII в. Таким образом, новые исследования Кырк-кыза подтверждают датировку этого памятника XIV-XV вв.

Была определена планировочная основа мавзолея Ак-Астана-баба. В комплексе Султан-Саодат выявлено, что так называемые мавзолеи №1 и 2, которые считались разновременными, представляют не самостоятельные, притом разобщенные, а взаимосвязанные единым замыслом усыпальницы. В здании Зулькифль на о. Арал Пайгамбар определена датировка этапов строительства этого малоизвестного до того специалистам комплексного архитектурного памятника.

Маршрутные исследования предгорных районов Кашкадарьинской области положили начало архитектурному изучению ряда малоизвестных или вообще неизвестных памятников и целых архитектурных комплексов.

В числе их два комплекса в Каучине - Имам-Маин (древнее ядро которого составляют мавзолей домонгольского времени и купольная мечеть XIV в.) и Хазрет Шейх (датируемый в своей основе XIV в.). Обследованы мемориальный ансамбль мечетей и мавзолеев в Касби, слагавшийся с XI по XVI вв. Архитектурный комплекс Кусам-Ата в Пудине, включающий мавзолей Исхак-Ата X—XI вв., смежный с ним мавзолей XI-XII вв.; и трехкамерный мавзолей XI-XII вв. Крупная ханака Ходжа Илим-кан XVI вв., венчающая холм, у подножья которого сложился разновременной ансамбль

Здания [118]

В горном кишлаке Катта Лянгар были изучены два замечательных памятника XVI в. - мечеть и мавзолей Лянгар-Ата, представляющие подлинные шедевры среднеазиатского зодчества. В Иски-Лянгаре обследованы две ханаки и мечеть XVIII-XIX вв. Памятники позднефеодальной архитектуры постоянно находились в поле зрения экспедиции. Исследованы две ханаки XVI в. - Касым-шейх в Кермине и Имам-Бахра в Хатырчинском районе. В Хорезме изучена целая группа мавзолеев XVIII-XIX вв. - Султан-Ваис-бобо, Вали-Аталык, Усман-Саидбобо, Шаводы-ходжа-бобо и другие. В Ташкентской области - Кызыл-мазар и Гумбез-бобо, близ Касби-намазгах, в Карши мост и баня.

Итоги работы Узбекстанской искусствоведческой экспедиции по изучению памятников архитектуры нашли свое отражение в четырёх выпусках серии "Искусство зодчих Узбекистана", в ряде археологических сборников и монографий. Частично они вошли в обобщающий труд Г.А. Пугаченковой и Л.И. Ремпеля "История искусств Узбекистана" [119].

Г.А. Пугаченковой были также тщательно изучены предметы из терракоты, которые несут в декоративном облике архитектурные элементы. Такого рода работы ранее проводились многими исследователями, такими как И.П. Остроумов, А. Калмыков, В.Л. Вяткин, М.Е. Массой, А.С. Стрелков,

Г.В. Григорьев, А.А. Потапов и др [120].

Особенно привлекали исследователей терракотовые ящички с костными остатками (оссуарии), в которых усматривалась определённая связь с древним погребальным обрядом зороастрийской религии. Множество их таил в себе Самарканд, привлекавший специалистов не только уникальными памятниками архитектуры, но и вещественными находками на городище Афрасиаб и в его округе. Оссуарии были обнаружены и в других районах - Ташкенте, Хорезме. Появились и публикации о среднеазиатских костехранилищах, обзор которых в 1908 г. сделал В.В. Бартольд, снабдив его своими комментариями и соображениями. Б.Н. Кастальский вел в селении Бия-наймана близ Каттакургана раскопки, которые дали ему до семисот оссуарных фрагментов. Они отличались от всех ранее найденных богатством и общим стилем пластического оформления и сразу же привлекли внимание членов Туркестанского кружка любителей археологии (ТКЛА). И.Т. Пославский доложил об этой находке на заседании кружка, а вскоре увидела свет публикация Б.Н. Кастальского с описанием фрагментов и составленной им реконструкции фасадной стенки одного из оссуариев: композиция в виде аркады, основанной на фигурных колонках, и стоящих под арками мужских и женских фигур с разного рода атрибутами в руках. По поводу этих фрагментов писал и другой член Туркестанского кружка А. Калмыков. Впоследствии публикации о биянайманских оссуариях появлялись неоднократно и в разной интерпретации. В эти годы география оссуарных находок в Средней Азии намного расширилась, причем были обнаружены не только отдельные экземпляры, но и вскрыты оссуарные некрополи - на территории раннесредневекового Согда (Пянджикент), Мерва (к западу от Султан-калы), Хорезма (Ток-кала), Чача (долина Ангрена). Но при всем обилии находок художественное

оформление биянайманских оссуариев, при сопоставлении с другими, было в своем роде единственным.

В 1970 г. Г.А. Пугаченкова ознакомилась с фрагментами новых оссуариев, найденных на обрывистом берегу канала Хазара, материалы исследования позднее были опубликованы.

В 1979 г., когда Мианкальский отряд Узбекстанской искусствоведческой экспедиции вплотную приступил к изучению древностей Иштиханского района, были проведены широкие раскопки в участке оссуарных захоронений. Все извлеченные оссуарии оказались орнаментированными в той же технике, что и биянайманские, и очень близки к ним по стилю и составу изображений [121]. Между тем ареал подобных оссуарных находок все расширялся. Еще в 1976 г. при вспашке поля у кишлака Мулла-Курган близ Лоиша в Акдарьинском районе был срыт бугор, в котором оказался совершенно целый оссуарии, который по стилю соответствовал мианкальским. К этой же группе принадлежал фрагмент оссуария, найденного в ущелье Равак в Иштиханском районе. В 1981 г. Узбекстанская искусствоведческая экспедиция обнаружила "доску с тремя скульптурами" в Пастдаргамском районе. Г.А. Пугаченкова и З.А. Хакимов установили, что это фрагмент оссуария, причем композиция и состав персонажей близок к биянайманским и иштиханским. Местом его находки был небольшой срезанный бульдозером холм, расположенный в округе крупного средневекового городища Дурмантепа.

Таким образом, типологически оссуарии Бия-наймана оказались не уникальными, а достаточно широко распространенными. Причем, ареал их распространения был выявлен благодаря работам УзИскЭ к западу от Самарканда, вдоль и внутри двух рукавов Зарафшана - Акдарьи и

Карадарьи, то есть в основном в пределах средневековых областей Иштихана и Кушании [122]. Изучив оссуарные находки, Г.А. Пугаченкова приходит к выводу, что вся мианкальская группа существенно отличается от оссуариев, найденных в недалеко расположенном Самарканде.

Археологически установлено, что доисламское городское население Согда, как и в ряде других областей Средней Азии, костные останки помещали в крупных сосудах-хумах, а кости особо чтимых персон в терракотовых или в гипсовых гробиках-оссуариях [123]. Вскрытие оссуарных захоронений в Иштихане дало более определённую картину, чем бия-найманские оссуарии. Г.А. Пугаченкова, сопоставив бия-найманские и иштиханские оссуарии, определила технику их изготовления. По её мнению, приём изготовления иштиханских оссуариев не соответствует приему оссуариев из Бия-наймана. У мастера имелась форма-калыб в виде длинной доски с вырезанным на ней обратным рельефом. Смазав ее предварительно маслом, на неё накладывали слой чистой глины, вминая её в контррельеф, поверх - ещё слой глины с добавками волоса или шерсти, а затем третий слой примесей. После уплотнения форму опрокидывали и полученную глиняную ленту перегибали, соединив на углах и придав вид рамы; к ней примазывали донное основание, полку для крышки и венчающие оссуарии зубья. В действительности, по определению Г.А. Пугаченковой, как у иштиханских, так и у бия-найманских оссуариев все четыре стенки оттискивали отдельно. Затем их соединяли с днищем и между собой на углах. Что касается бортиков для упора крышки, они, очевидно, прикреплялись на внутренней поверхности стенок ещё тогда, когда лежали на калыбе. Крышку выполняли в той же технике, что и стенки -

вначале в виде четырёх отдельных треугольников с оттиском орнамента калыбами и затем соединённые в форме четырёхгранной пирамиды.

Подготовленные таким образом оссуарные ящики и крышки подсушивали, затем подвергали обжигу [124].

Что касается изобразительных мотивов оссуариев, по этому поводу также были различные мнения и споры. Уже первые авторы, например, Н.П. Остроумов, отмечал, что оссуарии внешне воспроизводят жилище: прямоугольные - дом оседлого жителя, овальные - юрту кочевника [125]. А. Калмыков считал, что архитектурные элементы на оссуариях свидетельствует о наличии греко-римских влияний, а также впервые отметил своеобразие типа оссуарных колонок [126].

В.Л. Вяткин, развивая положение о подражании в оссуариях жилому дому, выдвинул мысль, что крышки их воспроизводят форму древних крыш.

С жилищем он сближал и очажки, указывая на сходство их колонок с домонгольскими колоннами Средней Азии [127].

М.Е. Массон привлек колонки на оссуариях и очажках при изучении древнейших деревянных колонн из Курута и Обурдана (I-X вв.), указав на совпадение архитектурных форм тех и других в существенных деталях и впервые отметив наличие в них определенных самобытных черт, "которые когда-то определяли собою стиль древнего Согда" [128].

В статье Г.В. Григорьева, посвященной генетике среднеазиатского орнамента "тус-тупи", предполагается истолкование очажков, как миниатюрных зороастрийских алтарей; в композиции очажка автор усматривал обнесённый глинобитной стеной сад, а

формирование среднеазиатской колонны связывал с переносом в архитектуру изображения какого-то растения [129].

А.А. Потапов, анализируя главным образом сюжетную и формально-техническую сторону оссуарных изображений, отмечал, что архитектурные формы их - аркада, колонны, крышка и прочие - передают формы жилища [130].

Б.В. Веймарн, на основании сопоставления оссуария Государственного исторического музея с планом согдийского замка на горе Муг, выдвинул гипотезу, что в фасадных стенках оссуария отражены черты внутренней распланировки помещений [131].

В работе А.Я Борисова, где по словам самого автора, вопросы стиля были сознательно исключены, поскольку статья посвящена чисто иконографическим проблемам, как аргумент в пользу "позднесасанидского" происхождения бия-найманских рельефов была привлечена орнаментация их арок, а также впервые отмечены изображения человеческих фигур, поддерживающих, аналогично кариатидам, карнизы капителей [132].

Изучив изобразительные мотивы мианкальских оссуариев, Г.А. Пугаченкова аргументирует их иначе, чем ее предшественники. Она считает, что на оссуариях воспроизведены вполне реальные для раннесредневекового согдийского зодчества архитектурные формы и декоративные мотивы [133]. Это подтверждается сопоставлением оссуарных изображений с теми архитектурными памятниками, которые были вскрыты при археологических раскопках. Так, на оссуариях изображены такие архитектурные элементы, как арка, аркада, колонны. Арки чаще всего имели вытянутые эллиптические очертания. Подобная

кривая свода имеет свои конструктивные прототипы в большинстве известных согдийских зданий (Актепа под Ташкентом, замок на горе Муг, здания Пянджикента и др.), и шире в древней сырцово-кирпичной архитектуре Средней Азии (кешки Хорезма, "Курган" на городище древнего Термеза и др.) Исследовав бия-найманские оссуарии и заслонки очажков из Самарканда, Г.А. Пугаченкова выявила, что полуциркульные арки, которые изображены как архитектурные элементы, применялись в среднеазиатской архитектуре в перекрытии дверных проемов.

Это отмечено в некоторых помещениях Ташкентского замка Актепа (V-VII в.) [134].

А.А. Потапов полагал, что формы оссуариев распределяются по территориальному признаку, оссуарии ящичной формы с отдельно вылепленной крышкой типичны для призарафшанских районов, а овальные характерны для Семиречья и Чирчик-Ангренской [135]. Г.А. Пугаченкова отмечает, что те и другие встречаются как в центральных пунктах Согда - Самарканде, Каттакургане и др., так и в северо-восточных регионах сложения согдийских колоний, например, в долине Таласа или в Джетысу. Она отмечает, что были определённые исторические причины широкого распространения овальных оссуариев [136]: "с V столетия в исторической жизни Средней Азии отмечается чрезвычайно активное проникновение в Среднеазиатское Междуречье кочевого элемента, а к концу VI в. в стране утверждается Тюркский каганат. Волны тюрков из северных среднеазиатских районов, нахлынув в Согд, оседают здесь, сливаясь с согдийцами-аборигенами, отчасти, перенимая их обычаи и верования. Очевидно, эти последние, приобщая пришельцев к своему культу и сообразуясь с их вкусами и приёмами, воспроизводят в ритуальных предметах формы, знакомые и понятные для прозелитов. Именно в это время (V-УП вв.), очевидно, и получают распространение

овальные оссуарии. Овальные оссуарии - есть произведения вполне определенной эпохи господства тюркской полукочевой знати, т.е. периода, непосредственно предшествующего арабскому вторжению. С другой стороны, на ту же эпоху падает особенно интенсивная колонизация согдийцами Семиречья, бассейнов рек Таласа, Чу и просачивание их в глубь населенных кочевниками степей. Возможно, что они вели среди местного населения пропаганду маздеистического культа, имевшего некоторый успех, а сами, безусловно, придерживались привычных верований и обрядов, в частности, обычая сохранения костей умершего после отделения от них мяса. В эти столетия здесь могли появиться, наряду с овальными, прямоугольные оссуарии, форма которых в основных чертах была заимствована у жителей собственносогдийских областей, иллюстрацией чего служат, например, аламединские оссуарии. Форма оссуария определяет не просто наличие в стране двух слоев населения - оседлого и кочевого и не территориальную специфику их, но определённый процесс конгломерации тюрко-согдийских этнических групп, отражающий один из моментов этногенеза узбекского народа" [137].

Также изучая генезис типа среднеазиатских мавзолеев с шатровыми куполами, Г.А. Пугаченкова пришла к заключению, что овальные оссуарии являются подражанием не юрте, а курганообразным надмогильным сооружениям древних среднеазиатских тюрков, которые, может быть, генетически, через форму насыпного холма-кургана, и связаны с темой примитивного жилья, но которые к середине I тысячелетия н.э. уже отлились в монументальный архитектурный образ погребальной конусообразной или пирамидальной постройки [138].

Вопрос о сходстве прямоугольных согдийских оссуариев с согдийским жильем также спорен. Например, в фасадных стенках

оссуариев многие исследователи видели композицию фасадов жилых домов, кроме того, оссуарный мотив аркады на колоннах был принят за аркадный портик, род арочного айвана перед жилым домом. Б.В. Веймарн выдвинул другой тезис, а именно, подобная "аркатура на фасаде здания могла служить выражением коридорообразной системы планировки внутренних помещений [139].

Развивая эти предположения, Г.А. Пугаченкова выдвинула свою гипотезу: стенки оссуариев воспроизводят не реальные стены или айван согдийского дома, а некую условную декоративную композицию, включающую, несомненно, реальные элементы согдийского зодчества: арку, колонну и пр. Она приводит аналогии с античными стилями, где архитектурные формы - арки, антаблемента, колонны, вводятся как элементы декоративного оформления предметов прикладного искусства или самих архитектурных комплексов, а также склоняется к предположению о связи архитектурных элементов этих оссуариев именно с храмовым, а не с жилищным строительством [140].

Касаясь вопроса хронологии оссуариев, в процессе изучения, Г.А. Пугаченкова вносит и свои уточнения о периоде их бытования и времени изготовления. Прямоугольные оссуарии, которые характеризуются высоким мастерством выполнения, и отдельные эллинизированные элементы пластики и архитектуры, отнесены ею к первым векам н.э., но не позднее IV столетия. Таковы оссуарии, на которых представлены эллинизированные элементы архитектурного декора: пальметты, волюты, отштампованные маскароны и пр [141]. Оссуарии же, характеризующиеся известным

огрублением техники лепки и упрощением рисунка, Г.А. Пугаченкова относит к IV-VI вв.

Этим же периодом, по ее мнению, можно датировать оссуарий, хранящийся в Самаркандском музее, и оссуарий из Государственного исторического музея, датированный ранее А.С. Стрелковым IV-VI вв. К эпохе Тюркского Каганата (VI-VII вв.) Г.А. Пугаченкова относит Биянайманские оссуарий, в декоре которых изображения арок и фриз с терракотовыми розетками, аналогичные розеткам в декоре дворцового здания Тараза (VI-VII вв) [142].

Исследуя древние архитектурные элементы, Г.А. Пугаченкова, помимо терракотовых оссуариев, анализирует орнамент очажков, встречающихся в основном в средневековых слоях. По характеру техники изготовления очажков и изображений декора она выделяет два стиля. Первый, по её предположению, охватывает время с VIII по X столетие и по типу архитектурных и орнаментально-изобразительных сюжетов восходит к древнесогдийским художественным и идеологическим традициям. Второй с XI по XIII вв., когда искусство приспособляется к нивелирующим нормам искусства того времени, и на сюжетную сторону определенное влияние начинает оказывать ислам. По В.Л. Вяткину, очажки эти облицовки обычных домашних очагов, по Г.В. Григорьеву, "это зороастрийская икона, перед которой огнепоклонники разжигали жертвенный огонь во исполнение предписаний Авесты" [143]. Г.А. Пугаченкова убедительно опровергает аргументацию Г.А. Григорьева, которая базировалась, главным образом, на наличии в орнаментике стенок очажков тотемно-магического образа петуха и ряда других изобразительных сюжетов, отождествляемых с представлениями зороастрийской космогонии (например, колонны - как символ земли, а сердцевидные рельефы - как стихия воздуха). По мнению Г.А. Пугаченковой, основной мысли автора противоречит уже то, что для маздеизма вообще чуждо поклонение иконам или каким-либо ритуальным

предметам, так как молитвы во славу Ахурамазды возносились жрецами близ особых, обнесённых оградами алтарей [144]. Наличие же на очажках архитектурного мотива колонки, по Г.А. Пугаченковой, находит истолкование в этнографии. Она считает, что тут воспроизведен "сутуни саламго" - "столбов места приветствия", поддерживающих потолок "дарбази", которыми оформляют центральное помещение жилища горных таджиков, где находится главный очаг дома

[145].

По поводу назначения и стиля "заслонок" и "орнаментированных плит" также были споры. Заслонки - это особая группа массивных терракотовых плит, дугообразной или прямоугольной с закругленными верхними углами формы. По определению назначения заслонок были разные предположения. По Г.А. Пугаченковой, они прикрывали ниши, где ставились оссуарии, причем, допускается, что прямоугольные заслонки предназначались для прямоугольных, а дугообразные - для овальных оссуариев. Вместе с тем, они могли бы служить объектом культового назначения, перед которым ставили горящий светильник или какой-либо иной предмет [146].

Что касается назначения "орнаментированных плит", Г.А. Пугаченкова выдвинула гипотезу, что эти плиты, возможно, были родом из прямоугольных "столиков" - дастарханов, на которых ставились различные угощения [147].

Эти исследования Г.А. Пугаченковой элементов согдийской архитектуры по данным археологических памятников существенно восполняют представления о процессе эволюции архитектурных конструкций, сложения одних и исчезновения других. В своих статьях она показывает, как плавное очертание арок к VIII столетию уступает

место стрельчатой кривой или как фестончатая арка превращается в изящный элемент линейного обрамления стенных панно, как долго удерживаются иные архитектурные формы, прочно входя в репертуар средневековой среднеазиатской архитектуры, напоминая свой прототип во всех основных чертах.

Г.А. Пугаченкова, изучая согдийскую архитектуру по археологическим памятникам местного изобразительного искусства, в сопоставлении с древними согдийскими постройками и с памятниками среднеазиатского зодчества более поздних эпох, приходит к выводу, что в творческой самостоятельности этой архитектуры и в процессе формообразования ее внешние влияния никогда не были определяющим фактором [148].

В исследовании истории архитектуры среди специалистов нередко возникали споры по поводу интерпретации и датировок того или иного памятника. Такие проблемы находят место и в исследованиях Г.А. Пугаченковой. Например, среди спорных проблем был вопрос о функциональном назначении мавзолея Ишратхана темуридского времени.

В 1974 г. была опубликована статья П. Захидова "Дворец или мавзолей", в которой говорится о, якобы, ошибочном определении широко известного самаркандского памятника Ишратхана, как мавзолея, возведенного для Хавенд-Султан-бика - дочери темурида Абу-Саида, на поддержание которого в 1464 г. был составлен сохранившийся до наших дней вакфный документ. Автор отождествил памятник с загородным дворцом Темура Дилькушо, построенным в конце XIV в. В пользу своего предположения он приводит сообщение Шарафиддина Али-Йезди о создании в 1337 г. по распоряжению Темура в Самарканде, на окраине

долины (или поляны) Канигиль, сада Дилькушо, посреди которого был возведен трехэтажный, богато убранный дворец со сводчатыми помещениями, окруженный мраморной колоннадой. Затем цитирует Захириддина Бабура, *который писал, что поляна Канигиль "тянется к востоку от Самарканда, слегка уклоняясь к северу и простирается на один шери... Другая поляна — Будана-Кураги; она лежит между садом Дилькушо и Самаркандом"*. Далее приводится сообщение о саде Дилькушо Абдарразака Самарканди, что в 1410 г. эмир Шейх Нуриддин провел два-три дня в саду Дилькушо и на Канигиле, а в 1414 г. Шахрух разместил на Канигиле свою ставку и через несколько дней там в Кокгумбазе Улугбек устроил в честь отца торжество. Опираясь на эти сообщения письменных источников, П. Захидов заключает, что "кешк в саду Дилькушо и Кокгумбаз - это широко известный ныне мавзолей Ишратхана [149].

Г.А. Пугаченкова в своей статье "И все-таки - мавзолей!" [150] критикует эти предположения, доказывая, что приведенные доводы далеки от истины. Она приводит новые факты о местонахождении дворцов

Дилькушо и Кокгумбаза и доводы, вскрывающие ошибочность положений

Захидова. "Никто из писавших о дворце Дилькушо авторов XV-XVI вв. не называет его Кокгумбазом. Упомянувший павильон Улугбека на Канигиле Абдаррезак -самаркандец родом именуется Дилькушо - Дилькушой, причем характерно, что он пишет отдельно о саде Дилькушо и о Канигиле, но отнюдь не о расположении этого сада на Канигиле. Наименование Кокгумбаз "Голубой купол" часто употреблялось в Средней Азии применительно к постройкам с голубыми куполами (мечеть Улугбека в Шахрисабзе, мавзолей Суянджихана в Ташкенте и др.). Отмечается, что если у Улугбека и был на Канигиле какой-то Кокгумбаз, то пока нет оснований для отождествления его ни с дворцом Дилькушо, ни с Ишратханой", заключает Г.А. Пугаченкова. О

местоположении могилы Хавенд Султан-бика П. Захидов также пытается материалы В. Л. Вяткина, отмечала, что местоположение мавзолея Темуридской принцессы к северу от мазара Абди Даруна указано не в вакфнаме, на который ссылается П. Захидов, а у Абу Тахирходжи. Во-вторых, в вакфном документе записано, что могила Хавенд Султан-бика расположена "в здании под куполом бирюзового цвета, по соседству с мазаром пресветлого святого Ходжа Абди-даруна, а не смежно с ним. Г.А. Пугаченкова также по поводу объяснений П. Захидова о склепе в Ишратхане говорит, что дворец Дилькушо был трехэтажным, в Ишратхане два этажа. П. Захидов утверждал, что склеп Ишратханы является "подземным залом" нижнего этажа, а имеющиеся же здесь захоронения "позднего происхождения, и полагает, что они появились в период длительного запустения памятника"[151]. По этому поводу Г.А. Пугаченкова приводит следующее: ни в одном из дворцов Среднего Востока - открытых ли археологическими раскопками (дворец термезских правителей в старом Термезе, газневидские дворцы в Газни и Лашкери-Базаре), сохранившихся до наших дней (Чинили киоск в Стамбуле, Чилсутун и Али-Капу в Исфахане, дворцы великих моголов в Дели, Агре, Сикри), нет подобных "подземных залов, ибо в них всегда царили бы сырость, темнота и затхлый воздух и что склеп Ишратханы типичный для многих мавзолеев Среднего Востока - глухой без окон, лишь с узкими вентиляционными продувками. По поводу мраморной колоннады дворца П. Захидов пишет: "Дальнейшие археологические раскопки на территории дворца и сада должны внести ясность о характере этой колоннады". Г.А. Пугаченкова отмечает, что "земляные работы, проводившиеся вокруг Ишратханы, не выявили ни единого фрагмента каких-либо каменных колонн или их деталей. Кроме того, если бы здесь были колоннады, то они несли бы навесы балочных перекрытий, причем на стенах здания остались бы гнезда для опоры балок. Ничего подобного на фасадах Ишратханы нет" [152].

В полемической статье П. Захидова также идет речь о плане мавзолеев, он критикует исследователей, считающих объёмное построение на крестообразном плане присущим мавзолеям. На это Г.А. Пугаченкова отвечает, что подобный план определялся не дворцовой или жилой функцией здания, а необходимостью создания больших пролётных купольных залов, каковые входили в композицию построек любого назначения-дворцов, мавзолеев, ханака, медресе и т.п [153]. Для

доказательства этого, она обращает внимание ещё и на то, что крестовидная форма залов претерпела в X в. определенную эволюцию в связи с развитием системы подкупольных конструкций. В средневековом зодчестве вплоть до начала XV в. купола квадратных помещений с нишами на осях основывались на восьмиграннике тромпов или так называемых арочных парусов (Мечеть Биби-ханым, ГурЭмир); в конце XIV - первой трети XV вв. появляются впервые купола небольшого пролета на щитовидных парусах (мавзолей при медресе Гаухаршад в Герате, медресе в Харгирде, Ишратхана в Самарканде). Эта конструкция меняет крестообразную конфигурацию залов, создавая как бы двойную раскреповку внутренних углов при очень глубоких нишах на осях Помещения [154].

Г.А. Пугаченкова обращает особое внимание на процесс эволюции в XV веке и в декоре. Росписи типа кундаль, которыми примечательна

Ишратхана, не известны в постройках Темура и Улугбека, при всем богатстве и разнообразии украшающего их декора. Г.А. Пугаченкова также возражает П. Захидову по поводу того, что во дворце Дилькушо на стенах были росписи на сюжеты индийских походов и побед Темура, а также необоснованность его пожелания о тщательном изучении остатков ранних штукатурок путем зачистки и зондажей с целью выявления наличия следов сюжетной живописи. Данное замечание она приводит, опираясь на статью Б.Н. Засыпкина, в которой приведены данные тщательнейших исследований живописного декора Ишратханы, осуществленных в 1928-1930 гг. И.К. Мрочковским. Во-первых, в Ишратхане нет поздних и ранних штукатурок, а есть лишь первоначальная штукатурка и росписи по ней, причем нанесение декора в этом памятнике вообще не было завершено. Во-вторых, изучение росписей выявило лишь орнаментальные и эпиграфические мотивы, не дав ни намека на изобразительную живопись.

Дискуссия, хотя и по поводу ошибочных посылок, полезна тем, что она определяет истину. А истина в том, что Ишратхана - это отнюдь не дворец Дилькушо конца XIV в., а мавзолей, возведённый к 1464 г. для

Хавенд Султан-бике, и ставший фамильной усыпальницей женщин и детей из дома темуридов. Это шедевр Самаркандского зодчества, раскрывающий многие черты Среднеазиатской архитектуры второй половины XV в.

Аналогичная дискуссия развернулась вокруг мавзолея Музлум-Сулу, расположенного на городище Миздахкана. Видные исследователи средневековой Хорезмской архитектуры А.Ю. Якубовский [155] и В.И. Пилявский [156] ввели его в науку именно как мавзолей, но датировку его первый относил к золотоордынскому времени - концу XIII - началу XIV в., что было принято и Б.Н. Засыпкиным, а второй, сопоставляя его с мавзолеем Текеша в Куня-Ургенче, относил к началу XIII в.

В 1959 г. на мавзолее Музлум-Сулу архитекторы В.М. Филимонов и СБ. Неумывакин осуществляли обмеры и, восемь лет спустя В.М. Филимонов опубликовал статью, в которой утверждал, что это здание представляло собой дворец, датируя его XII - началом XIII вв [157]. Г.А. Пугаченкова, возражая В.М. Филимонову, убедительно отмечает, что этот памятник не дворец, а мавзолей. Она, в основном ссылаясь на архитектурную планировку здания, подчеркивала, что ошибочное заключение В.М. Филимонова - это лишь плод недостаточного представления о культовых постройках в архитектуре Среднего Востока, где в действительности известен ряд вариантов зданий с аналогичной планировкой. Таковы в Мавераннахре мавзолеи XV в. Казызаде Руми и Аксарай в Самарканде, в Азербайджане - усыпальница Тюрбе из ансамбля Ширваншахов в Баку XV в. и мавзолей шейха Джебраила близ Ардебиля начала XVI в., в Хорезме же мемориальный комплекс Шейх-Мухтар Вали в с. Остана в том виде, в каком он оформился к XIV веку.

Архитектурную аргументацию В.М. Филимонова в пользу дворцового назначения памятника Г.А. Пугаченкова опровергает при сопоставлении этого здания с мавзолеем Тюрабек-ханым в Куня-Ургенче. Г.А. Пугаченкова убеждает, что, как по археологическим данным, так и по своей планировочной и объемно-пространственной композиции архитектурный памятник Музлум-Сулу принадлежит к группе культово-мемориальных зданий XIV в. и попытка приписать ему дворцовое назначение абсолютно беспочвенна [158].

Г.А. Пугаченковой исследован еще один архитектурный памятник Имам Бахра, играющий важную роль в истории архитектуры Узбекистана.

Как архитектурное сооружение это здание привлекло к себе внимание лишь в недавнее время: в 1974 г. памятник был обследован Л.Ю.

Маньковской и Т. Усмановым. В 1976 г. в процессе работ Узбекостанской искусствоведческой экспедиции в Хатырчинском районе были сделаны дополнительные исследования и обмеры памятника.

Первые исследователи Калаи-Дабус провели сбор этнографического материала, записав со слов местного духовенства связанные с ним предания, согласно которым это - ханака над могилой Абу-Хурейры. Он был похоронен в Аравии, тем не менее, на Среднем Востоке ему приписывалось много мавзолеев, в числе их - Ак-Астана-баба на левобережье Сурхандарьи. Чаще в Дабусие памятник считают мазаром Имам-Бахра, т.е. "имам, пользующийся всеми благами" - таким было одно из прозвищ АбуХурейры. Для выяснения даты сооружения памятника Г.А. Пугаченкова обращает внимание на систему перекрытий, которая характерна для Средней Азии второй половины XV-XVI вв. Перечислив несколько памятников, где применена эта система: Ишратхана, Аксарай,

Чильдухтарон в Самарканде, медресе Мири-араб в Бухаре, мавзолее Суюнджихана в Ташкенте, ханака Касым-Шейха в Кермине и Мулло-Мир в Ромитанском районе, она отнесла этот памятник не к XV, а XVI веку. В доказательство этого приводятся следующие факты - при последних темуридах в Средней Азии было возведено крайне мало архитектурных сооружений. Ситуация резко изменилась при шейбанидах. В эту пору возрастала роль узбекских родов. Их главари, желая заручиться поддержкой могущественного мусульманского духовенства, обращают свое внимание на поддержание местных "святынь". Приведя такие факты появления монументальных мусульманских построек или роскошных намогильников, она отнесла памятник в Дабусие к XVI веку [159]

В исследованиях истории архитектурных памятников Узбекистана, Г.А. Пугаченкова особое внимание уделяла развитию методов и строительной техники. Тщательно изучив вопросы развития строительной техники Средней Азии в древности и средневековье, Г.А. Пугаченкова пришла к выводу, что особенности конструктивно-технического порядка во многих отношениях определили черты своеобразия среднеазиатского зодчества на разных этапах его исторического развития. И если выдвинутые общественными запросами различных эпох архитектурные здания порождали инженерно-технический поиск и разработку строительного дела, то и строительная техника, в свою очередь, активно влияла на общий строй архитектурных идей, формообразование объемно-пространственных композиций, архитектонику и декор выдающихся и рядовых творений архитектуры Средней Азии [160].

В сфере архитектуроведения было много споров о существовании единого эстетического аспекта в творчестве зодчих средневекового Востока. В исследованиях Г.А. Пугаченковой этот вопрос также находит

свою проработку. Стилевая общность, столь явно ощутимая в постройках, удаленных друг от друга во времени и пространстве, давно побуждала исследователей отыскивать "единый корень". И этим корнем был объявлен ислам. Так появились и довольно прочно закрепились в научной и массовой литературе термины "мусульманское искусство", "искусство ислама", "искусство мусульманских народов". Г.А. Пугаченкова выступает против такой предпосылки, считая, что это ведёт к ложному формально-логическому выводу, о том, что поскольку ислам был фактором, идеологически объединившим различные народы Востока, следовательно, он определял собой единство их эстетических воззрений и творческой практики.

Общность в сфере архитектурных явлений, по её мнению, была обусловлена, прежде всего, единообразием процесса социального развития в странах средне- и переднеазиатского мира; переплетением исторических судеб разных народов в системе арабского халифата, а затем - сменявших друг друга султанатов и ханств; этнически-языковым родством, облегчавшим общение народов, порою даже отдельных стран; почти постоянным контактом этих стран и народов, обусловленным их широкими политическими, торговыми и культурными связями; и, наконец, вызванным этими связями непрерывным взаимообменом художественным опытом, в котором щедрая отдача творческих идей, технических и художественных достижений создавала наиболее благоприятную среду для развития архитектуры средневекового Востока.

Как отмечает Г.А. Пугаченкова, попытка отыскать "родину" мотива Побразно обрамленной стрельчатой арки и сталактитов в Мавераннахре, Иране или Азербайджане безнадёжна, ибо идея эта могла возникнуть одновременно и там и тут в процессе развития однородных

конструктивных приёмов и архитектурных идей. Вместе с тем, в том же едином русле протекало развитие архитектурного орнамента.

Таким образом, многие общие линии в развитии архитектуры и воззрениях на её эстетические цели и приёмы были сходными в различных странах Востока, чему Г.А. Пугаченкова приводит примеры, сопоставляя обширный круг средневековых памятников Востока. Например, если в архитектуре Азербайджана видную роль играл, наряду с кирпичом, камень, то в Средней Азии в монументальном зодчестве всегда преобладал кирпич, а появление в конце XIV в. резного камня Г.А. Пугаченкова связывает с влиянием азербайджанской и индийской традиций. В традиционных облицовочных материалах в архитектуре XII в. отмечается преобладание декора из отесанных кирпичей в Азербайджане (мавзолеи в Нахичевани, Мараге и др.), в Хорасане и Тохаристане - богатейшие узоробразования изфигурных резных кирпичиков (памятники города и области Мерва, Ходжа Нахшарон и др.), в Мавераннахре и Фергане - резная терракота (мавзолеи Узгена, мечети Бухары и др.), а в Хорезме - орнаменты, резанные до обжига на кирпиче (Куныя-Ургенч).

С целью определения стилистических отличий отдельных архитектурных школ средневекового Востока в самом композиционном строе сооружений Г.А. Пугаченкова сопоставляет минареты XII в. - Минор и Калян в Бухаре, минареты Джаркурган и Мисриан. Мавзолеи Южного Хорасана, Мавераннахра и Ферганы и типы их перекрытий. Если в Азербайджане преобладал тип многогранно-башенный, с шатровым перекрытием (мавзолеи в Нахичеване) или кубовидно-шатровый (в Мараге и др.), в Южном Хорасане широко распространены мавзолеи цилиндробашенные, нередко с гофрированной обработкой поверхностей, вводящей вертикальный ритм, и с шатровым куполом (башни в Рее,

Верамине, Бистаме и др.), в Мавераннахре и Фергане преобладает портално-купольный тип (мавзолеи в Тиме, Таразе, Узгене). Хорезм, с его промежуточным положением между прикаспийскими и среднеазиатскими областями, дает некое синтетическое решение, сочетающее квадратное основание, граненый барабан и шатровый купол при центрической (мавзолей Фахреддина Рази) или порталной (мавзолей Текеша) разработке общей композиции.

Основываясь на вышеперечисленных исследованиях, Г.А. Пугаченкова пришла к выводу, что если в основе формирования архитектурных школ на Среднем Востоке лежали социальные судьбы народов, определившие черты историко-культурного единства различных областей и стран, стилистическое своеобразие этих школ отчетливо проявляется в определенном комплексе художественно-образных средств. Эстетическая сторона зодчества выступает в них как неотъемлемый фактор триады утилитарно-конструктивнохудожественных начал архитектуры [161].

Изучая средневековые памятники, Г.А. Пугаченкова всегда придает особое значение их архитектурному генезису. В частности, этот вопрос подробно разрабатывался при изучении мавзолея Саманидов в Бухаре, который принадлежит к числу шедевров средневекового зодчества Востока. Однако решение проблемы его генетических истоков было спорным. Большинство исследователей считали несомненной взаимосвязь этого памятника с местными доисламскими архитектурными традициями древнего Согда. К. Кресвел сравнивал композицию мавзолея Саманидов с сасанидскими храмами огня-аташкеда. Л.И. Ремпель, обратив внимание на своеобразную обводную галерею мавзолея Саманидов, выраженную снаружи аркатурой, связывал её генезис с традициями квадратных в плане, обведенных коридорами доисламских культовых зданий Среднего

Востока от зороастрийских храмов огня до буддийских святилищ Восточного Туркестана. Ту же мысль повторяла В.Л. Воронина, указывая, в частности, на обводы храмов Пянджикента [162].

Г.А. Пугаченкова, проанализировав весь комплекс, приходит к выводу, что именно пянджикентские храмы не дают аналогий композиции мавзолея Саманидов. Обычно эти храмы включают квадратное, четырехколонное святилище с балочным потолком, к которому примыкают иногда узкие помещения или галереи служебного назначения, тогда как главный фасад открыт и подчеркнут колонным айваном. Утверждение, будто "в процессе переработки формы галерея теряет смысл и выносится наверх, как венчание фасада и отчасти конструктивный элемент", крайне сомнительно, считает Г.А. Пугаченкова [163]. Разгадывая истоки композиции мавзолея Саманидов, исследователи обращались к искусству домусульманского Согда. В поисках изобразительных эквивалентов внимание исследователей привлекает известное настенное живописное панно из Пянджикента, которое исследователи трактовали как "Плач по Сиявушу". Изображенное здесь сооружение имеет трехчастное членение стены: гладкое основание, размещенную над ним шестиарочную, а выше - трехарочную аркатуру. Композиция пянджикентского траурного павильона сопоставляется Г.А. Пугаченковой с общим объемным решением мавзолея Саманидов, здесь совпадают кубообразные объемы; равнозначность обработки, по крайней мере, двух фасадов; наличие аркатур; фланкирующие угловые столбы, увенчанные куполками; даже характер межарочных орнаментальных фигур, с которыми перекликается резьба в треугольниках над арками мавзолея Саманидов. Но существенной отличительной чертой саманидской усыпальницы является наличие лишь одного аркатурного ряда и центрального арочного прохода на глади фактурной обработки

стены. Пянджикентская роспись наглядно свидетельствует о существовании в согдийской погребальной архитектуре увенчанного куполом, оформленного аркатурой, фланкированного на углах столбами сооружения, генетически предвосхищающего композицию мавзолея Саманидов, в которую, разумеется, были внесены существенные трансформации и обновления в соответствии с запросами новой эпохи [164]. Г.А. Пугаченкова считает также, что изображенный на пянджикентской картине траурный павильон, видимо, был не единственным в своем роде, в частности, она приводит в качестве примера изображение, выгравированное на бронзовом блюде из собрания Берлинского музея.

Большинство исследователей относило это блюдо к изделиям сасанидской торевтики, а Ж. Соваже выдвинул его переатрибуцию, отнеся, на основе сходства с бухарской усыпальницей, к эпохе саманидов. Исследовав это изображение, Г.А. Пугаченкова находит аналогии в стилистическом и композиционном цикле с павильоном-кедом пянджикентской сцены, так и с мавзолеем Саманидов в Бухаре.

Таким образом, подводя итоги изучения вклада Г.А. Пугаченковой в сферу истории архитектуры, следует сказать, что интересы ученого как историка-архитектора охватывают широчайший хронологический диапазон, начиная от сложения архитектурно-строительного искусства Средней Азии, в том числе Узбекистана, вплоть до традиционной народной архитектуры XIX-XX вв. Географический охват архитектурной тематики исследователя выходит далее за рамки Средней Азии, хотя мы рассмотрели только разработки её по материалам истории архитектуры Узбекистана и отчасти Средней Азии. Важно, что Г.А. Пугаченкова анализирует все стороны зодчества: строительную технику, композиционные решения, художественный декор, разрабатывает как

самостоятельную тему монументальное искусство древности и средневековья.

Исследовав средневековую архитектуру, Г.А. Пугаченкова отмечает, что большинство монументальных сооружений Средней Азии дошло до нас в полуразрушенном состоянии, являясь обычно лишь фрагментами крупных планировочных комплексов, восстановить которые можно лишь приблизительно, путем сопоставления археологических и историкоархитектурных данных. Она считает, что решение этой задачи позволило бы составить суждение о характере среднеазиатского монументального ансамбля, о специфике его пространственной организации и художественно- идеологических принципах, о роли и месте в структуре средневекового среднеазиатского города .

К этим выводам исследователь приходит при изучении памятников эпохи темуридов, таких как мавзолей Ишратхана, мавзолей Дорус-Сиадат, Аксарай и др. Все эти теоретические разработки были использованы при графической реконструкции памятников, которые ею неоднократно осуществлялись.

Графические реконструкции монументальных сооружений были нередким явлением для классической археологии, появившись первоначально в археологических штудиях Древнего Египта и Ассирии. В Средней же Азии первые попытки графического восстановления разрушенных памятников зодчества связаны с работами командированных Императорским археологическим обществом и Академией России

Н.Н. Щербины-Крамаренко и П. Покрышкина, исследовавших мечеть БибиХаным в 1895-1897 гг.

После продолжительного затишья объемно-пластические реконструкции вновь активно стали использоваться с начала 1940-х гг. и остаются в арсенале исследователей вплоть до наших дней, как для наземных памятников архитектуры, так и для открытых в процессе археологических раскопок. Г.А. Пугаченкова, бывшая в числе зачинателей этого исследовательского метода, впервые применила его во время работы на мавзолее Ишратхана в Самарканде. В одной из своих статей она отмечала, что реконструкция - описательная и графическая - составляет важный, заключительный раздел архитектурно-археологического исследования [165]. Такие графические реконструкции были осуществлены ею на многих памятниках - городище Нисы (крепостные стены, фасад, интерьер и разрез квадратного и круглого залов южного комплекса Старой Нисы, интерьер северного комплекса, фасад парфянского храма Новой Нисы), Мерва и мервского района (фортификация античного Мерва, городища Абдуллаханкалы, Чаш-калы, парфянской крепости Дурнали и сасанидской крепости Чильбурдж; буддийский комплекс в Гяуркале - ступа, сангарамы и главное святилище сангарамы; кешки Большая и малая Нагим-кала, безымянный кешк к востоку от Гяур-калы; средневековые жилые дома на старом пути к северу от Мерва; караван-сарай Акча-кала; мавзолеи - Худайназар Авлия, Мухаммада ибн Зейда, Султана Санджара, Аламбердара в селе Астана-баба Керкинского района; фасад мечети в Анау), Халчаяна (внешняя композиция и интерьер дворца), Дальверзина (наус, дома богатых горожан), Айртама (два варианта буддийского храма), Сурх-Котала в Афганистане (династийский храм Кушан), а также раннесредневековая усадьба близ городища Кафиркала в Даргомской степи за Самаркандом и обсерватория Улугбека в Самарканде. В отношении обсерватории Улугбека существуют иные интерпретации, предложенные Б.Н.

Засыпкиным, В.А. Нильсеном и М.С. Булатовым. Иное видение усадьбы близ Кафыр-калы принадлежало также В.А. Нильсену [166].

Говоря об архитектурных реконструкциях памятников, неполно сохранившихся до наших дней, осуществленных Г.А. Пугаченковой, необходимо остановиться на её методике. В результате осуществленных ею реконструкций по некоторым памятникам было внесено несколько уточнений к уже имеющимся вариантам, ранее предложенным некоторыми специалистами. Так, проведенное ею исследование на мавзолее Аксарай позволило снять многие споры об архитектурной композиции и по проблеме реконструкции этого памятника. Велась дискуссия также и о дате этого сооружения. В статье А.Л. Куна, очевидно, со слов сопровождавших его лиц шахрисабзского духовенства, дата строительства Аксарая впервые указана, как 797 г.х. или 1385 г. н.э. В 1942 г. при осмотре Аксарая М.Е. Массоном и Г.А. Пугаченковой удалось окончательно решить вопрос о дате, заключенной в одной из надписей восточного устоя портала. Как полагает М.Е. Массой, 798 г. х. начинался 16. X. 1395 г. н.э. и заканчивался 5. X. 1396 г. н.э. Можно думать, что, во-первых, эта дата знаменует собой время изготовления изразцовой облицовки порталного входа; во-вторых, соответствует, скорее всего, строительному сезону 1396 г.; и в-третьих, что ещё и восемь лет спустя, когда Аксарай осматривал Клавихо, устои портала еще не были покрыты изразцовым декором, который целиком вообще никогда и не был завершен, как это установлено наблюдениями Г.А. Пугаченковой [167].

Также решался вопрос об архитектурной характеристике Аксарая. Такими исследователями, как А.Ю. Якубовский и Б.Н. Засыпкин были выдвинуты предположения о решающей роли хорезмийских мастеров в зодчестве Шахрисабза XIV в. По А.Ю. Якубовскому "хорезмийские мастера принесли в Шахрисабзскую (Аксарай) и самаркандские

постройки только приёмы и вкусы, проявленные ими в изразцовых мозаичных композициях мавзолея Тюрябек-ханым, но не отнюдь архитектурные формы его". Б.Н. Засыпкин, обратив внимание на конусообразное шатровое перекрытие так называемого мавзолея Хазрети Имам, полагал, что влияние хорезмийских мастеров проявляется не в декоре, а в конструкциях и архитектурных формах. При осмотре и сопоставлении декора Аксарая с декором хорезмского мавзолея Тюрябек-ханым на городище Старого Ургенча М.Е. Массон и Г.А. Пугаченкова приходят к мнению, что мозаика хорезмского мавзолея не только не близка в художественно-стилистическом отношении к декору Аксарая, но последний значительно грубее, а главное, в нем отсутствуют глазки, покрытые прочным и жирным ярко-красным ангобом, столь характерные для мозаики Сарая Берке и Ургенча. В усыпальнице хорезмских правителей поражает обилие красного цвета. В то время как коричневый и красный цвета совершенно отсутствуют в шахрисабзских мозаиках и лишь в небольшом количестве, как и на самаркандских памятниках, встречаются только в майоликах (коричневого вообще нет и там). Таким образом, они отмечают, что нет никаких оснований сблизать аксарайский изразцовый декор с хорезмским [168].

Г.А. Пугаченкова и М.Е. Массой допускали, что хорезмийские мастера были привлечены к постройке Аксарая в 1380 г., но приходят к выводу, что от сооруженного при их участии главного здания до нашего времени практически ничего не сохранилось. Кроме того, Г.А. Пугаченкова усматривала в порталах Аксарая, соборной мечети в Самарканде и мавзолее

Ходжи Ахмада Яссави отзвук массивных форм монументальных сооружений Ильхана Ульджейту в городе Султании (начало XIV в.). Она отмечает, что первоначально в шахрисабзском дворце был иной вход,

значительно меньших размеров. По её предположению, портал Аксарая более крупных размеров был сделан только после того, как Темур, захватив в 1385 г. Султанию, ознакомился с её величественными постройками, в частности с

так называемой "внешней мечетью" [169].

Разборка отдельных, уже готовых частей зданий, не пришедшихся по вкусу "великому эмиру", известна по ряду других памятников (Гур-Эмир, мечеть Биби-ханым, Дорус-Сиадат). Как считает Г.А. Пугаченкова, коль скоро что-нибудь подобное действительно имело место в шахрисабзском дворце, это делает ещё менее вероятной и без того сомнительную роль хорезмских мастеров в изготовлении в 1396 г. изразцового убранства, частично уцелевшего на сохранившихся устоях Аксарая [170].

Для реконструкции пештака Аксарая Г.А. Пугаченкова также привлекает данные средневековых письменных источников, анализируя и некоторые памятники архитектуры. Она приводит образцы венчающих кунгра, сохранившиеся до XIX в. на стенах Хивы, Коканда, Бухары. Но для средневековых памятников не имелось ни материальных находок, ни определённых указаний на использование такого приема. Указание Шарафиддина Али Йезди о мерлонах - "кунгра" было подтверждено в результате изучения средневековых миниатюр. Применение "кунгра" в зданиях темуридской эпохи подтверждается изображениями увенчанных нарядными кунгра построек на миниатюрах XV в., которые были изучены Г.А. Пугаченковой. Она полагает, что при составлении реконструкций и других монументальных памятников XIV-XV вв. исследователь вправе, с большой долей вероятности, предполагать взамен примитивного и довольно позднего архитектурного приема "дандана",

применявшегося в ходе позднейшего ремонта, наличие ажурных завершающих кунгра [171].

Таким образом, Г.А. Пугаченковой на основе комплексного изучения письменных источников и археологических материалов были освещены вопросы архитектурной характеристики и реконструкции Аксарая, а также других памятников эпохи развитого средневековья.

В число графических реконструкций архитектурных памятников Г.А. Пугаченковой также вошел другой памятник Шахрисабза, очень близкий масштабно и композиционно дворцу Аксарай, так называемый мавзолей Хазрети Имам. В 1942 г. Г.А. Пугаченковой и М.Е. Массону удалось установить, что это стройное изолированное сооружение является мавзолей Джахангира, послуживший исходным объектом при создании комплекса Темуридской династической усыпальницы Дорус-Сиادات [172].

Об истории сложения ансамбля Дорус-Сиادات существовало несколько предположений исследователей. Г.А. Пугаченкова, исследовав мавзолей Хазрети Имам, который составляет часть этого ансамбля, установила, что мавзолей имел трехкупольную конструкцию перекрытия с конусообразным наружным шатровым куполом [173].

Указывая на общность архитектуры мавзолея Хазрети Имам и мавзолея Тюрабек-ханым в Куня Ургенче, она предположила возможность участия хорезмских мастеров в сооружении Хазрети Имам. Дата возведения этого памятника - в пределах конца 70-х и начала 80-х гг. XIV в. В ходе исследований была дана архитектурная характеристика и, вместе с тем, определено первоначальное функциональное назначение этого памятника. Были сделаны чертежи первоначальной реконструкции плана. Чрезвычайно важное значение имело то, что эти работы

восполняли тогда еще очень скудные познания о принципах планировки сложных архитектурных комплексов в среднеазиатском строительстве эпохи средневековья.

Решение реконструкции Дорус-Сиадат имело важное значение, поскольку это четвертое из дошедших до нас грандиознейших монументальных зданий эпохи Темура, с характерной однородной схемой фасадной композиции, где выделяется пештак с громадной аркой, фланкированной мощными башнями [174]. В основе историко-

архитектурного изучения данного памятника Г.А. Пугаченковой и М.Е. Массоном был исполнен его реконструкционный план [175]

Среди исследований по реконструкции архитектурных памятников, осуществленных Г.А. Пугаченковой, необходимо особо остановиться на ее работе в мечети Биби-ханым в Самарканде.

Соборной мечети Темура, широко известной под наименованием мечети Биби-ханым, памятнику уже давно непоправимо разрушенному, было посвящено значительное число публикаций. Краткие описания мечети и содержание некоторых связанных с нею преданий, зарисовки памятника содержатся в публикациях участников посольства Бутенева в 1841 г. востоковедов Н.В. Ханыкова и натуралиста А.И. Лемана.

С 1895 г. в Самарканде начиналась работа по архитектурнографической фиксации мавзолея Гур-Эмир, комплекса Шахи-Зинда и мечети Биби-ханым. По мечети был снят план, а СМ. Дудиным выполнены фотографии. С этого же года архитектором-художником Н.Н. Щербина-Крамаренко проводятся раскопки и детальная графическая фиксация мечети. В результате осуществленных им

архитектурно-исследовательских работ появляется предварительная публикация, включающая общее описание, ряд интересных конструктивных наблюдений, зарисовки и схематическую реконструкцию плана [176].

Историко-архитектурное изучение памятника в 20-30-х гг. XX в. проходили в основном по линии графической фиксации здания. Новый обмер плана мечети был выполнен в 1921 г. топографом А.П. Удаленковым. Подлинный сдвиг в историко-архитектурном изучении мечети был дан архитектором Ш.Е. Ратия. Им была проведена детальная археологоархитектурная фиксация здания, отчасти восстановившая былые, утраченные обмеры Н.Н. Щербина-Крамаренко [177]. После этих работ казалось, что дальнейшее историко-архитектурное изучение мечети могло бы внести лишь частичные добавления - не больше. Однако знакомство с проделанной им реконструкцией общего вида памятника вызвало у Г.А. Пугаченковой ряд принципиальных возражений. В 1944-1945 г. она во время работы в качестве научного консультанта по кинофильму "Памятники архитектуры Узбекистана", в который предполагалось включить макет реконструкций мечети Биби-ханым, занимаясь специально вопросами темуридского зодчества и анализируя предложенную Ш.Е. Ратией реконструктивную перспективу, пришла к заключению, что ряд предложенных им элементов очень спорен, а общее решение башенных форм принципиально не соответствует эпохе Темура, что схема объемной реконструкции должна быть пересмотрена и решена несколько иначе. Реконструкция плана мечети Биби-ханым, впервые предложенная Н.Н. Щербина-Крамаренко, производившим, помимо обмеров, вскрытие некоторых участков местоположения арочных галерей, содержавших 342 колонны, не соответствует ни данным Хафизы Абру, который указывал, что в мечети было 400 мраморных колонн из цельного

камня, ни Шарафиддина, называющего цифру 480 колонн. Сравнив эти данные, Г.А. Пугаченкова отмечает, что если прибавить отмеченные им настенные пилястры числом 124, намечается более близкое количество - 468. Реконструкция мечети Бибиханым была также осуществлена Шуберт-фон-Зольдерном, исходя из распространённого в европейской литературе заблуждения, будто руинами мечети являются остатки медресе Сарай-Мульк-ханым, в виде некоего идеального плана медресе на 64 хуждры с купольными постройками на главных осях. Также необходимо упомянуть реконструкцию мечети, осуществленную Ю. Смоликом, согласно которой конфигурация двора невероятно вытянута и не соответствует натуре. Существенные коррективы в реконструкцию плана ввели исследования Ш.Е. Ратии. Ему удалось установить, что участки галереи вправо и влево от главного здания заключали не по два широких и одному узкому арочному пролету (как в плане Н.Н. Щербина-Крамаренко), но по два широких и по два узких. Таким образом, с той и другой стороны прибавилось в плане по два девятикупольных нефа, а общее число колонн почти абсолютно точно совпадает с данными восточных историков [178].

Г.А. Пугаченковой были введены некоторые дальнейшие важные коррективы в реконструкцию Ш.Е. Ратии, в т.ч. введен ряд новых замеров. В 1944 г. кинооператор С. Лебедев, выбрав во время киносъемки памятника строго фронтальную точку по центру пештака, обращает внимание Г.А. Пугаченковой на то, что айван главного здания относительно него как бы сдвинут. Проведенный ею с помощью угломерного инструмента обмер установил, что главная ось двора примерно на 2 градуса отклонена от направления оси пештака, поэтому середина прохода последнего почти на 2 м сдвинута относительно середины арки щипцовой стены айвана большой мечети.

Также и предложение Ш.Е. Ратии о бассейне в центре двора мечети были опровергнуты Г.А. Пугаченковой в результате изучения письменных источников и археологических работ.

Г.А.Пугаченкова при реконструкции мечети Биби-ханым обращает особое внимание на архитектурную тему ревака. Эта тема в среднеазиатском строительстве глубоко традиционна, восходя к венчающим аркатурам раннефеодальных укрепленных замков-кешков и карликовым галереям мавзолея Саманидов в Бухаре (IX в.), мавзолея Султана Санджара в Мерве (XII в.). В темуридском строительстве ревак, как выясняется, был очень распространён мотив завершения пештака. Г.А. Пугаченкова приводит по этому поводу много доказательств письменных источников, на основании которых она считала, что при реконструкции пештака мечети Биби-ханым выше поля надписи над тимпаном арки следует расположить ажурную галерею "ревак".

В реконструкции Ш.Е. Ратии угловые башни айвана выше уровня карниза портала несут открытый граненый фонарь на сталактитовом венце. Точно такой же, но круглый завершающий фонарь он придаёт и угловым минаретам мечети. По мнению Г.А. Пугаченковой, мечеть в Султании послужила тем образцом, который лег в основу объемной композиции фасадов грандиознейших сооружений Темура, воздвигнутых им лишь после походов на запад, это - дворец Аксарай и фамильная усыпальница ДорусСиадат в Шахрисабзе, мавзолей Ходжа-Ахмада Яссави в Туркестане, соборная мечеть в Самарканде. Композиция портала султаньейской мечети почти идентична шахрисабзскому дворцу: мощные круглые башни на восьмиугольном базисе, жгут во внешнем и граненые колонки во внутреннем контуре порталной арки, ниши в щековых стенках, общие приёмы распределения орнаментов в них столь

однотипны, что в этом, очевидно, не просто формальное совпадение идей, но может быть прямое задание всесильного строителя [179].

Г.А. Пугаченкова в реконструкции минаретов мечети Биби-ханым также удачно использует материалы миниатюр. Мечеть Мекки, изображенная на миниатюре из рукописи "Хамсэ" Низами 1421 г., находит структурную аналогию минаретам мечети Биби-ханым. Но Г.А. Пугаченкова предполагает конструкцию минаретов не в два, а в три звена, сопоставляя пропорции слабо утончающегося цилиндрического ствола с минаретами Гератской Мусалля [180].

По поводу завершения порталных башен входного пештака и главного айвана двора мечети Биби-ханым, а также её угловых минаретов, которые Ш.Е. Ратия венчал сквозными арочными фонарями, Г.А. Пугаченкова считает, что завершением минаретов мечети Биби-ханым, был не кирпичный фонарь, а возвышавшееся над гульдастой второе звено ствола. Это мнение было подтверждено миниатюрами из рукописи "Фатх-наме", хранящейся в Институте востоковедения Академии наук Узбекистана.

В подробной реконструкции мечети, предложенной Г.А. Пугаченковой, характерно оформление её внешних, ныне исчезнувших, глухих стен. Их украшал динамический зигзагообразный орнамент, выложенный поливным кирпичом. Г.А. Пугаченкова вводит также частное уточнение в оформление стен галереи двора: над тимпанами узких арочек галерей, по её мнению, было прямоугольное поле с мозаичной надписью. К этому мнению она пришла в результате сопоставления с аналогичными методами разбивки поверхности стен иных темуридских памятников, при этом она обращает внимание на миниатюру Бехзада, где смежная айвану арочка галереи оформлена таким

образом. По мнению Ш.Е. Ратии, в компоновке всего ансамбля должны были быть следующие решения плана: оси медресе, в соответствии с осями мавзолея, были ориентированы под углом к мечети, а мавзолей лежал на поперечной оси медресе, выходя своим порталом во двор [181].

Корректируя эти вопросы, Г.А. Пугаченкова считает, что планировочное решение этого сооружения было несколько иным. По её представлению, оси двора медресе соответствовали осям мечети. Чтобы органически вкомпоновать здание мавзолея, ориентированного с севера на юг, ему придали снаружи восьмигранную форму. Дабы не задерживать обряда погребения, мавзолей был отстроен в первую очередь, в силу чего кладка стен его осталась без перевязки со стенами медресе. Таким образом, мавзолей оказался включенным в южный угол двора с отклонением примерно 45° . Такого рода срезанные углы с арочными проходами она привела на примере ряда бухарских медресе XVI-XVII вв. (Мири-Араб, Абдул-Азиз-хана и др.) По её предположению, мечеть Бибиханым имела конфигурацию, вытянутую по поперечной, а не по продольной оси, как это представлял Ш. Ратия. Таковы коррективы и новые предложения, приведенные Г.А. Пугаченковой в реконструкции мечети Биби-ханым.

Среди графических реконструкций, осуществленных Г.А. Пугаченковой, особое значение имеет реконструкция обсерватории Улугбека - уникального сооружения мировой архитектуры. В своей основе это, прежде всего, огромный комплексный астрономический инструмент. По поводу планировочной организации и объемной композиции обсерватории Улугбека исследователями неоднократно высказывались различные предположения. Одна из реконструкций этого памятника была осуществлена

В.Н. Миловановым. На основе полученных наблюдений он впервые предложил схематическую реконструкцию обсерватории Улугбека,

которая, по его мнению, представляла собой сочетание невысокого горизонтального круга, служившего для определения азимутов светил, и частью возвышавшегося над ним, а частью уходившего в глубь скалы меридионального астрономического инструмента-квадранта [182]. В. Нильсен и Б. Засыпкин предложили другой проект реконструкции, в виде массивного цилиндра, заключавшего внутри дуги секстанта и три одинаковых по планировке этажа разноплановых помещений. Глухая поверхность цилиндра стен, разработана тридцатью двумя настенными арочками в три яруса (по Б. Засыпкину) [183] или только в двух верхних этажах (по В.А. Нильсену)[184]. По реконструкции Г.Д. Джалалова, обсерватория представляла собой круглый дворик с секстантом фахри на главной оси и полукружием огромных солнечных часов на поперечной. В образованных между этими высокими сооружениями и круглой оградой секторах располагались, по его мнению, водруженные на прочных фундаментах в закрытых павильонах различные астрономические инструменты, хранились карты, глобусы, и тому подобное [185].

Дискуссия по поводу реконструкции обсерватории долго оставалась не завершенной. Это побудило Г.А. Пугаченкову осуществить дальнейшие исследования на этом памятнике и в 1964 г. был обоснован иной принцип реконструкции архитектурной композиции обсерватории Улугбека. В качестве предпосылки были приняты следующие исходные положения:

- 1) документальность данных археологических вскрытий, которые выявили остатки фундамента и ряд архитектурных деталей;
- 2) функциональность здания, служившего чисто астрономическим, а не архитектурно-художественным целям;

3) правомерность привлечения аналогий из более поздней практики восточной астрономии, особенно индийских обсерваторий, возникших не без влияния самаркандских традиций. На этой основе обсерватория Улугбека ею была восстановлена в следующем виде. На оси "север-юг" располагался секстант фахри, служивший для наблюдений за Солнцем и Луной. Секстант был огражден кирпичной стеной, наполовину уходил в грунт и возвышался с южной стороны. Перпендикулярно к нему высились огромные четвертные дуги "итидал" с нанесенными на них делениями. "Итидал" служил солнечными часами, и, кроме того, использовался для определения восхода и захода других светил. В четвертных участках цилиндра на первом этаже размещались различные помещения - крестовидного, продолговатого, сегментовидного плана. В двух верхних этажах здания эти четверти были открыты сверху и являлись огромной астролябией - "устувани", предназначенной для определения азимутов и восхождения планет и звезд. Указанной цели служили градуированный пол и два яруса соответствующих по разбивке арок и простенков также с градусными делениями на них. Высокую точность всех исчислений, обеспечивали крупные размеры самого сооружения и исключительная точность всех его членений [186].

Среди реконструкций особенно выделяется предложенная М.С. Булатовым. По его мнению "Обсерваторию следует возводить на возвышенном месте, с тем, чтобы условия для наблюдения всех сторон горизонта были достаточно хороши. Здание нужно спроектировать в виде цилиндрического объема с размещением на плоской крыше азимутального круга, а внутри здания угломерного стационарного инструмента - стенного меридианного квадранта. Дуги квадранта подлежат градуированию. Квадрант необходимо оборудовать кареткой с

визуальными устройствами, она должна двигаться на колесах по бронзовым рельсам с помощью блоков и ворота". Проектное положение М.С. Булатова по воссозданию обсерватории Улугбека на остатках её фундамента и научные обоснования её реконструкции обсуждались наряду с проектами Н. Засыпки на, Нильсена и

Г.А. Пугаченковой в первой половине 1980-годов в Москве на заседаниях секций истории астрономии Советского национального объединения истории и философии естествознания и техники, объединённого общемосковского семинара по истории астрономии, семинара Астрономического совета АН СССР и в Ташкенте на расширенном ученом совете Астрономического института АН РУз ССР. Археoaстрономическая экспертиза, организованная ИИЕТ АН СССР, и Астрономический совет в сентябре 1985 г. отдали предпочтение проекту М.С. Булатова [187]. Французский Ученый Ж.Ф. Уде в докладе, представленном в 1994 г. на международную конференцию, посвященную 600-летию со дня рождения Улугбека, проходившую в Ташкенте-Самарканде, предложил свой проект реконструкции Самаркандской обсерватории. Каждый из названных проектов реконструкции Самаркандской обсерватории внес в процессе дискуссии что-то свое в его разработку.

Как следует из вышесказанного, Г.А. Пугаченкова в своих исследованиях глубоко и всесторонне изучала каждую проблему, основываясь при этом на анализе всего комплекса источников, в том числе и письменных. Это обеспечивало успех её разработкам.

В заключение следует сказать, что Г.А. Пугаченкова опиралась в осуществлении графических реконструкций преимущественно на археологические методы исследования, также она широко применяла письменные источники и миниатюры. Благодаря исследованиям Г.А. Пугаченковой была восстановлена картина развития архитектуры целых эпох, внесены обоснованные уточнения в проблемные, спорные стороны истории архитектуры Средней Азии, в том числе Узбекистана. Был открыт и введен в научный оборот ряд памятников мирового значения.

2. 3. Освещение проблемы изобразительных и прикладных искусств Узбекистана в трудах Г.А. Пугаченковой

В научных исследованиях Г.А. Пугаченковой особое место занимает проблема художественной культуры. Одной из магистральных проблем Узбекстанской искусствоведческой экспедиции, возглавляемой ею, стало изучение античной художественной культуры Средней Азии. Особый акцент при этом был сделан на культуру Бактрии - область скрещения коренных бактрийских традиций, а также эллинистических и индийских культурных взаимодействий. Выявленные в результате работ экспедиции памятники искусства были проанализированы Г.А. Пугаченковой с точки зрения искусствоведения и введены в научный оборот.

Исследуя бактрийское искусство, она приходит к выводу, что общие идейно-творческие установки и историко-культурные взаимосвязи художественной культуры Бактрии особенно наглядно отражены в скульптуре. Это - памятники светского и культового характера в интерьерах дворцов и храмов, произведения, предназначенные лишь для избранных, а также изделия, бытовавшие в широкой народной среде, круглая скульптура и барельеф, монументальные композиции и мелкая терракота [188]. Изучение Г.А. Пугаченковой памятников скульптуры, также как и настенной живописи и изделий прикладных искусств пополняет наше представление о древнем и средневековом искусстве Узбекистана. Начиная с 40-х гг. XX в., и особенно в 50-е и 60-е гг. ею издан ряд значительных публикаций, посвященных изобразительному искусству Средней Азии. Как результат многолетних исследований в сфере искусствоведения в 1979 г. была издана книга "Искусство Бактрии эпохи кушан", в которой дано целостное рассмотрение путем анализа ведущих тем и художественных образов всех видов произведений

изобразительного и декоративно-прикладного искусства, полученных при археологических работах УзИскЭ. Ведущими факторами в формировании искусства античной Бактрии Г.А. Пугаченкова считает следующие:

- старобактрийские, и шире - староиранские (ахеменидские) традиции;
- эллинистическое влияние;

- скифский элемент; новобактрийские творческие тенденции, наиболее ярко

определившиеся в эпоху кушан;

- творческие контакты с сопредельными загиндукушскими областями, с Пенджабом и Восточной Парфией.

Рассматривая искусствоведческие исследования Г.А. Пугаченковой, следует обратить внимание на разработанную ею методику анализа памятников Древней Бактрии.

При изучении скульптуры периода кушан особое место занимают находки, обнаруженные в ходе раскопок на Халчаяне и Дальверзинтепа. Скульптура периода первых кушан, входившая в оформление дворцовых и храмовых зданий целыми пластическими циклами, а также настенная живопись, хотя лишь фрагментарно выявленная раскопками УзИскЭ, обрисовывает основные черты и эволюцию стиля данного вида искусства [189]. В скульптуре Бактрии, как отмечает Г.А. Пугаченкова, в большей мере, чем в архитектуре, запечатлены воздействия эллинизма, хотя роль её и не была определяющей. Исследовав эллинистические воздействия в искусстве Бактрии, она выделяет основные этапы:

- первая ступень воздействия - обращение к образам греческого ваяния, выражающим эллинский художественный идеал, и их прямая имитация;

- следующая ступень - критическое освоение и преломление высоких достижений эллинистической художественной культуры на местной идейно-образной основе;

- третья ступень, по мнению Г.А. Пугаченковой, включение эллинистического элемента в глубинный пласт среднеазиатско-индийского художественного творчества [190].

Раскопки УзИскЭ на Дальверзинтепа дали немало открытий в области художественной культуры, в том числе скульптуры. Найденные скульптуры в святилищах Дт-1, Дт-7 и Дт-9 вызывают особый интерес. Г.А. Пугаченкова, проанализировав эти скульптуры и их расположение в интерьерах храмов, отмечает, что единообразия в них не было. В зависимости от архитектоники интерьера, его пространственной глубины, высоты стен, условий обозрения и, наконец, содержания самих скульптур и горельефов избирался тот или иной принцип их размещения [191].

Анализируя бактрийскую скульптуру, исследователь показывает и степень влияния эллинизма, при этом особое внимание обращает на образы и тематику скульптур. Она отмечает, что одной из существенных привнесенных эллинизмом черт явился повышенный интерес к человеческой личности. Одно очень важное обстоятельство дает ключ к расшифровке не только сюжетов, но и идейного содержания халчаянской скульптуры, исследованной Г.А. Пугаченковой. Она отмечает, что главными действующими лицами здесь являются представители единой родоплеменной группы с ярко выраженными признаками этнической

общности. У всех мужских персонажей этой группы характерная кольцевая деформация черепа, достигающаяся, очевидно, тем, что голова младенца перетягивалась широкой повязкой или лентой над уровнем надбровных костей. Отсюда - уплощенный затылок и сдавленность лба при резко выступающих надбровьях и тяжёлое утолщение над переносицей, что придает всему облику суровость, порой граничащую со свирепостью. Характерны небольшие черные усы, повторяющие изгиб губы, бакенбарды вдоль щек, волосы, остриженные ровным кружком ниже ушей и приподнятые надо лбом белым начельным ремнем. При анализе этих находок Г.А. Пугаченкова обращается ко многим источникам. Ею был проведен сравнительный анализ с изображениями на монетах, найденных в

Северной Бактрии. На монетах одной из кушанских серий представлен венчаемый летящей Никой всадник и содержится легенда, начертанная несколько искаженными греческими буквами, в которой упомянут правитель Герая. На лицевой стороне монет Герая передан профиль царя, во всех главных деталях сходный с типом основных халчаянских скульптур: сдавленный у середины и с выступом над переносицей лоб, правильный нос, подстриженные усы, бакенбарды, волосы, подровненные в кружок и подхваченные узкой лентой, завязанной на затылке. На этом основании Г.А. Пугаченкова приходит к выводу, что халчаянская скульптура служит прославлению рода Герая [192]. Исходя из этих данных,

датировка дворца Халчаяна была определена началом нашей эры.

В результате анализа изображений и тематики декора Халчаяна Г.А. Пугаченкова приходит к выводу, что содержанием главных скульптурных композиций халчаянского дворца является прославление рода Кушан, положившего, по ее мнению, начало новой династии, и утверждение её прав на престол [193]. При изучении Г.А. Пугаченковой скульптурного цикла халчаянского декора получен ценный материал к характеристике раннекушанских костюмов, распространенных в Северной Бактрии на

рубеже нашей эры. По ее описанию, типичным одеянием персонажей является рубаха или кафтан, просторные, драпирующиеся шаровары, стянутые у лодыжек, облегаящая обувь. Кафтан и рубаха из плотной, но мягкой ткани драпируются свободными пластичными складками и перехвачены в талии поясом, по длине они прикрывают бедра.

Исследуя скульптуру Халчаяна, Г.А. Пугаченкова выявляет разнообразие ее тематики. В халчаянской скульптуре, как показали результаты раскопок УзИскЭ, четко прослеживается "дионисийская тема", ареал которой в изобразительном искусстве очень широк и охватывает огромные территории Ирана, афгано-индийской области, Средней Азии и Восточного Туркестана [194]. Тема дионисизма также присуща скульптуре Дальверзинтепа. Обследовав пластические изображения разнообразных по облику вакхических персонажей и музыкантш на фризе халчаянского дворца, матрицы-калыбы и статуэтки с образами козлоухого певца, лютнистки и арфистки из Дальверзинтепа - Г.А. Пугаченкова всех их связывает с народными празднествами и процессиями, в которых участвовали ряженые, звучала музыка, пелись песни. Учитывая роль виноградарства и виноделия, она полагает, что такие "дионисии" проходили осенью, по окончании полевых работ, когда были полны и закрома с урожаем, и хумханы запасами молодого вина [195].

В исследованиях Г.А. Пугаченковой изобразительного искусства особое место занимает живопись. В результате археологических раскопок на Халчаяне и Дальверзинтепа была выявлена настенная живопись, ранее известная в Северной Бактрии в основном во фрагментах. Открытие новых находок в Дальверзинтепа и их научная интерпретация, данная Г.А. Пугаченковой восполняет представления о живописном искусстве древней Бактрии.

В исключительно разнообразных образах и сюжетах живописи античной Бактрии сосуществует светская и культовая мифологическая тематика, отражающая черты господствующей идеологии и пестроту местных верований и обрядов. Они датируются I—II вв. При раскопках Дальверзинтепа Дт-5 найдены два фрагмента настенной живописи, на одном из них сохранилось изображение тяжеловооруженного катафрактария, восседающего на закованном в панцирную броню коне.

Своеобразны по сюжету и составу фигур росписи в молельне небольшого храма под шифром Дт-7 на северной окраине нижнего города. В узком помещении находилась статуя Великой бактрийской богини, а рядом на стенах живопись. По дошедшим фрагментам росписи Г.А. Пугаченкова считает, что композиция развешивалась в виде панно, обрамленного изящным орнаментальным бордюром из пальметт и удлиненных лепестков. В представленной сцене присутствовало семь персонажей, из них два женских, один мужской и четыре детских. Они распределялись, по реконструкции Г.А. Пугаченковой, следующим образом: справа изображение сидящей женской фигуры, одетой в приталенное платье с вырезом на груди. Вокруг головы нимб. Локтем правой руки, закинутой за спину, она опирается на стенку трона в виде крыла птицы, левая рука, вероятно, протянута к остальной группе. Сохранились сложенный большой, безымянный, мизинец и поднятый указательный пальцы. Судя по оставшейся части лица, Г.А. Пугаченкова предполагает, что оно было повернуто вправо, в противоположную от других персонажей сторону. Г.А. Пугаченкова подчеркивала, что это богиня, поскольку у других фигур нимба нет. Слева от нее - изображение другой женской фигуры, по её мнению жрицы, от которой осталась голова и обе руки. На плече у жрицы запеленатый черноволосый младенец в

остроконечном колпачке, который она придерживает ладонью обнажённой руки, увитой у запястья браслетом в виде змейки.

Сюжет этой сцены уникален и не имеет аналогов в памятниках настенной живописи синхронного и близкого времени на территории не только Средней Азии, но всего Среднего Востока. По поводу семантики этой живописи существуют разные версии. Л.И. Ремпель предполагал, что в сюжете, возможно, отражен эпизод из греческой мифологии, связанный с безумием Геракла, уничтожившего своих детей. По мнению

Г.А. Пугаченковой, семантика представленной композиции связана спочитанием "великой богини Ордохшо, покровительницы домашнего очага, благоденствия и благодати", а само здание она трактует как жилой дом, в котором центральная часть выполняла функции домашней молельни [196]. По предположению Э.В. Ртвеладзе, в живописи представлена богиня Нана, а само здание он трактует как храм богини Нана. К такому предположению он пришел, сопоставив монетные находки, на которых изображена богиня

Нана [197].

При изучении кушанской художественной культуры ученые в большинстве случаев считали, что это часть искусства Индии. Г.А. Пугаченкова приходит к принципиально новым выводам, а именно, что истоки кушанской культуры следует искать прежде всего в Бактрии, на землях древней местной культуры и начального закрепления кушан [198]

Эстетические тенденции кушанской Бактрии, как считает Г.А. Пугаченкова, особенно наглядно отражены в скульптуре. Она предстает в памятниках разных категорий - светской и культовой, народной и аристократической, в произведениях круглой пластики и в

барельефе, в монументальных скульптурных композициях и мелких терракотах. Наиболее распространенным видом произведений изобразительного искусства античной Средней Азии являются изделия коропластики-терракоты, что было связано с различными культами древних религий Среднего Востока, суевериями и пережитками, примитивной магией. В процессе работ на Дальверзинтепа во главе с Г.А. Пугаченковой было найдено большое количество терракотовых статуэток антропоморфного и зооморфного характера, которые были изучены и проанализированы Г.А.

Пугаченковой. По технологическим приемам она выделяет следующие типы терракот: а) штампованные матрицами с подправкой ножом или стеклой тыльной и боковых сторон; б) лепные. Классифицирует по позам (стоящие или сидящие), а также по типам и вариантам [199].

В результате раскопок на Дальверзинтепа найдены в большом количестве женские статуэтки, большинство которых Г.А. Пугаченкова интерпретирует как изображения великой бактрийской богини. Терракотовые находки также были найдены на других археологических пунктах, в том числе в кушанских городищах Шурчинского района, Культепа, Ялангтуштепа, Халчаяне и ряде других памятников. Среди Дальверзинских терракот имеются статуэтки мужчин, среди них статуэтки всадников, найденные в слоях Дт-5, Дт-6, которые датируются III-IV вв.

Среди терракотовых статуэток, найденных на Дальверзинтепа, статуэтки животных - козлы, бараны, лошади и др., датированные I-II вв. н.э. Проанализировав дальверзинские терракоты, Г.А. Пугаченкова отмечала, что они несут черты локальной художественной школы, впитавшей в себя преимущественно чисто местные традиции изобразительного искусства, наряду с уже усвоенным и переработанным

влиянием эллинизма. Терракотовые находки Дальверзинтепа дают представления не только о культах в изобразительном искусстве, но и о музыкальной культуре народов Средней Азии. Среди фигур музыкантов изображения женщин с разными музыкальными инструментами - лютня, арфа и др. Особенно интересны терракотовые фигурки женщин с арфой. Проанализировав виды арф, изображенных на терракотах, Г.А. Пугаченкова пришла к выводу, что в кушанскую эпоху в Средней Азии широкое распространение имела угловая арфа двух разновидностей - с прямым резонатором, и с изогнутым [200]. Рассматривая изображения музыкантов и музыкальных инструментов в аспекте становления художественного стиля античной Бактрии, Г.А. Пугаченкова отмечает, что в нем просматриваются глубокие автохтонные корни.

Сопоставляя дальверзинских музыкантов с музыкантами Айртамского фриза, Г.А. Пугаченкова выявляет несколько отличительных черт между ними. Причины весьма длительного и устойчивого бытования угловой арфы в Средней Азии, по ее мнению, в удобстве для исполнительства [201].

Среди дальверзинских терракот заслуживает внимания необычайный калыб, который датируется I-II в.н.э. Оттиск воспроизводит фигурку сатира.

Крупная голова с характерными козлиными ушами была определена Г.А. Пугаченковой как типичный персонаж вакхических празднеств.

Среди дальверзинских терракот есть небольшая печать, в виде не очень аккуратно вылепленного вручную конуса с проушиной наверху и изображением богини на животном. Несмотря на нечеткое изображение, она вызывала ряд ассоциаций. Образ богини на льве, льве-грифоне или ином полиморфном фантастическом звере известен в раннесредневековой

торевтике Средней Азии. Ранее исследователи считали, что образ богини, восседающей на животном, восходит к VII-VIII вв. Г.А. Пугаченкова, исследовав образ богини, изображенной на терракотах, сопоставляя их с монетными находками, относит его к гораздо древнему периоду. На чеканке Хувишки и Канишки III изображена богиня, сидящая на льве, а рядом написано её имя - Нана. Г.А. Пугаченкова приходит к выводу, что на печати из Дальверзинтепа представлена Нана в одной из её изобразительных версий [202].

О роли Наны среди исследователей существуют различные мнения. Ряд исследователей идентифицировали Нану с Анахитой. По мнению К.В. Тревер, Нана и Ардохшо кушанских монет - это раздвоение единого некогда образа Ардвисуры Анахиты "Авесты". По мнению Г. А. Пугаченковой, по существу убедительных доказательств для отождествления Наны и Анахиты пока нет [203].

Особо выделяет Г.А. Пугаченкова в кушанской Бактрии терракотовые культовые подставки, украшенные лепными фигурками людей [204]. Анализируя и сопоставляя эти подставки, она отмечает, что скульптурные подставки из Халчаяна странным образом перекликаются с терракотовыми скульптурными предметами Кипра VII-V вв. до н.э., где на общей подставке

вокруг центрального фигурного стержня представлены схематически вылепленные мужские статуэтки, относящиеся ко II в. до н.э. - I в. н.э. статуэтки всадников. Г.А. Пугаченкова считает, что тема всадника связана с активным включением сако-юэчжийского элемента в исторические судьбы Среднего Востока [205].

Среди терракотовых находок особое место занимают фигурки из Халчаяна. В частности, миниатюрная подвеска в виде женской статуэтки.

По поводу ее Г.А. Пугаченкова отмечает, что она близка к терракотовой статуэтке из Таксилы, найденной в сако-парфянских слоях городища Сиркап [206]. Она находит аналоги этой статуэтки в многочисленных изделиях резной кости из Беграма, изображающих обнаженных женщин. Появление в Беграме этих изделий связывается с Индией. Существенная особенность Халчаянской статуэтки в том, что она сохраняет каноническую неподвижность позы, в то время как всей индийской скульптуре присущи мягкие повороты тела, пластическая концентрация опоры на одной ноге с изгибом бедра.

В кушанской бактрии Г.А. Пугаченкова выделяет также группу терракотовых медальонов. На одном из них изображен правитель с фигурой Ники. Образ её связан с каноническим изображением богини победы в эллинистическо-римском искусстве. Ника получает большую популярность в эллинизированных странах Востока, где образ богини Победы особенно импонировал воображению восточных владык, чья военная сила обеспечивала мощь государства, купленную ценой жестоких войн и нелегких побед [207].

Кроме найденных на Халчаяне изображений Ники, был обнаружен фрагмент терракотовой статуэтки Ники и на городище Зартепа, опубликованный Л.И. Альбаумом. Иконография Ники в период Великих Кушан, где господствовал цикл авестийских, реже индуистских божеств, согласно Г.А. Пугаченковой, сливается с образом местной богини Хванинды, представленной обычно не парящей, а стоящей [208].

Ника на медальоне с восседающим на троне чаганианским правителем, близка именно к разработанному эллинистическим искусством художественному образу парящей богини Победы, как и в чекане Герая, но претерпевшему существенные изменения на

последующем этапе развития кушанского искусства. Датировка этого медальона соотносится с монетными находками Васудевы (около 200 г.) I-II вв [209].

Назначение терракотового медальона из Халчаяна не ясно, такие предметы исследователи именуют туалетными дисками, но, по

Г.А. Пугаченковой, этот медальон изготовлялся в виде вставки - инкрустации в какое-то гнездо, оформляя киот, парадную мебель или ларец [210].

Среди интереснейших терракотовых находок особого внимания заслуживает терракотовая плитка, найденная УзИскЭ на городище Дальверзинтепа. В невысоком рельефе оттиснута расположенная в нише фигура в ромбовидном шлеме, панцирном доспехе, с трезубцем в руке, а также крупная звериная личина и обращенный вправо полосатый зверь. Исходя из поздней даты и основываясь на аналогии с согдийскими плитками сходного типа с Афрасиаба и Пянджикента (У1-УП вв.), на которых представлен стоящей под треугольной аркой воин в панцире, фигура на дальверзинской плитке была соотнесена с ними и трактовалась

Г.А. Пугаченковой как образ "божественного витязя" [211].

В заключение раздела можно сказать, что исследование Г.А. Пугаченковой проблем изобразительного искусства древнего периода во многом расширяют представления о культах и о развитии изобразительного и художественного искусства древней Бактрии и Согда.

ГЛАВА 3. ИССЛЕДОВАНИЯ Г.А.ПУГАЧЕНКОВОЙ ПО ПРОБЛЕМАМ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

3.1. Изучение истории керамического производства

Среди различных видов материальной культуры особое место в археологическом аспекте занимает керамика, которая, как известно, зачастую определяет целые археологические культуры, а как наиболее массовый в быту и наиболее обильный в археологических сборах материал, она характеризует уровень производства, хронологические этапы её видоизменений, особенности технологии, форм и оформления сосудов, уточняет датировку стратиграфических горизонтов. В силу этого УзИскЭ уделяла особое внимание изучению керамического производства античной Бактрии, закладывая несколько раскопов на ряде памятников Сурхандарьи. В частности, на Дальверзинтепа был открыт и раскопан квартал керамистов, где вскрыты печи, мастерские и получена керамика из производственных отвалов. На основе керамического материала, полученного из раскопок в Халчаяне, Айртаме, Шортепа, а особенно Дальверзинтепа Г.А. Пугаченкова разработала типологию и хронологию керамики, выделила ведущие формы, их эволюцию, а также варианты, присущие отдельным районам Сурхандарьи. С её точки зрения, при характеристике античной керамики среднеазиатских городищ главное - это выделение основных форм керамики и вариантов, присущих конкретному региону в тот или иной период.

Керамику Дальверзинтепа Г.А. Пугаченкова подразделяет на несколько хронологических групп, основываясь на следующих факторах:

а) стратиграфическое залегание той или иной керамической группы, и ее соотношение с хронологией археологических слоев и с уточненной датировкой этих слоев, обоснованной общими комплексами находок;

б) привлечение сравнительного материала с других городищ всего бактрийского региона. Исследуя керамику античного периода, Г.А. Пугаченкова обращает особое внимание на искусство бактрийских керамистов и отмечает, что оно определяется прежде всего стремлением к выявлению формы, простотой и высоким качеством материала - глиняного черепка и его внешнего покрытия; лишь изредка на сосуды наносилась несложная орнаментация [212]. Г.А. Пугаченкова дальверзинскую керамику сопоставляет с керамикой Ай-Ханум и отмечает, что как для грекобактрийской керамики из Ай-Ханум, так и для нижних слоев Дальверзинтепа характерен тонкий, преимущественно ярко-розовый или желтоватый черепок, такого же оттенка, но с более светлым ангобом, изредка лощение. Ведущие формы - невысокие чаши-фиалы, плавного профиля с загибом внутрь или же с оттянутой наружу закраиной.

Античную керамику Бактрии Г.А. Пугаченкова подразделяет на четыре основных хронологических этапа, отмечая в ней последовательную эволюцию посудных форм и их внешнюю фактуру: 1) керамика периода Дальверзин I (греко-бактрийский комплекс, III—II вв. до н.э.; 2) керамика периода Дальверзин II (юэчжийско-кушанский комплекс - конец II в. до н.э. I в.н.э.); 3) керамика периода Дальверзин III (кушано-бактрийский комплекс конец I-II вв.н.); 4) позднекушанский или кушано-сасанидский комплекс (III-IV вв.).

В результате изучения и анализа керамики античного периода Дальверзинтепа осуществлена или несколько уточнена датировка бактрийской керамики периода античности. Например, М.М. Дьяконов датировал керамику Кобадиян II греко-бактрийским временем [213] (III-II вв. до н.э.). Г.А. Пугаченкова, сопоставляя керамику Дальверзинтепа II с керамикой Кобадиян II, отмечает близость этих комплексов, и предлагает датировать керамику Кобадиян II также, как керамику Дальверзинтепа II - II-I вв. до н.э. В своих исследованиях Г.А. Пугаченкова не ограничивалась изучением античной керамики Бактрии, она обращает должное внимание и на керамику Согда. Как отмечалось, в древнем Согде отрядом УзИскЭ под руководством Г.А. Пугаченковой было обнаружено более ста археологических памятников, и на многих из них проводились стационарные археологические исследования. В исследованиях на Мианкале на основе обнаруженного богатого археологического материала изучалась история развития гончарного ремесла и его периодизация. Керамические находки Катта-Кумышкента занимали особое место в хронологии керамики древнего Согда. Как известно, периодизация керамики древнего Согда была осуществлена на Афрасиабе. Г.А. Пугаченковой было предложено внести поправки в хронологию керамики Афрасиаба. Г.В. Шишкиной керамика Афрасиаба II отнесена за пределы IV в. до н.э. [214]. Предполагаемая близость форм Афрасиаба II к греческим изделиям была опровергнута Г.А. Пугаченковой. Она считает, что появление эллинизированной керамики в местной продукции в IV в. до н.э., непосредственно после македонского завоевания, вряд ли было возможным. Нет никаких данных о том, что греческие ремесленники осели в эту пору в Согдиане, где обучили бы согдийцев своей технологии и привили вкус к привычным для них формам сосудов. Согдийская керамика эллинизированного типа появились не под непосредственным

воздействием греческих керамистов, а через Бактрию, считает Г.А. Пугаченкова, где было основано немало греческих колоний, чьи мастера передавали бактрийцам свой опыт. Таким образом, она предлагает датировать керамику типа Афраеиаб II, а также Кумушкент II временем от III в. до н.э. до конца греко-бактрийского, т.е. до периода второй половины II в. до н.э.

Изучение керамики не ограничивается только античным периодом. Бактрийская керамика раннежелезного века (первая - вторая треть I тысячелетия до н.э.), полученная при раскопках Узбекистанской искусствоведческой экспедицией на городищах Кызылтепа, Кызылча. Бандыхан, Талашкан, позволяет делать интересные выводы о гончарстве этого времени. Установлено, что при переходе к эпохе эллинизма в корне меняется типология посуды. Исчезает цилиндрическая форма, появляются кубки и кувшины. Сравнивая керамику этих периодов, Г.А. Пугаченкова отметила, что если в VII-V вв. до н.э. господствовал красновато-розоватый черепок при светлоангобном покрытии, то в греко-бактрийском комплексе изменяется цвет того и другого, что указывает на изменения в самой гончарной технологии, едва ли не единственной формы, которая последовательно эволюционирует, перейдя из "сервиза" древнебактрийской посуды к античной, а затем на протяжении двух тысячелетий дожившими до наших дней, были чаши-фиалы [215].

При изучении Г.А. Пугаченковой керамики раннего средневековья, в том числе керамики Саганиана V-VI вв., ею выявлялись видоизменения в технологии. Вместо быстровращающегося круга используется круг медленного вращения. Черепок изделий - грубоватой отмучки, ангобы светлые, а красный почти позабыт, большое место принадлежит сосудам ручной лепки. Изменяются формы столовых и кухонно-тарных сосудов.

Г.А. Пугаченкова отмечает, что смена керамических традиций отражает не просто утрату секретов гончарного производства или влияния "моды", но и более глубокие процессы, вызванные причинами социального порядка, в их косвенном отражении на предметах материальной культуры; в первом случае переход от среднеазиатской архаики к среднеазиатской античности, во втором - от античности к раннему средневековью [216].

Г.А. Пугаченкова изучала керамику не только древней Бактрии и Согда, но и особое внимание уделяла керамике периода темуридов. Исследуя керамику средневековья, она отмечала, что объекты керамического производства, которыми обычно изобилуют археологические сборы и которые так богато представлены в музейных коллекциях, не всегда точно датированы даже по столетиям. Как пример, она приводит посуду так называемого "афрасиабского" типа, датирующуюся от VIII-IX вв. до XIII столетий. Типология керамики до 50-х гг. не была выделена четко [217]. Г.А. Пугаченкова подчеркивает, что подобная неопределенность существовала и в керамике периода темуридов. Проанализировав публикации, посвященные темуридской керамике, она отмечала, что даже у специалистов среднеазиатской художественной культуры характеристика керамики XV в. не выходит за пределы нескольких общих замечаний. Они описывали отличительные признаки керамики этого периода по-разному. Так, В.Л. Вяткин считал, что отличительный признак её - применение белого черепка, по которому употреблялась исключительно голубая, бирюзовая глазурь с применением в орнаменте черного цвета. М.И. Вязьмитина добавляет, что это сосуды с белым фоном и "синим, бирюзовым и темнокоричневым или черным, в большинстве случаев крупным орнаментом, размещенным на доньшке и по краям или по всей поверхности, образуя общую плоскостную

композицию". Б.П. Денике отмечал, что "поливная посуда эпохи Темура и темуридов характеризуется более реалистически трактованным листовым и цветочным орнаментом, преобладанием в расцветке тонов синего, голубого и черного, "а также, ссылаясь на чашу с воробьем среди ветвей из раскопок мавзолея Ходжа Ахмада в ансамбле Шахи-Зинда, констатировал наличие в орнаментации зооморфных элементов.

Углубленное изучение керамики XV столетия было начато И.А. Сухаревым. В статье, посвященной анализу двух блюд эпохи Улугбека, он выделяет для XV в. две керамические группы - с бирюзово-голубой поливой, иногда покрывающей тонко прорисованный черный орнамент, и керамику типа "кобальт". Эта работа была продолжена Г.А. Пугаченковой, материалом которой служили коллекции, накопленные при археологических работах, проведенных кафедрой археологии Средней Азии в Гур-Эмире, в стратиграфически определённых слоях конца XIV-XV вв. и коллекции Самаркандского музея, Государственного Эрмитажа и Музея Восточных культур. Г.А. Пугаченкова, проанализировав частные коллекции В.Л. Вяткина, М.В. Столярова, Б.Н. Кастальского отмечала, что они эффектны с экспозиционной точки зрения, однако научная ценность их значительно снижена в результате того, что они были не паспортированы, не уточнены не только стратиграфически, но и приблизительно по месту их обнаружения, или по комплексу сопровождавших их находок, который помог бы уточнить датировку. На основе вышеперечисленных коллекций и анализа керамики, обнаруженной в результате исследований в Гур-Эмире, Г.А. Пугаченкова отметила ряд особенностей керамики эпохи темуридов. Классифицируя материал по ко лору, она выделяет следующие группы:

1.Кобальт. 2.Черная краска под голубой глазурью - на кашине или на глиняном черепке. 3 .Темно-зелёная глазурь. 4.Роспись темно-зелёной по белому фону. 5.Введение в роспись по белому фону марганца.

Некоторые специалисты считали, что на орнамент керамики Средней Азии оказала большое влияние китайская продукция. Однако Г.А. Пугаченкова, опровергая эту точку зрения, вместе с тем учитывая культурные связи между Китаем и Средней Азии в эпоху темуридов, выдвигает такую гипотезу, что если на облицовку самаркандского павильона были выписаны китайские фарфоровые плитки, то не вправе ли мы ожидать и обратных воздействий. Для доказательства она приводит знаменитую фарфоровую Башню Нанкина, перестроенную и облицованную между 1403-1426 гг., у которой наружная поверхность была покрыта керамическими плитками. В керамическом убранстве данного памятника, по мнению

Г.А. Пугаченковой, было влияние Средней Азии, а именно – Самарканда [218].

Изучение Г.А. Пугаченковой керамики эпохи темуридов обогатило представления о художественной посуде данного периода и одновременно убедило в том, что среднеазиатская керамика, в том числе самаркандская оказала влияние и на керамику других регионов, даже таких, как Китай и Турция.

В заключение можно сказать, что Г.А. Пугаченковой были выявлены характер и типология керамики древних времен Согда и Бактрии. Она обосновала видоизменения в керамике при переходе от раннежелезного века к античности, далее к раннесредневековью, внесла уточнения в хронологию Согдийской и Бактрийской античной керамики. Г.А. Пугаченкова подробно изучила керамику эпохи темуридов, показав, что в

этот период был достигнут высокий уровень производства и возрос спрос на неё в других восточных странах.

3.2. Исследования в области нумизматики

В своих научных исследованиях Г.А. Пугаченкова особое внимание уделяла нумизматике. Обнаруженные в ходе раскопок монеты позволяют не только определить время основания данных памятников, но и свидетельствует о товарно-денежных отношениях и экономической жизни того периода, дают информацию о правителях, не упомянутых в письменных источниках. В процессе археологических работ УзИскЭ во главе с Г.А. Пугаченковой, а также сборов подъёмного материала на городище Дальверзинтепа за период с 1962-1976 г. было найдено более 100 древних монет. По династийным признакам монеты были распределены следующим образом: греко-бактрийские - 1 экз.; подражания грекобактрийским - 4 экз.; Кушанские - 88 (из них: Сотер Мегас - 12, Вима Кадфиз - 11, Канишка - 17, Хувишка - 8, Васудева I - 31, Васудева II - 9). Подражания кушанским монетам - 3; кушано-сасанидские - 8; эфталитская - 1; тюркский правитель Чаганиана - 1; Шейбаниды; неопределённые позднекушанские или кушано-сасанидские - 8; неопределённые позднесредневековые - 1.

Эти монеты нашли свою научную интерпретацию благодаря тщательному изучению Г.А. Пугаченковой и Э.В. Ртвеладзе [219]. Опубликовано немало статей, посвященных греко-бактрийским и кушанским монетам и их датировке. Среди публикаций выделяется статья Г.А. Пугаченковой и Э.В. Ртвеладзе, где приводятся данные о монетных находках в течение 1966-1969 гг. при раскопке Шортепа, Старого

Термеза, Хатын-Рабата, Ялпактепа, Хаитабадтепа, Бараттепа, Культепа, Тарагайтепа, Денау, Дальверзинтепа и других памятников [220]. Среди этих монет вызывает интерес монета Антимаха Теоса (первая половина II в. до н.э.), до этого времени не известная в районе Термеза. На лицевой стороне - профиль царя в характерном беретобразном головном уборе-петазосе. На оборотной - Посейдон с трезубцем и пальмовой ветвью. В результате анализа места находки - в 2 км к северу от впадения Сурхандарьи в Амударью, к востоку от Термеза и, судя по тому, что здесь также были обнаружены кушанские монеты, авторы пришли к выводу, что место находки монет в античную пору служило торговой пристанью у переправы через Сурхандарью на древней караванной дороге, идущей из Деметрии-Термеза вдоль Амударьи через Айртам, Хатын-Рабат, Айвадж и далее в окраинные восточные районы Северной Бактрии [221].

В результате исследований монетных чеканов Г.А. Пугаченковой были внесены существенные коррективы в хронологию исторического развития Северо-Бактрийских городов. Среди её публикаций, посвященных выявлению монетных находок Бактрии, есть статья "К стратиграфии новых монетных находок из Северной Бактрии", в которой речь идет о древних медных монетах, найденных в 1963-1965 годах в процессе археологических вскрытий некоторых кушанских памятников на юге Узбекистана. Они были обнаружены на городище Айртам, лежащем у Амударьи, на Шортепа, расположенном в 28 км к северо-западу от Термеза; несколько монетных находок из Термеза и две из археологического пункта Шерабадского района [222]. Среди монетных находок важное значение имеют медные монеты Евтидема I, которые были обнаружены в Термезе. Г.А. Пугаченкова опровергает гипотезу отождествления Термеза с Деметрием. Она отмечает, что нумизматические данные явно свидетельствуют в пользу ранней даты

формирования этого города, который уже задолго до Деметрия при Диодоте и Евтидеме I был достаточно велик и в нем развивалось рыночное денежное обращение. Среди монетных находок Г.А. Пугаченкова особое внимание обращает на определение даты монет Сотера Мегаса, найденных на Шортепе и Айртаме. Находки монет Евтидема I, Варварского Гелиокла, Кадфиза II, Канишки, Васудевы I, Васудевы II в культурных слоях северно-бактрийских городов, с одной стороны позволили уточнить датировку и периодизацию этих городов, с другой - выявить некоторые новые типы чеканов [223]. Проблема датировки многих кушанских монет решена далеко не для всех и даты многих из них были объектом дискуссий.

Среди этих монет, выделяется чекан загадочного безымянного царя, который именует себя "царем царей - великим спасителем", ему посвящено немало публикаций. Среди них необходимо упомянуть статью М.Е. Массона, опубликованную ещё в 1950 г., где даётся детальный анализ этого чекана и М.Е. Массой отождествил "безымянного царя" с Кадфизом I, когда из простого кушанского вождя - ябгу, а затем царя, он становится создателем грандиозной империи Великих Кушан [224].

Отождествление это было принято рядом среднеазиатских ученых, в том числе и Г.А. Пугаченковой [225]. Однако позднее появились иные толкования и датировка этих монет. Горячим сторонником "омоложения" монет как впрочем, и всей кушанской хронологии, был Е.В. Зеймаль.

Привлекая данные находок этих монет совместно с монетами других кушанских царей, он считает, что "кушанские медные монеты не знали принудительного изъятия из обращения и циркулировали намного позднее времени их выпуска". На основе новых монетных находок, происходящих из точных стратиграфических горизонтов, Г.А. Пугаченкова и Э.В. Ртвеладзе пришли к заключению, что предположение

Е. Зеймалья не соответствует исторической действительности [226]. Об этих монетах Г.А. Пугаченкова дает свое заключение в статье "К неутихающим дискуссиям: Варварский Гелиокл, Герай, Сотер Мегас" [227]. Датировка монет Варварского Гелиокла определялась большинством исследователей в пределах конца II в. до н.э. -самого начала I в. н.э. Е.В. Зеймаль, принимая указанную начальную дату, доводит их до времени Вимы Кадфиза. Одним из аргументов долговременности чекана он выдвигал классификацию эмиссий во времени по мере постепенной варваризации букв греческого алфавита, и самого профиля Гелиокла, на заключительной же стадии - изменения иконографии оборотной стороны. По мнению Г.А. Пугаченковой, большая или меньшая варваризация вполне могла быть результатом почти одновременного выполнения штемпелей на разных монетных дворах, где работали более или менее искусные монетарии. Кроме того, при многовековом обращении данных монет содержащие их стратиграфические слои должны были быть колоссальными, чего не наблюдается на самом деле

[228].

Также велись дискуссии о монетах Герая или Санаба, в частности о том, какое из этих слов является именем и какое - титулом. Так, С.П. Толстов считал личным именем правителя слово Санаб, а слово Герай рассматривал как составную часть титулатуры. Г.А. Пугаченкова, проанализировав монеты этого типа, отмечала, что слово Санаб встречается на тетрадрахмах и отсутствует на оболлах, где лишь два слова Герай или Миай и Кушан. Нумизматами, в частности Э.В. Ртвеладзе, на основе ареала находок этих монет установлено, что местом чеканки и обращения монет Герая была Бактрия. Эти выводы подтверждены также Г.А. Пугаченковой в результате раскопок на халчаянском дворце. Она,

исследовав скульптуры Халчаяна, находит аналоги изображений царя на монетах Герая и отмечает, что этот портрет передает определённый этнический тип того кушанского рода юечжей, который обосновался в Бактрии и к которому принадлежал Герай [229]. В свое время, исходя из типологической близости (тип ободка, фигурка Ники, всадник на реверсе) монет Герая и хорезмских монет, в которых нумизматы отмечали также некоторую общность с элементами чекана Эвкратида, С.П. Толстов пришел к выводу, что монеты из Топраккалы значительно ближе к общему прототипу и есть все основания полагать, что чеканка Герая является имитацией не непосредственно чеканки Эвкратида, а хорезмско-кангюйской чеканки I в. до н.э. Г.А. Пугаченкова возражает против этого предположения, отмечая, что надпись на обороте хорезмийских монет не объявляет "Царем великим" изображенного на них государя, но содержит титулатуру и имя давно умершего греко-бактрийского царя, чем, очевидно, подчеркивается генеалогическая связь хорезмийского правителя с Эвкратидом. На Востоке нередко такими подлинными или фиктивными родственными отношениями оправдывались притязания на престол. Далее, отмечает Г.А. Пугаченкова, мотив конного царя на обороте монет отнюдь не следует конным Диоскурам Эвкратида и он характерен не только для чекана хорезмийских правителей, но и Герая. После распада Греко-Бактрийского царства на ряд мелких владений образ одиночного галопирующего всадника представлен в чеканках Антимаха, Филоксена, Гиппострата, Гермeya, а всадника на шествующем коне - у целого ряда индо-парфянских и индо-сакских царей конца II—I вв. до н.э. - Вонона, Аза I и II, Зенона, Аспаварма, Абдагаса, причем в ряде случаев на других типах монет тех же царей вводится также изображение Ники [230]. Г.А. Пугаченкова приводит предположения Р. Гёбля, который относил тетрадрахмы Герая ко II в до н.э., а его оболы - к I в. до н.э., и

выделил также подражания тетрадрахмам, относимые им к первой половине I

в. н. э. Она приводит также предположение Мак-Доэлла и Н.Г. Уилсон, которые отождествляли монеты Герая с Сотером Мегасом и относили дату Герая к концу I в. н. э. Ссылается также на выводы Е.В. Зеймаля, которой предполагал Герая современником Вимы Кадфиза и сдвигал его датировку ко II в. н.э. Критически были рассмотрены также заключения Е.А. Давидович и других специалистов. В конечном счете, Г.А. Пугаченкова приходит к выводу, что утверждение о синхронности чеканов Герая и Вимы Кадфиза противоречит ряду фактов и внешним признакам самих монет. Изображения на лицевой и оборотной стороне того и другого ничего общего не имеют. Аверс монет Герая глубоко индивидуален, реверс обнаруживает большую общность с монетами индо-сакских и индо-парфянских царей конца II в. до н.э. - первой половины I в. н.э.

Г.А. Пугаченкова при анализе монет Герая обращает внимание на иконографические признаки, которые не всегда учитывались, отмечая, что в искусстве стиль отражает определенные эстетические установки эпохи, древние же монеты представляют разновидность медальерного искусства. Профиль Герая, передающий реалистически экспрессивный образ юэчжийцакушана, выполнен в богатой пластической манере и высоком рельефе, профиль же Вимы Кадфиза, встречающийся на некоторых его монетах, имеет невысокий рельеф - это почти силуэт с легким выделением черт. Исходя из вышесказанного, Г.А. Пугаченкова относит первые к более ранним традициям греко-бактрийских монетариев, работы которых передают азиатский облик портретируемого. Стиль этот также запечатлен и в монументальном искусстве раннекушанского времени - скульптуре Халчаяна. Второй тип Вимы Кадфиза отвечает более позднему

отвлеченно- иератическому стилю в передаче царственных особ и божеств, который присущ скульптурам Сурх-Котала и Матхуры [231].

Исследуя монеты Герая, она отмечала, что чекан Герая возник как самостоятельная монетная эмиссия, типологически связанная с общепринятыми в локальной среде нумизматическими традициями, но совершенно независимо от выпускавшегося под именем Эвкратида чекана безымянного хорезмийского владетеля. Изучив различия изобразительных мотивов оболлов и тетрадрахм монет Герая, она выдвигает идею о том, что не принадлежит ли группа оболлов другому раннекушанскому правителю наследнику или предшественнику Герая, поскольку его принадлежность к Гераеву роду подтверждается и племенным названием Кушан и общностью портретного типа [232].

Г.А. Пугаченкова, анализируя мнение многих специалистов, располагает монеты Сотер Мегас, Гелиокл, Герай в следующем порядке: от рубежа II-1 в. до н.э. и до первой трети I в. н.э. датируется чекан юэчжийскими правителями Бактрии монет типа варварского Гелиокла; к концу I в. до н.э. - началу н.э. она отнесла монеты Герая, совпадающие по времени с "именным" чеканом ябгу Куджулы Кадфиза; к средней трети (или второй - третьей четверти) I в.н.э. чекан Сотера Мегаса - Куджулы Кадфиза периода объявления его "царем царей - великим спасителем" [233].

По новым исследованиям Д.В. Бирюкова, выпуск монеты ГераяКушана был отнесен ко времени между концом царствования Евкратида и его сына -соправителя Гелиокла и моментом объединения Куджулой Кадфизом юэджей в единое государство. Конкретизируя эти временные рамки, исследователь отнес эти монеты ко 2-ой половине II до

н.э. Слова Герая, по его мнению, это имя собственное.

В своих исследованиях Г.А. Пугаченкова особое внимание обращает на монеты Чаганиана. К их числу относят монеты клада с городища Будрач, найденного в 1977 г. Большинство монет было постепенно собрано учителем местной школы А. Худжановым, который передал их Узбекистанской искусствоведческой экспедиции. При изучении этих монет Г.А. Пугаченкова выделила две эмиссии: потертая (Б) и с четкими изображениями (А). Монет эмиссии А - пятьдесят девять, эмиссии Б - пять. Проанализировав изображения этих монет, Г.А. Пугаченкова отмечала, что монеты обеих эмиссий представляли собой какой-то локальный чекан, в основу которого положено подражание дирхемам Хосрова I Ануширвана (531-579гг.). Она выявила ряд отличий этих монет с государственным чеканом Хосрова I. Указывая на различия в изображении царей, она отмечает, что, если на сасанидском чекане царь изображен с лентой на плечах, с подвеской на гривне, у Хосрова обычно с двумя или тремя шариками, то в составе монет эмиссии - А, изображен один шарик, а в эмиссии Б подвески вообще нет. Выявлены и другие отличия костюма, а также пробы металла монет: низкопробное серебро у монет из клада, высококачественное у дирхемы Хосрова Ануширвана. В этих подражаниях при уменьшении веса, ухудшении сплава, изображении локальной тамги или нанесении надчеканом на этих монетах-подражаниях, как она предполагала, открывали местным правителям возможности спекулятивной игры на произвольно установленном ими курсе. Г.А. Пугаченкова приходит к выводу, что эти монеты отражают факт обретения полной независимости чаганианским княжеством от какой-либо центральной власти.

В заключение можно сказать, что в результате исследований нумизматических находок Г.А. Пугаченковой был внесен значительный

вклад в изучение типологии и хронологии чеканов древней и раннесредневековой Бактрии с вытекающими отсюда выводами исторического содержания.

3.3. Проблемы древней сфрагистики

В исследованиях Г.А. Пугаченковой значительное внимание отводится проблемам сфрагистики древности и средневековья. Особенно среди ценных археологических находок выделяются геммы. Они использовались не только как украшения, но и как печать владельца.

В Узбекистане изучение древних гемм было начато XIX веке, когда в основанном в 1876 г. Ташкентском музее было собрано некоторое число резных камней. Пополнению коллекций гемм в Ташкентском музее в определенной степени способствовала деятельность Туркестанского кружка любителей археологии. Но многие из этих гемм не были изучены. Г.А. Пугаченкова произвела подробный анализ гемм собраний Ташкентского музея. В порядке предварительной классификации она выделила несколько групп древних гемм из собраний музея с изобразительными мотивами, и условно назвала эти группы: "ахеменидской", "греко-римской", "парфянской", "бактрийско-кушанской" и "сасанидской" [234]. Среди собранных гемм Г.А. Пугаченкова особое внимание обратила на ахеменидские, в частности в статье "Три ахеменидские геммы из собрания Музея истории Узбекистана". Среди этих гемм особое внимание Г.А. Пугаченкова обращает на печать с изображением крылатого быка с мужской бородатой головой, в головном уборе персидских гвардейцев, с буклей на затылке по краю щитка. В верхней правой четверти, а затем влево от головы -

пехлевийская надпись. Этот экземпляр был опубликован Н.Э. Вундцеттелем [235]. Он расшифровал надпись "справедливость" и установил её датировку по стилю письма VII - началом VIII вв. Фигуру крылатого человека-быка автор сравнивает с ассирийским керубом, отмечая, однако ахеменидскую трактовку крыльев, он предполагал место происхождения этой геммы - южная Персия. В вопросе о датировке этого камня Г.А. Пугаченкова не соглашается с определением Н.Э. Вундцеттеля. Она отмечает, что основа изобразительно -

мифологического мотива, стиль и техника данной геммы относятся к разряду так называемых "греко-персидских" инталий IV вв. до н.э., а не VII—VIII вв. н.э." Эта датировка была подтверждена сопоставлением с другими находками. Она приводит некоторые примеры, дающие почти аналогичную данной гемме изображение в овальном щитке золотого кольца из Амударьинского клада, которое датируется исследователями концом IV-III вв. до н.э. Здесь представлен точно такой же стоящий влево крылатый человекобык; над ним - надпись знаками раннеарамейского письма. Подобное же изображение ахеменидского керуба, но с подогнутыми ногами, имеется на овальной сердоликовой инталии, найденной на Кавказе, близ Батуми [236]. Она считает, что характер пехлевийского письма на гемме бесспорно восходит ко времени не ранее VI-первой половины VII вв. н.э. Это противоречие изобразительно-стилевых и палеографических данных, по её мнению, объясняется тем, что древняя гемма была повторно использована в сасанидское время. Г.А. Пугаченкова предполагает, что в эту пору сасанидские шахи пропагандировали свою наследственную связь с древней, "коренной" персидской династией, и реликвии тех времен, видимо, ценились в аристократической среде [237].

В ряде изученных Г.А. Пугаченковой гемм, собранных в Ташкентском музее особое место занимают сасанидские геммы. По их форме она выделяет три типа: 1) небольшое количество овальных гемм - плоских, либо односторонне-выпуклых, с резьбой, размещенной или на плоском щитке, или на выпуклой стороне; 2) геммы прямоугольные, иногда со срезанными уголками; 3) наиболее многочисленная группа специфически азиатских гемм в форме так называемых "ложных перстней".

В статье "Резные камни античной поры в Музее истории Узбекистана" Г.А. Пугаченкова типологически классифицирует те резные камни, которые хронологически относятся к периоду между "ахеменидской" и "сасанидской" группами, и научно анализирует 32 геммы. Г.А. Пугаченкова, изучая эти геммы, особое внимание уделяет их искусствоведческой значимости. Ряд гемм она отнесла к числу привозных созданий эллинистической и римской глиптики. Некоторые геммы определены ею как геммы местного происхождения. Среди таких Г.А. Пугаченкова особое внимание обращает на печать с изображением образа Артемиды - Анахиты, которую она относит к бактрийскому искусству. Г.А. Пугаченкова отмечает, что наряду с привозными экземплярами в областях Средней Азии при дворах филэллинствовавших монархов - греко-бактрийских царей и старших аршакидов могли появляться изделия здешних мастеров, следовавших манере эллинистических камнерезов и что здесь сложилась своя собственная школа сфрагистики, в которую входили иноземные и местные специалисты. Г.А. Пугаченкова считает, что расцвет медальерного искусства, запечатленный на великолепных монетах греко-бактрийской и ранне-парфянской нумизматики, позволяет с полным правом предположить развитие в III-II вв. до н.э. камнерезного искусства, отличного от такого же ахеменидского. Исходя

из достижений и принципов эллинистической глиптики, мастера Среднего Востока вырабатывают свою манеру, свой стиль, свою изобразительную тематику [238]. Г.А. Пугаченкова приводит описание геммы, на которой трансформирован на местный лад "варваризованный" образ триумфатора, увенчанного лавровым венком. Надпись курсивными знаками. Сопоставив эту надпись с легендами ранних монет Согда, она приходит к выводу о среднеазиатском происхождении этой инталии. Приводит описание геммы с изображением мужского профиля, предполагая, что своим абрисом и гладкой прической она повторяет римские образцы. Она полагает, что гемма эта по времени относится к началу нашей эры, и её появление связывает с началом интенсивных сношений кушанского царства с Римом. Подобные экземпляры гемм музейной коллекции содержат сведения об активных культурно-экономических связях между кушанским царством и Римом. Среди изученных Г.А. Пугаченковой гемм особое значение имеют геммы с образом бородатого мужа в округлоконической шапке, перетянутой надо лбом повязкой со спускающимися на затылке концами. Анализируя головной убор, изображенный на этой гемме, она указывает на его сходство с головным убором Вимы Кадфиза из династии Великих Кушан (I в.н.э.), что позволяет датировать её позднекушанским временем.

Таким образом, крупнейшие коллекции гемм инталий Средней Азии, хранящиеся в Ташкентском музее, а также коллекции ЮТАКЭ были впервые изучены, классифицированы и введены Г.А. Пугаченковой в научный оборот.

В заключение можем сказать, что Г.А. Пугаченкова является родоначальником изучения сфрагистики в Средней Азии по материалам музеев Узбекистана и Туркменистана.

3.4. Изучение миниатюры - как исторического источника

В научной деятельности Г.А. Пугаченковой широкое отражение нашла история среднеазиатской школы миниатюры, ее становление и развитие. Как историк архитектуры Г.А. Пугаченкова первоначально рассматривала миниатюру в качестве источника по истории архитектуры XV-XVI веков, тем более ценного, что она давала возможность реконструировать наряду с религиозным зодчеством и постройки гражданской архитектуры, практически не сохранившиеся. Сведения об урбанистической структуре средневекового города, фортификационных системах, банях, рынках, мостах и водохранилищах, планировочной организации городского или пригородного сада с садово-парковыми постройками и продуманной системой ирригации, облике жилого дома с внутренним двором, убранстве интерьеров, особенностях планировочной конструкции, техники строительства, способах заготовки и доставки материала, а также о существовавшей специализации мастеров по различным видам строительного ремесла были впервые "вычитаны" Г.А. Пугаченковой в миниатюрной живописи. Впоследствии Галина Анатольевна обратила свое внимание на изучение по данным миниатюры истории среднеазиатского костюма. Г.А. Пугаченкова не была первопроходцем в этой области. Востоковеды и искусствоведы стали изучать восточную миниатюру менее столетия назад, среди них крупные западноевропейские и российские исследователи XIX - первой трети XX века - Э. Блоше, Ф. Мартин,

В.Стасов, А. Сакисиан, Дж. Вилкинсон, Б. Грей, Л. Бинион, Б. Денике, А. Семенов, М.М. Ашрафи и др.

В результате изучения миниатюрной живописи ею были уточнены многие исторические сведения. В своих статьях Г.А. Пугаченкова

приводит очень интересные сведения по миниатюрной живописи и сопоставляет эти данные с археологическими исследованиями. Изучение ею миниатюр

Бехзада показало, что мастера отделочники занимаются своей работой здесь же, у возводимого здания. Резчики по камню уже нанесли по низу стен резные мраморные панели, мозаисти, сидя во дворе, выпиливают и набирают кашинные наборы, а столяры, расположившись на айване здания, готовят деревянные детали. Приводя такие факты она сопоставляет результаты археологических наблюдений, которые подтверждают документальность этой миниатюры. Так при вскрытии главного зала мавзолея Ишратхана в Самарканде под полом его была обнаружена засыпка строительного мусора, взятого несомненно, тут же на строительной площадке. В составе его оказалось огромное количество бросовых закраин от тех кашинных плиток, из которых вытесывались сложные детали мозаичных наборов. То же самое наблюдалось при раскопках у южного фасада мавзолея Гур-Эмир в Самарканде и в восточной части двора мечети Анау [239].

Г.А. Пугаченкова в своих исследованиях миниатюры чаще использует дискуссионный метод.

В многочисленных спорах специалистов о миниатюрной живописи возникала проблема миниатюрной живописи Средней Азии XIV-XV вв. Господствующая среди ориенталистов точка зрения безусловное лидерство отдавала иранской школе миниатюры. В своих исследованиях Г.А. Пугаченкова стремилась доказать, что в Мавераннахре в XIV-XV вв. были самостоятельные школы миниатюрной живописи. Этому же мнению придерживались узбекистанские и таджикистанские исследователи А. Семенов, В. Долинская, М. Ашрафи и некоторые российские ученые, в частности Н. Дьяконова.

Резко отрицательную позицию по поводу существования среднеазиатской миниатюры живописи XV века занимал ленинградский ориенталист А.А. Иванов. По этому поводу он выступал в дискуссии на

XXV международном конгрессе востоковедов (Москва 1960), затем с докладом на конференции в Государственном Эрмитаже (1965) и, наконец, в двух статьях, опубликованных в 1977 и 1978 гг., где автор излагает свою точку зрения по вопросу изучения истории миниатюрной школы Мавераннахра, о рукописных произведениях, которые были отнесены Г.А. Пугаченковой и В.Г. Долинской к XIV-XVI вв., а во второй части статьи пишет о жизни и деятельности художников, миниатюристов, относившихся к миниатюрной школе Мавераннахра. В статье также приводятся перечень и комментарий рукописных произведений, отнесенных Г.А. Пугаченковой и В.Г. Долинской к XIV-XVI вв. Мавераннахрской школы миниатюры. В заключение статьи А.А. Иванов приходит к выводу, что миниатюрная живопись, которая отнесена Г.А. Пугаченковой и В.Г. Долинским к Мавераннахрской школе, далека от истины. По определению А.А. Иванова, художники Устод Гунг, Джахангир Бухорий, пир Саййид Ахмад Табризий, Хужа Абдулхай и другие, считавшиеся руководителями или основателями миниатюрной школы Мавераннахра, не имели никакого отношения к Средней Азии. Критик предполагает, что первые три художники были мифологическими лицами, а не историческими. А.А. Иванов отмечает, что в Средней Азии украшение рукописей миниатюрой началось во XVI в., и в классификации этих рукописей Г.А. Пугаченковой была допущена хронологическая ошибка (например, в определении "Тарихи Гузидаинусратнома"). Наряду с этим он считает ошибочным определение Г.А. Пугаченковой автора произведения Махмуда Музаххиба, считая им Мухаммадчехру Мухассине и описывавшей как художника представителей знатного сословия (Например, Темурид Навруз Ахмеда).

Также он находит необоснованным довод Н.В. Дьяконовой, поддержанный Г.А. Пугаченковой и В.Г. Долинской о том, что в XVI в. в

Самарканде была создана специальная миниатюрная школа. Таким образом, по мнению А.А. Иванова, в XIV-XV вв. в Мавераннахре не существовала

миниатюрная школа.

Во втором номере журнала "Искусство" за 1979 г, издававшемся в Москве, было опубликовано статья Г.А. Пугаченковой: "К дискуссии о среднеазиатской школе миниатюрной живописи XV в.", являющейся по существу ответом А.А. Иванову. Г.А. Пугаченкова на основе новых данных заново классифицирует астрономическое произведение Абдуррахмана ас Суфи и рукописи "Охота в горах", "Улугбек со своей семьей", и миниатюры «Горный пейзаж», «Придворные на лугу», «Отдых царя на лоне природы» а также миниатюры к «Шахнаме». При этом она приходит к выводу, что все эти миниатюры относятся к самаркандским школам и особо отмечает, что многие зарубежные искусствоведы - Д.Н. Уилбер, И. Щукин, Э. Грубе, Р. Мередит-Оуэне и даже Б. Робинсон подтверждают её точку зрения. Многими узбекистанскими исследователями, в частности Х. Сулеймановым, Н. Наркуловым, О. Усмановым приводятся новые факты и примеры того, что в Средней Азии в том числе и в Самарканде, в XV веке развивалось миниатюрное искусство.

Также в статье она особое внимание обращает на методику А.А. Иванова по определению миниатюр. По А.А. Иванову, единственный надежный критерий атрибуции - когда миниатюра помещена в рукописи, имеющей точные данные о времени и месте ее выполнения [240]. Г.А. Пугаченкова же считает правомерным лишь комплексный метод, а именно: а) анализ надписей (если они имеются); б) учет иконографии - костюмов и прочих реалий, отражающих этнографические пристрастия

той высшей среды, для которой в основном выполнялись миниатюры, а также трактовку ландшафта, где при всей условности пейзажных схем художник включал черты родной природы; в) ретроспективный взгляд даже на отдаленное художественное наследие доисламских времен, когда в Согде, Тохаристане, Восточном Туркестане существовали высокоразвитые школы монументальной живописи, и обращение за сравнительным материалом к миниатюре XVI в., в которой запечатлены особенности среднеазиатской миниатюрной живописи, отличавшие её от иных школ; г) "метод исключения" [241]. Вторая проблема, вызывавшая научные споры - миниатюра XVI-XVII веков в Средней Азии. Г.А. Пугаченкова выступила против устоявшего мнения о том, что в это время в Бухаре под влиянием бежавших сюда Гератских мастеров создаются произведения, продолжающие традиции иранской школы [242]. По мнению Г.А. Пугаченковой, гератские мастера основали в регионе свою локальную школу миниатюры, а потому можно говорить, что первое сорокалетие XVI века в среднеазиатской миниатюре представлено двумя тенденциями - с одной стороны, прямое следование традициям Бехзада, и с другой - более суровая по стилю, самобытная творческая манера, представители которой находились не только в Бухаре но и в Самарканде, Ташкенте, Шахрухии, Хиве . В исследованиях Г.А. Пугаченковой особо отмечается, что в XV- XVII веках в Средней Азии в художественной школе основное внимание обращалось на портретный жанр и исторические события. В доказательство своего внимания она приводит многочисленные примеры из миниатюрной живописи, в том числе «Приём сыновей Чингизхана на берегу Сырдарьи», «Газанхан в Урджане», «Портрет Абдуллахана», «Поход Амира Темура в Индию» [243].

Споры возникли и по поводу природы взаимоотношений среднеазиатской и индийской миниатюры после основания в Индии бабуридской династии. Для В.Г. Долинской и Г.А. Пугаченковой это взаимодействие шло из Мавераннахра в Индию. По мнению А. Иванова, в XVI веке между Средней Азией и Индией в художественном искусстве не было взаимодействий. (Иванов А.А.)

Многие выводы А. Иванова по поводу миниатюры XVI века и взаимосвязь между Средней Азией и Индией в художественном искусстве были подробно проанализированы и подкреплены историческими фактами в статье И. Низамиддинова «Миниатюрная школа Мавераннахра в XV1-XV11 вв». Автор в большинстве случаев соглашается с Г.А. Пугаченковой [244].

Таким образом, не будет преувеличением сказать, что Г.А. Пугаченкова является инициатором изучения восточной миниатюры по принципу комплексного подхода, характерного для всей ее научной деятельности. Именно она стала рассматривать миниатюру не только как самое ценное произведения искусства, но и как источник для изучения других произведений художественной культуры.

В своих исследованиях Г.А. Пугаченкова убедительно доказала, что в Средней Азии, в том числе и в Узбекистане была своя древняя основа миниатюрного искусства. При этом она впервые указала отличия индивидуального облика "бухарской" и "самаркандской" школ миниатюристов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Галина Анатольевна Пугаченкова доктор искусствоведения, профессор, действительный член АН РУз не просто внесла огромный вклад в развитие исторической науки среднеазиатского региона. С именем Г.А. Пугаченковой связан обширный круг исследований. В сферу ее научных интересов вошли, главным образом, художественная культура Средней Азии доантичного и античного времени, архитектура раннего и развитого средневековья, методика научной реставрации и реставрация памятников материальной культуры, декоративного и прикладного искусства и другие. Особое значение в её плодотворной работе имеет организованная под её руководством Узбекистанская искусствоведческая экспедиция. Многолетняя и плодотворная работа этой экспедиции привнесла в науку много нового, решила многие художественные, исторические и собственно археологические проблемы. Г.А. Пугаченковой впервые осуществлено изучение памятников среднеазиатской античности в Нисе, Мервском регионе, в Сурхандарьинской области. Исследованы памятники средневековья - доисламские кешки в Мервском оазисе, Гумбез Манаса, мавзолеи Араб-Ата, Ишратхана, Аксарай, три мавзолея в Дев Кескене, ряд памятников в Туркмении - мавзолей Абу Сайда в Меане, намазгох и группа средневековых мавзолеев Мисриана, ряд караван-сараев в Мервском оазисе, жилые дома в Мерве и его округе, мечеть в Башане, мавзолеи Аламбердара, Ярты Гумбез, Астана-баба, Кыз-биби, Худай-назар Авлия, Кокгумбез и др., а также жилые дома Приамударьинской зоны.

В круг ее научных исследований входили вопросы истории архитектуры не только Узбекистана, но и Туркменистана, Киргизстана, Таджикистана, Афганистана. Не будет преувеличением сказать, что благодаря её

исследовательской деятельности по изучению памятников архитектуры и искусства этих регионов, был внесен большой вклад в развитие их исторической науки, особенно в Афганистане. Ну-гумбед в Балхе, мавзолей Гуахар-Шад, Масжиди-Хаузи карбоз, Шейхзаде Абдулла в Герате, мечеть в Тайабаде, три памятника в Зиаратгахе, мавзолей Абу Хурейры, Баба Рушнаи, Мири Рузадор в Балхской провинции, античные дома в Дильберджине — это далеко не полный перечень объектов, изученных Г.А. Пугаченковой и введенных ею в научный оборот, ставших достоянием мировой культуры. Многие памятники архитектуры и искусства ряда регионов впервые были не только обследованы ею, но и был решен целый ряд проблем широкого научного значения, таких как архитектурная типология античного зодчества в Средней Азии, архитектурная археология в изучении зодчества Средней Азии, проблема средневековой внутригрунтовой инженерии, проблема бактрийско-индийских связей в искусстве, бактрийско-парфянский вклад в формирование Гандхарской школы искусства, проблема воздействия эллинизма в искусстве среднеазиатско-пенджабского региона и многие другие. Г.А. Пугаченковой капитально исследовалась глазурованная керамика XV в. (Самарканд, Ниса). Разрабатывалась проблема среднеазиатской школы миниатюрной живописи. Ставились и такие проблемы: миниатюра как источник по архитектуре XV-XVII вв., миниатюра как источник по истории костюма и др [245]. Её исследовательские работы

было неразрывно связано с педагогическими деятельностью. Ею воспитаны многие сегодняшние доктора наук, кандидаты и просто "неостепененные" архитектуроведы, в меньшей степени историки искусства и археологи.

Первым опытом работы на педагогическом поприще стали лекции всемирной истории архитектуры и истории искусств, которые Г. Пугаченкова в течение трех лет читала на архитектурном факультете Среднеазиатского индустриального института (1938-1941). Однако вскоре после защиты кандидатской диссертации перевелась по приглашению М. Е. Массона на кафедру археологии Средней Азии Среднеазиатского государственного университета. Она читала лекции по спецкурсам "Архитектурные памятники Средней Азии", "Архитектурные памятники Ташкента", "Искусство Ирана и Афганистана", "Искусство зарубежного Востока".

Научная деятельность Г.А. Пугаченковой отличается разносторонностью, хронологические рамки исследования материальной культуры простираются от древности до позднего средневековья.

По существу Г.А. Пугаченкова является единственным ученым-энциклопедистом по истории культуры Средней Азии, охватившим весь комплекс доступных источников. Необходимо отметить, что основные научные исследования Г.А. Пугаченковой были связаны с деятельностью УзИскЭ. Анализируя её вклад в изучение археологии и истории культуры Узбекистана - исследованной нами темы можно сделать следующие выводы: 1. Для формирования Г.А. Пугаченковой как специалиста важное значение имело её участие в археологических экспедициях не только в Узбекистане, но и Киргизстане, Туркменистане. В развитии дальнейших научных поисков большое значение имели экспедиции ТАКЭ и ЮТАКЭ, созданные М.Е. Массоном. ТАКЭ была первой из сложившихся в Средней Азии археологических экспедиций нового типа, а именно комплексной. Концепция экспедиции нового типа была разработана М.Е. Массоном. Эта экспедиция показала ряд преимуществ по сравнению с другими: широкий диапазон тематики,

широкий охват времени - от эпохи камня до XIX в. включительно. Опыт ТАКЭ и ЮТАКЭ и следовавших многих десятков стационарных и маршрутных исследований на территории Узбекистана пригодился Галине Анатольевне и при дальнейшей разработке идеи М.Е. Массона об археологической экспедиции нового типа.

2. Г.А. Пугаченковой была создана крупная комплексная экспедиция нового типа, которая проводила работу искусствоведческого направления, основанную на археологических методах, в результате чего был выявлен ряд важнейших археологических памятников, где проводились регулярные раскопки. В процессе 25-летней деятельности УзИскЭ во главе с Г.А. Пугаченковой было изучено множество материальных источников, освещающих историю градостроительства, архитектуры и культуры Северной Бактрии и Согда. В результате выявлены своеобразные черты культуры градостроительства этих двух регионов.

3. Г.А. Пугаченковой было раскрыто своеобразие культуры архитектурного строительства Узбекистана с античности до позднего средневековья. На основе самобытности и своеобразия архитектуры различных регионов она выделила четыре архитектурных школы Средней Азии: хорезмийскую, согдийскую, бактрийскую и парфянскую. Также она изучила историю появления элементов эллинистической архитектуры и ее слияние с местными строительными традициями. В результате этих исследований Г.А. Пугаченкова доказала, что в Узбекистане с древнейших времен существовали богатые традиции архитектуры и строительства. Научные выводы некоторых западных историографов об определяющем влиянии эллинской культуры на архитектуру Средней Азии античного периода были опровергнуты Г.А. Пугаченковой на основе многочисленных находок и проведенных научных разработок. В своих публикациях Г.А. Пугаченкова осветила технику сооружения, строительные материалы и их виды в гражданских и культовых зданиях.

Также Г.А. Пугаченковой были отвергнуты результаты исследований генезиса архитектуры средневековья, рассматриваемой европейскими исследователями как ответвление иранского зодчества. Г.А. Пугаченковой осуществлены реконструкции архитектурных памятников архаического, античного периода и средневековья, откорректированы графические реконструкции ряда выдающихся памятников, таких как мавзолей Ишратхана, усыпальница Дорус-Сиадат, мечеть Биби-ханым, обсерватория Улугбека, кафиркалинский кешк и др.

4. При анализе научных исследований Г.А.Пугаченковой мы приходим к выводу, что е был внесен ряд новшеств в изучение художественно-прикладного искусства Узбекистана. Среди них особое место занимают исследования археологических памятников Дальверзинтепа, Айртам, Халчаян, Иштихантепа и др. Тематические сюжеты и образы статуэток, настенные рисунки, скульптуры получили научное описание в ее публикациях. В ее исследованиях особое место занимают образцы искусств, созданные на основе мировоззрения и религиозных представлений древнего периода. В процессе анализа оссуариев Бия-наймана и Иштихантепа Г.А. Пугаченкова показала оформление их элементов, свойственных архитек турной традиции. Для методики научных разработок Г.А. Пугаченковой всегда был характерен комплексный подход к проблеме и использование источников всех категорий при её решении.

5. Особое освещение в работах Г.А. Пугаченковой получили вопросы ремесленного производства древнего периода. При изучении Северной Бактрии были открыты керамические печи, свидетельствовавшие о технике изготовления керамики. Исследователь внесла также важные уточнения в периодизацию керамики. Она распределила античные керамические коллекции Бактрии и Согда

по хронологическим и типологическим особенностям. Ею были предложены новые хронологические определения по керамике Афрасиаба II. Фундаментально было исследовано развитие керамического производства эпохи Темуридов.

6. В своих исследованиях Г.А. Пугаченкова особое внимание уделяла нумизматике. В результате исследований монетных находок, найденных на территории Узбекистана, ею был внесен значительный вклад в изучение типологии и хронологии чеканов древней и раннесредневековой Бактрии и Согда с вытекающими отсюда выводами исторического содержания.

7. Г.А. Пугаченковой значительное внимание отводится проблемам сфрагистики древности и средневековья. Она является одним из родоначальников изучения сфрагистики в Средней Азии.

8. В научной деятельности Г.А. Пугаченковой широкое отражение нашла история среднеазиатской школы миниатюры, ее становление и развитие. Она является инициатором изучения восточной миниатюры по принципу комплексного подхода, характерного для всей ее научной деятельности. В своих исследованиях Г.А. Пугаченкова стремилась убедительно доказать, что в Средней Азии, в том числе и в Узбекистане, была своя древняя основа миниатюрного искусства. Первенство в развитии миниатюрного искусства Востока она отдавала "бухарской" и "самаркандской" школам.

В заключение монографии мы можем сказать, что многолетними научными исследованиями Г.А. Пугаченковой был внесен огромный вклад в мировую науку в области изучения истории архитектуры, археологии, искусства и ряда других исторических проблем Средней

Азии, в том числе Узбекистана. Благодаря высокому уровню её исследований и уникальности целого ряда открытий история цивилизации Узбекистана, уходящая корнями в глубокую древность, стала достоянием широких кругов мирового научного сообщества.

Г.А. Пугаченкова не раз достойно представляла отечественную науку на многочисленных международных конференциях и конгрессах, читала курсы лекций по истории искусств Средней Азии в Коллеж де Франс, Сорбонне, Страсбургском университете во Франции, ее авторитет высок у зарубежных ученых. Признанием ее научных заслуг стало присвоение ей звания почетного доктора Страсбургского университета во Франции и почетного доктора Германского археологического института (1987 г.), избрание член корреспондентом Римской Академии (1992 г.), а также присвоение звания офицера французского ордена "Академические пальмы".

Её научные достижения по достоинству оценены и в Республике Узбекистан. Она стала Лауреатом Государственной Премии Хамзы и Беруни (1993 г.), награждена орденом "Дустлик".

Литература

- 1 Каримов И.А. Тарихий хотирасиз келажак йўқ — Т.: Шарқ, 1998. — 31 с; Его же. Выступление на торжественной церемонии, посвященной 100-летию дастана "Алпомиш" 6 ноября 1992 г. / Наша высшая цель - независимость и процветание Родины, свобода и благополучие народа. - Т.: Узбекистан, 2000. Т. 8. С. 71-77; Его же. Предисловие к работе "Идея национальной независимости: основные понятия и принципы" / За процветание Родины - каждый из нас в ответе. - Т.: Узбекистан, 2000. Т. 9. С. 201-205.
- 2 Каримов И.А. Без исторической памяти нет будущего / Своё будущее мы строим своими руками. — Т.: Узбекистан, 1999. Т. 7. С. 128-132
- 3 Ремпель. Л.И. Мои современники. - Т.: Фан, 1992. С. 318.
- 4 Там же. С. 338.
- 5 Там же. С. 338.
- 6 Ртвеладзе Э.В. Первая экспедиция с Галиной Анатольевной // Архитектура и строительство Узбекистана. —1990. — № 2. С. 12-14; Он же. Г.А. Пугаченкова и архитектурные реконструкции //Архитектура и строительство Узбекистана. — 1990. — №2. С. 23-26
- 7 Ртвеладзе Э.В. Г.А. Пугаченкова и архитектурные реконструкции... С. 26.
- 8 Лунин. Б.В. На благо науки и общества // Архитектура и строительство Узбекистана. — 1990. — № 2. С. 14-16; Он же. О деятелях общественных наук Узбекистана. — Т.: Фан, 1977. Т. II. — 390 с.
- 9.Альбаум Л.И. Воспоминания//Архитектура и строительство Узбекистана. — 1990. — №2. С. 18-20
10. Лунина С.Б. Несколько слов об учителе // Архитектура и строительство Узбекистана. — 1990. — № 2. С.17-18.

11. Бабаджанова Г.И. Подвижничество // Архитектура и строительство Узбекистана. — 1990. - № 2. С. 18-23.
12. Горшенина С.М. Галина Пугаченкова. Ташкент: Институт открытое общество — Узбекистан, 2001. — 254с.
13. Горшенина С. Галина Пугаченкова. - Т.: Институт открытое общество — Узбекистан, 2001. - С.167.
- 14 Лунин Б.В. О деятелях общественных наук Узбекистана... Т. II — 390 с; Он же. Яхья Гулямович Гулямов. — Т.: Фан, 1972. — 23 с; Лунин Б.В., Ахунова М.А. История исторической науки в Узбекистане. — Т.: Фан, 1970. - 199 с; Он же. Жизнь и деятельность академика В.В. Бартольда. — Т.: Фан, 1981. — 98 с. Он же. Исследования по древней истории в республиках Средней Азии (1972 - 1982 гг.) // Вестник древней истории. — М., 1983.— № 1. С. 52-59; Он же. Историографические исследования в Узбекистане: первые итоги, состояние, задачи // Общественные науки в Узбекистане. — 1975. — № 8. С. 69-77; Он же. Историография и источниковедение в Узбекистане, состояние и задачи // Общественные науки в Узбекистане. — 1981. — № 2. С. 32-41; Клейн Л.С. Археологическая типология. - Л.: Наука, 1991. — 448 с; Ртвеладзе Э.В. Галина Анатольевна Пугаченкова. - Т.: Фан, 1975. — 23 с.
14. Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан. "О подготовке и издании "Новой истории Узбекистана"//Народное слово. 1996,
17 дек
16. Массон М.Е. Краткий очерк истории изучения Средней Азии в археологическом отношении. // Труды САГУ. Новая серия. Исторические науки. - Т., 1956. — Вып.81. — Кн.12. —С. 5-91; Массой М.Е., Лунина СБ. Кафедра археологии Средней Азии. ТашГУ (1940-1960) // Научные труды ТашГУ. Археология Средней Азии. - Т., 1963. — Вып.200.С. 13-17; Массой М.Е. Среднеазиатская археологическая школа. ТашГУ // Археология Средней Азии. VII. Труды ТашГУ. - Т., 1966. - Вып.295. - С8-12; Шишкин В.А. Сорок лет советской археологии в Узбекистане (1924-1964) // История материальной культуры Узбекистана.

Самарканд, 1966. -Вып.7. -С.5; Аскарлов А.А Развитие археологической науки в Узбекистане // Общественные науки в Узбекистане. - Т., 1972, - № 11-12. - С.24-26.,Массон М.Е. Краткий очерк истории изучения Средней Азии в археологическом отношении // Труды САГУ. Новая серия.. Исторические науки. — Ташкент, 1956. —

Вып. 81. -Кн.12. - С. 5-91.

17. Шишкин В.А. Сорок лет советской археологии в Узбекистане (1924-

1964) // История материальной культуры Узбекистана. Самарканд, 1966.- Вып.7.- С.5. 18. Аббасов А. А. В.Л.Вяткин - историк - источниковед - археолог. Дисс. ... канд. ист. наук. Самарканд, 1969. - 381с. Кучкаров Т.А. В.А. Шишкин в развитии археологии Узбекистана. Дисс. ... канд. ист. наук. -Т., 1975.- 172с.

19. Центральный Государственный Архив Республики Узбекистан, ф. Р2406 - Средазкомстарис, оп I д 457 л-45.

20 Массон М.Е. Городища старого Термеза и их изучение // Труды Узбекстанского филиала Академии Наук СССР. Серия. I. Термезская археологическая комплексная экспедиция. - Ташкент, 1941. - Вып.2. - С.

31.

21 Массон М. Е. Организация ТАКЭ // Труды Узбекстанского филиала

Академии Наук СССР. Серия. I. Термезская археологическая комплексная экспедиция. - Ташкент, 1941. - Вып.2. - С. 34. 22 Там же.

23 Пугаченкова Г.А. Роль ТАКЭ в изучении Старого Термеза // Термиз: тарихий тадқиқотлар, илмий хулосалар.—Тошкент, 2001. —С.

16.

24 Пугаченкова Г.А. Фрагменты эллинистической архитектуры правобережного Тохаристана // Труды АН УзССР, история, археология.

Сер. 1. - Ташкент, 1945. - Т.2. - С. 65-81.

25 Труды ТАКЭ. Академия наук СССР-Узбекстанский филиал. Институт Истории, языка и литературы.Серия. I. - Т., 1939; Труды ТАКЭ. Академия наук СССР-Узбекстанский филиал. Институт Истории, языка и литературы. Серия. II. -Т., 1945. 26Пугаченкова Г.А. Роль ТАКЭ в

изучении Старого Термеза // Термиз: тарихий тадқиқотлар, илмий хулосалар. — Тошкент, 2001. —С. ;Массон М.Е. Работы ТАКЭ 1937-1938 г. Труды ТАКЭ. Академия наук СССРУзбекистанский филиал.Институт Истории, археологии и этнографии. Серия. I история, археология, т II. - Т., 1945. - С. 3.

27 Горшенина С. Такинцы. В кн.Галина Пугаченкова. - Т., 2001г. - С. 92.

28. Пугаченкова Г.А. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Бюл. - САГУ, 1945. -№ 23. -С. 181.

29Горшенина СМ. Галина Пугаченкова . Ташкент: Институт открытое общество - Узбекистан, 2001. - С. 93.

30 Массон. М.Е. Работы кафедры Археологии исторического факультета САГУ по изучению материальной культуры Средней Азии эпохи темуридов. Труды САГУ. - Т., 1953. - С. 7, 8.

31 Массон. М.Е. Работы кафедры Археологии исторического факультета САГУ по изучению материальной культуры Средней Азии эпохи темуридов. Труды САГУ. - Т., 1953. - С. 7, 8.

32. Массон. М.Е. Работы кафедры Археологии исторического факультета САГУ по изучению материальной культуры Средней Азии эпохи темуридов. Труды САГУ. - Т., 1953. - С. 7, 8.

33 Давидович Е.А., Литвинский Б.А., Массон М.Е. Историко-археологическое изучение мавзолея Юнусхана в Ташкенте // Труды САГУ. Выпуск 49. - Т.:

Издательство САГУ, 1953. - С. 171.

34 Массой М.Е., Пугаченкова Г.А. Гумбез Манаса - М.: Архитектура и строительство, 1950. — С. 11.

35 Пугаченкова Г.А. Архитектура Гумбеза Манаса // "Гумбез Манас". - М., 1950. - С. 59.

36 Пугаченкова Г.А. Архитектурные памятники Нисы. Тр. Южнотуркменистанской археологической комплексной экспедиции. Т.1. — Ашхабад, 1949. - С. 201-202.

37 Пугаченкова Г.А. К проблеме возникновения "шатровых мавзолеев" Хорасана // Материалы ЮТАКЭ.-Ашхабад, 1949,-Вып. 1. - С. 57-78;

Пугаченкова Г.А. Массон.М.Е. Мраморные статуи парфянского времени из

Старой Нисы // Ежегодник Ин-та истории искусств АН СССР М, 1957. - Т.7-С.

460-489; Пугаченкова Г.А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма // Тр. ЮТАКЭ.М., 1958. Т.6.-С.481- 491 с.

38 Пугаченкова Г.А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма // Тр. ЮТАКЭ.М., 1958. -Т.6.-С.481- 491 с; Пугаченкова Г.А. Архитектурные памятники Нисы // Тр.ЮТАКЭ. -Ашхабад,

1949.-Т.1.- С. 201-259; Пугаченкова Г.А. Своды в архитектуре Южного Туркменистана // Тр. ЮТАКЭ.- Ашхабад, 1958.-Т.8.- С.283-313;

39Пугаченкова Г.А. Своды в архитектуре Южного Туркменистана. Труды ЮТАКЭ. Т. VIII. - Ашхабад, 1958.-С. 218-278.

40 Пугаченкова Г.А. Своды в архитектуре Южного Туркменистана. Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Т. VIII. - Ашхабад, 1958. - С. 220.

41 Пугаченкова Г.А. Своды в архитектуре Южного Туркменистана. Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Т. VIII. - Ашхабад, 1958. - С. 223.

42 Там же. С. 235.

43 Пугаченкова Г.А. Своды в архитектуре Южного Туркменистана //Труды ЮТАКЭ. Т. VIII. - Ашхабад. 1958.-С. 236.

44 Пугаченкова Г.А., Массон М.Е. Мраморные статуи парфянского времени из Старой Нисы // Ежегодник института истории искусств АН СССР. - М., 1957г. - Т. 7. - С. 460-489.

45 Пугаченкова Г.А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма // Тр. ЮТАКЭ.-М., 1958.-Т.6.-С.491

46 Пугаченкова Г.А. Некоторые итоги экспедиционных исследований Института искусствознания АН УзССР // Общественные науки в Узбекистане. - 1961. - №3. - С. 65.

47 Горшенина С. Звездная находка: Узбекистанская искусствоведческая экспедиция. В кн. Галина Пугаченкова-Т., 2001.-С.

- 167-168. 48 Ремпель Л.И. Мои современники. -Т.: Фан, 1992.-С. 319.
- 49 Горшенина С. Искусствоведческая и ...Комплексная. В кн. Галина Пугаченкова - Т.: Институт открытое общество - Узбекистана, 2001. - С. 174.
- 50 Пугаченкова Г.А. Художественное наследие Средней Азии: перспективы поиска. // Международный ежегодник. "Будущие науки". Вып. 19. - М.: Знание, 1986. - С. 260.
- 51 Пугаченкова Г.А. "Некоторые итоги экспедиционных исследований института искусствознания АНУзССР в 1960 г. // Ж.Общественные науки в Узбекистане. - 1961. - № 3. - С. 65.
52. Леонов Н.И. Мавзолей в Тиме // Правда Востока - 1960 - 5 янв.; Массон М.Е. Ранний архитектурный памятник // Правда Востока, - 1960. - 5 фев.;
- 53.Леонов Н.И. Мавзолей X в. в. Зеравшанской долине // Ж.Советская археология, -М., 1960. -№4.-С. 186-190.
- 54 Пугаченкова Г.А. Художественное наследие Средней Азии: перспективы поиска // Международный ежегодник «Будущие науки» - М., 1986. - Вып.19. — С. 257-271.
55. Пугаченкова Г.А. Халчаян. К проблеме художественной культуры северной Бактрии. - Т.: Фан, 1966. - С. 8.
- 56.Пугаченкова Г.А. Халчаян. К проблеме художественной культуры северной Бактрии. - Т.: Фан, 1966. — С.
57. Пугаченкова Г.А. К проблеме искусства Северной Парфии и Бактрии // Ж.Общественные науки в Узбекистане. - 1964. - №6. - С. 52.
58. Пугаченкова Г.А. Некоторые итоги экспедиционных исследований института искусствознания АН УзССР в 1960 г. // Ж.Общественные науки в Узбекистане. - 1961. - №3. - С. 67.
59. Пугаченкова Г.А. К изучению памятников Северной Бактрии // Ж.Общественные науки в Узбекистане. -1968.-№8.-С. 27. 63Там же. С. 29.
- 60.Пугаченкова Г.А. и др. Дальверзинтепа — кушанский город на юге

Узбекистана. - Т.: Фан. - 1978. - С. 5.

61. Ртвеладзе Э.В. Цитадель Дальверзинтепа. В кн. Дальверзинтепа - кушанский город на юге Узбекистана. - Т.: Фан, 1978.-С.19.

62. Пугаченкова Г.А. В поиске культурных ценностей прошлого // Античные и раннесредневековые города Южного Узбекистана. - Т., 1989.

-

С. 12.

63.Пугаченкова Г.А. и др. Дальверзинтепа — кушанский город на юге Узбекистана. - Т.: Фан. - 1978. - С. 5.

64. Ртвеладзе Э.В. Цитадель Дальверзинтепа. В кн. Дальверзинтепа - кушанский город на юге Узбекистана. - Т.: Фан, 1978.-С.19.

65 Пугаченкова Г.А. В поиске культурных ценностей прошлого // Античные и раннесредневековые города Южного Узбекистана. - Т., 1989.

-

С. 12.

66.Пугаченкова Г.А. В поиске культурных ценностей прошлого // Античные и раннесредневековые города Южного Узбекистана. - Т., 1989.

- С. 12. 67 Пугаченкова Г.А. и др. Укрепление нижнего города // Дальверзинтепа - кушанский город на юге Узбекистана - Т.: Фан, 1978. - С. 33.

68 Пугаченкова Г.А. К изучению памятников Северной Бактрии // Ж.Общественные науки в Узбекистане. - 1968.-№8.-С. 29.

69 Пугаченкова Г.А. К изучению памятников Северной Бактрии // Ж.Общественные науки в Узбекистане -1968.- №8.- С. 29.

70 Пугаченкова Г.А. К изучению памятников Северной Бактрии // Ж.Общественные науки в Узбекистане 1968.-№8.-С. 30.

71 Пугаченкова Г.А. К изучению памятников Северной Бактрии // Ж.Общественные науки в Узбекистане - 1968. -№ 8. -С. 46.

72 Пугаченкова Г.А. В поиске культурных ценностей прошлого // Античные и раннесредневековые города Южного Узбекистана. - Т, 1989. -

С. 10. 73 Там же. С.11

- 74 Пугаченкова Г.А. К архитектурной типологии в зодчестве Бактрии и Восточной Парфии // Вестник древней истории. - М., 1973. - №7. - С. 121131.
- 75 Пугаченкова Г.А. В поиске культурных ценностей прошлого // Античные и раннесредневековые города Южного Узбекистана. - Т., 1989. - С. 12.
- 76 Пугаченкова Г.А. Античная культура Северной Бактрии // Северная Бактрия. Тохаристан. - Т., 1990. - С.93.
- 77 Пугаченкова Г.А. В поиске культурных ценностей прошлого // Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана. - Т., 1989. - С. 24.
- 78.Пугаченкова Г.А. Древности Мианкаля. - Т.: Фан, 1989. - С. 67.
79. Пугаченкова Г.А. Древности Мианкаля. - Т.: Фан, 1989. - С. 67.
- Пугаченкова Г.А. Образ кангюйца в согдийском искусстве // Из художественной сокровищницы Среднего Востока.-Т., 1987.-С.56.
80. Пугаченкова Г.А. Храм огня в Великом Согде // Из художественной сокровищницы Среднего Востока. - Т, 1987.-С.51.
81. Пугаченкова Г.А. В поиске культурных ценностей прошлого // Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана. - Т., 1989. - С.25.
82. Пугаченкова Г.А. Древности Мианкаля. - Т.: Фан, 1989. - С.179.
- 83.Пугаченкова Г.А. Древности Мианкаля. - Т.: Фан, 1989. - С. 17.
- 84."Пугаченкова Г.А. Историко-архитектурные исследования и открытия Узбекостанской искусствоведческой экспедиции // Строительство и архитектура Узбекистана. - 1978. - № 9. - С.7.
- 85."Пугаченкова Г.А. Историко-архитектурные исследования и открытия Узбекостанской искусствоведческой экспедиции // Строительство и архитектура Узбекистана. - 1978. - № 9. - С.7.
86. Пугаченкова Г.А. К проблеме архитектурной археологии в изучении зодчества Средней Азии // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. - М., 1982. - Вып. 172. - С.25.

- 87 Пугаченкова Г.А. К проблеме архитектурной археологии в изучении зодчества Средней Азии // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. - М., 1982. - Вып. 172. - С. 27.
- 88.Пугаченкова Г.А. К проблеме архитектурной археологии в изучении зодчества Средней Азии // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. - М, 1982. - Вып. 172. - С.27.
- 89 Там же. С.27.
- 90 Пугаченкова Г.А. К проблеме архитектурной археологии в изучении зодчества Средней Азии // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. - М., 1982. - Вып. 172. - С. 26.
- 91 Пугаченкова Г.А Историко-архитектурные исследования и открытия Узбекстанской искусствоведческой экспедиции // Строительство и архитектура Узбекистана. - 1978. - № 9. - С. 7.
- 92 Пугаченкова Г.А. Образы юэчжийцев и кангюйцев в искусстве Бактрии и Согда// Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана. - Ташкент, 1989. - С.99.
- 93 Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И. Аджина-тепа. — М., 1971. - С. 107.
- 94 Литвинский Б.А., Седов А.В. Тепаи-шах // Культура и связи кушанской Бактрии. - М, 1983. - С.34.
- 95 Ставиский. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. — М.: Наука, 1983 - С.227-229.
- 96 Мкртычев Т.К. Буддийское искусство Средней Азии I-X вв. - М.: ИКЦ, Академкнига, 2002. - С. 127.
- 97 Пугаченкова Г.А. Историко-архитектурные исследования и открытия Узбекстанской искусствоведческой экспедиции // Строительство и архитектура Узбекистана. - 1978. - № 9. - С. 9.
- 98 Там же. С. 9.
- 99 Пугаченкова Г.А. Архитектура среднеазиатской античности // Вестник древней истории. - М., 1951. - № 4.-С. 186.
- 100 Пугаченкова Г.А. Архитектура среднеазиатской античности // Вестник древней истории. - М., 1951. - № 4.-С. 188.
- 101 Там же. С. 189.

- 102 Пугаченкова Г.А. Акант в архитектуре Средней Азии // Тр. АН Тадж. ССР. - Душанбе, 1960. - Т. 120. -С.169-180.
- 103 Пугаченкова Г.А. К истории античной строительной техники Бактрии-Тохаристана // Советская история.-М.,1963.-№4.-С. 72,
- 104 Толстов СП. По следам древнехорезмийской цивилизации. - М.: Госиздат, 1948. - С. 115.
- 105 Воронина В.Л. Древняя строительная техника Средней Азии // Архитектурное наследство. - М., 1952. -№3.-С. 6-7.
- 106 Пугаченкова Г.А. К истории античной строительной техники Бактрии -Тохаристана. // Советская история. - М., 1963. - № 4. - С. 76.
- 107 Пугаченкова Г.А. Акант в архитектуре Средней Азии // Тр. АН Тадж. ССР. - Душанбе, 1960. - Т. 120. -С.169-180.
- 108 Пугаченкова Г.А. Мазар Араб-Ата в Тиме // Ж. Советская археология. -М., 1961. -№ 4. -С. 198-211.
- 109 Там же. С. 119.
- 110 Пугаченкова Г.А. Историко-архитектурные исследования и открытия Узбекистанской искусствоведческой экспедиции // Строительство и архитектура Узбекистана. - 1978. - № 9. - С. 9.
- 111 Згура В. Развалины дворца около Термеза //Сб.: Культура Востока. М., 1927. -Вып.1.-С25.
- 112 Згура В. Развалины дворца около Термеза // Сб.: Культура Востока. - М., 1927. - Вып.1. - С.26.
- 113 Веймарн Б.В. Искусство Средней Азии. М. - Л.: Наука, 1940. - С.22.
- 114 Пугаченкова Г.А. Мавзолей Араб-Ата // Искусства зодчих Узбекистана. - Ташкент, 1963. - С.37.
- 115 Пугаченкова Г.А. Историко—архитектурные исследования и открытия Узбекистанской искусствоведческой экспедиции // Строительство и архитектура Узбекистана. - 1978. - № 9. - С. 9.
- 116 Пугаченкова Г.А. Историко-архитектурные исследования и

открытия Узбекистанской искусствоведческой экспедиции // Строительство и архитектура Узбекистана. - 1978. - № 9. - С. 7-10.

117 Хакимов З.А. Памятники архитектуры в Южном Узбекистане // Художественная культура Средней Азии ГХ-ХІІІ века. - Ташкент, 1983. - С. 154.

118 Пугаченкова Г.А. Историко—архитектурные исследования и

открытия Узбекистанской искусствоведческой экспедиции //

Строительство и архитектура Узбекистана. - 1978. - № 9. - С. 9.

119 Пугаченкова Г.А. Историко—архитектурные исследования и открытия Узбекистанской искусствоведческой экспедиции //

Строительство и архитектура Узбекистана. - 1978. - № 9. - С. 9.

120 Остроумов Н.П. Новые данные о глиняных погребальных урнах // Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии. - Год. ХІ. - Т., 1906. - С. 32-44; Калмыков А.

Открытие Б.Н.Кастальским "Бия- найманских оссуариев"// Протоколы Туркестанского Кружка Любителей Археологии. - Год. ХІІІ. - Т., 1909.

- С. 53-54; Вяткин В.Л. Афрасиаб - городище бывшего Самарканда. - Т.:

Госиздательство, 1926. - С. 26-27,

52-53; Массой М.Е. К вопросу о происхождении памятников древней деревянной архитектуры, открытых

М.Е.Андреевым в горах Самаркандской области. - Т., 1927. - С. 15-

17; Стрелков А.С. Оссуарий

Государственного Исторического музея. Сб. Искусство Средней Азии.

РАНИОН. М., 1930. С. 109-110;

Григорьев Г.В. Тус-тупи. // Искусство. М., 1937. - №1. - С. 136-137;

Потапов А.А. Рельефы древней Согдианы как исторический источник. // Вестник древней истории. - М., 1938. - №2. - С. 137.

121 Пугаченкова Г.А. Иштиханский оссуарий - новый памятник согдийского искусства // Ж.Общественные науки в Узбекистане. - 1975. - №3. - С.33-42.

- 122 Пугаченкова Г.А. Мианкальские оссуарии // Из художественной сокровищницы Среднего Востока. - Т., 1987.-С. 89.
- 123.Пугаченкова Г.А. Мианкальские оссуарии // Из художественной сокровищницы Среднего Востока. - Т., 1987.-С. 89-91.
- 124 Пугаченкова Г.А. Мианкальские оссуарии // Из художественной сокровищницы Среднего востока. - Т., 1987.-С. 96.
- 125 Остроумов Н.П. Новые данные о глиняных погребальных урнах // Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии. - Год XI. - Т., 1906. - С. 32-44.
- 126 Калмыков А. Открытие Б.Н.Кастальским "Бия-найманских оссуариев"// Протоколы Туркестанского Кружка Любителей Археологии. - Год. XIII. - Т., 1909. - С.53-54.
- 127 Вяткин В.Л. Афрасиаб - городище бывшего Самарканда. - Т.: Госиздательство, 1926. - С. 26-27, 52-53.
128. Массон М.Е. К вопросу о происхождении памятников древней деревянной архитектуры, открытых Андреевым М.С. в горах Самаркандской области. - Т., 1927. - С. 15-17.
- 129/ Григорьев Г.В. Тус-тупи // Ж.Искусство. - М., 1937, - №1. - С.136-137.
- 130 Потапов А.А. Рельефы древней Согдианы как исторический источник. // Ж. Вестник древней истории. - М., 1938.-№2.-С.137.
- 131 Веймарн Б.В. Искусство Средней Азии. М - Л.: Наука, 1940. - С. 16.
- 132 Борисов А.Я. К истолкованию изображений на Бия-найманских оссуариях. //Труды отдела Востока Гос. Эрмитажа. - М., 1940. - С. 46-47.
- 133 Пугаченкова Г.А. Мианкальские оссуарии // Из художественной сокровищницы Среднего Востока. - Т., 1987.-С.109.

- 134 Пугаченкова Г.А. Элементы согдийской архитектуры в среднеазиатских терракотах // Тр. Ин-та истории и археологии. Материалы по археологии и этнографии Узбекистана. - Т., 1950. - Т.2. - С. 15.
- 135 Потапов А.А. Рельефы Древней Согдианы как исторический источник // Ж. Вестник древней истории. - М., 1938.-№2.-С. 128.
- 136 Пугаченкова Г.А. Элементы согдийской архитектуры в среднеазиатских терракотах // Тр. Ин-та истории и археологии. Материалы по археологии и этнографии Узбекистана. - Т., 1950. - Т.2. - С. 43.
137. Пугаченкова Г.А. Элементы согдийской архитектуры в среднеазиатских терракотах // Тр. Ин-та истории и археологии. Материалы по археологии и этнографии Узбекистана. - Т., 1950. - Т.2. - С. 43. 156Там же С. 44.
- 138Пугаченкова Г.А. Элементы согдийской архитектуры в среднеазиатских терракотах // Тр. Ин-та истории и археологии. Материалы по археологии и этнографии Узбекистана. — Т., 1950. — Т.2. — С. 45.
- 139 Веймарн Б.В. Искусство Средней Азии. - М - Л.: Наука, 1940. - С. 18.
- 140 Там же С. 46.
- 141 Пугаченкова Г.А. Элементы согдийской архитектуры в среднеазиатских терракотах // Тр. Ин-та истории и археологии. Материалы по археологии и этнографии Узбекистана. - Т., 1950. - Т.2. - С. 46.
- 142 Пугаченкова Г.А. Элементы согдийской архитектуры в среднеазиатских терракотах // Тр. Ин-та истории и археологии. Материалы по археологии и этнографии Узбекистана. - Т., 1950. - Т.2. - С. 46.
- 143 Вяткин В.Л. Афрасиаб - городище былого Самарканда. - Т.: Госиздательство, 1926. - С. 52; Григорьев

- Г.В. Тус-тупи // Ж.Искусство. - М., 1937, -№1. - С. 138.
- 144 Пугаченкова Г.А. Элементы согдийской архитектуры в среднеазиатских терракотах // Тр. Ин-та истории и археологии. Материалы по археологии и этнографии Узбекистана. - Т., 1950. - Т.2. - С. 48.
- 145 Там же. С. 50.
- 146 Пугаченкова Г.А. Элементы согдийской архитектуры в среднеазиатских терракотах // Тр. Ин-та истории и археологии. Материалы по археологии и этнографии Узбекистана. - Т., 1950. - Т.2. - С. 50.
- 147 Там же С. 51.
148. Пугаченкова Г.А. Элементы согдийской архитектуры в среднеазиатских терракотах // Тр. Ин-та истории и археологии. Материалы по археологии и этнографии Узбекистана. - Т., 1950. - Т.2. — С. 56.
- 149 Захидов З.П. Дворец или мавзолей? // Ж.Строительство и архитектура Узбекистана. - 1974. - № 9. - С. 33.
- 150 Пугаченкова Г.А. И всё-таки — мавзолей! (О самаркандском памятнике Ишратхана) // Строительство и архитектура Узбекистана . - 1975. — № 12. - С. 11.
- 151 Захидов З.П. Дворец или мавзолей? // Ж.Строительство и архитектура Узбекистана. — 1974. - № 9. - С. 34.
- 152 Пугаченкова Г.А. И всё-таки - мавзолей! (О самаркандском памятнике Ишратхана) // Строительство и архитектура Узбекистана . - 1975. - № 12. - С. 11.
- 153 Пугаченкова Г.А. Забытый архитектурный памятник Самаркандской области (ханака Имам-Бахра, XVI в.) // Строительство и архитектура Узбекистана. - 1976. —№12. — С. 37. 154 Там же С. 11.

- 155 Якубовский А.Ю. Городище Миздахкан // Записки коллегии востоковедов. - Л., 1930. - Т.5. - С.90.
- 156 Пилявский В.И. Ургенч и Миздахкан. - М.: Госиздательство, 1948. - С.230.
- 157 Филимонов В.М. Уникальный памятник гражданского зодчества - дворец Музлум-Сулу // Материалы и исследования по ситории и реставрация архитектурных памятников Узбекистана. - Т., 1967. - Вып. I. - С.190.
- 158 Пугаченкова Г.А. И всё-таки - мавзолей! (О самаркандском памятнике Ишратхана) // Строительство и архитектура Узбекистана . - 1975. - № 12. - С. 13.
- 159 Пугаченкова Г.А. И всё-таки — мавзолей! (О самаркандском памятнике Ишратхана) // Строительство и архитектура Узбекистана . - 1975. - № 12. - С. 13.
- 160 Пугаченкова Г.А. Забытый архитектурный памятник Самаркандской области (ханака Имам-Бахра, XVI в.) // Строительство и архитектура Узбекистана. - 1976. - №12. - С.37.
- 161 Пугаченкова Г.А. Вопросы развития строительной техники в древнем и средневековом зодчестве Средней Азии // Строительство и архитектура Узбекистана. - 1968. - № 3. - С. 35.
- 162 Пугаченкова Г.А. О стиле и школах архитектуры Среднего Востока // Из художественной сокровищницы Среднего Востока. - 1987. - С. 124.
- 163 Пугаченкова Г.А. О стиле и школах архитектуры Среднего Востока // Из художественной сокровищницы Среднего Востока. - 1987. - С. 124.
- 164 Пугаченкова Г.А. О стиле и школах архитектуры Среднего Востока // Из художественной сокровищницы

- Среднего Востока. - Т, 1987. - С. 124.
- 165 Пугаченкова Г.А. Архитектурный генезис мавзолея Саманидов в Бухаре // Общественные науки в Узбекистане. - 1962. - №2. - С. 49.
- 166 Пугаченкова Г.А. Архитектурный генезис мавзолея Саманидов в Бухаре
// Общественные науки в Узбекистане. - 1962. - №2. - С. 49.
- 167 Пугаченкова Г.А., Массой М.Е. Шахрисабз при Темуре и Улугбеке // Труды САГУ. Новая сер. Гуманит. науки. - Т., 1953. - Вып. 49.кн.6. - С. 41.
- 168 Пугаченкова Г.А., Массой М.Е. Шахрисабз при Темуре и Улугбеке // Труды САГУ. Новая сер. Гуманит. науки. - Т., 1953. - Вып. 49.кн.6. - С. 71.
- 169 Пугаченкова Г.А., Массой М.Е. Шахрисабз при Темуре и Улугбеке // Труды САГУ. Новая сер. Гуманит. науки. - Т., 1953. - Вып. 49.кн.6. - С. 73.
170. Пугаченкова Г.А. К вопросу о реконструкции ансамбля Дорус-Сиادات, темуридской усыпальницы в Шахрисабзе // Материалы по истории и теории архитектуры Узбекистана. — Т., 1950. — Вып. 1. - С. 63.
- 171 Пугаченкова Г.А. К вопросу о реконструкции ансамбля Дорус-Сиادات, темуридской усыпальницы в Шахрисабзе // Материалы по истории и теории архитектуры Узбекистана. - Т., 1950. - Вып. 1. - С. 70.
- 172 Пугаченкова Г.А. Архитектурный ансамбль Дорус-Сиادات и Дорут-Тилават // Труды САГУ... Гуманит. науки. - 1953. - Вып. 49. - С. 65.
- 173 Пугаченкова Г.А. К вопросу о научно-художественной реконструкции мечети Биби-ханым // Труды САГУ. Новая сер. Гуманит. науки. - Т., 1951.- Вып. 49; кн. 6. - С. 101
- 174 Пугаченкова Г.А. К вопросу о научно-художественной реконструкции мечети Биби-ханым // Труды САГУ. Новая сер. Гуманит. науки. - Т., 1951.- Вып. 49; кн. 6. - С. 101
- 175 Пугаченкова Г.А. К вопросу о научно-художественной реконструкции мечети Биби-ханым // Труды САГУ. Новая сер. Гуманит. науки. - Т., 1951.- Вып. 49; кн. 6. - С. 101

- 176 Щербина-Крамаренко Н.Н. По развалинам Средней Азии // "Зодчий". - 1836. - С. 22-28.
- 177 Щербина-Крамаренко Н.Н. По развалинам Средней Азии // "Зодчий". - 1836. - С. 22-28.
- 178 Щербина-Крамаренко Н.Н. По развалинам Средней Азии // "Зодчий". - 1836. - С. 22-28.
- 179 Пугаченкова Г.А К вопросу о научно-художественной реконструкции мечети Биби-ханым // Труды САГУ. Новая сер. Гуманит. науки. - Т., 1951. - Вып. 49; кн. 6. - С. 104.
- 180 Пугаченкова Г.А К вопросу о научно-художественной реконструкции мечети Биби-ханым // Труды САГУ. Новая сер. Гуманит. науки. - Т., 1951. - Вып. 49; кн. 6. - С. 107.
- 181 Ратия Ш.Е. "Мечеть Биби-ханым". - М.: Искусство, 1950. - С. 82-84.
- 182 Милованов В. Астрономические познания самаркандских астрономов // Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии. - Ташкент, 1913. - Вып.1 - С.50
- 183 Милованов В. Астрономические познания самаркандских астрономов // Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии. - Ташкент, 1913. - Вып.1 - С.50
- 184 Нильсен В. Архитектурный облик обсерватории Улугбека // Труды Института истории и археологии. - Ташкент, 1953.- Т.5. - С 115.
- 185 Джалилов Г.Д. К вопросу о составлении планетных таблиц самаркандской обсерватории, историко-астрономические исследования. — М., 1955. —Вып.1.-С. 101.
- 186 Пугаченкова. Г.А. Архитектура обсерватории Улугбека // Искусство зодчих Узбекистана. - Т., 1969. Вып. IV.-С.107-131.
- 187 Матвиевская Г.П., Соколовская З.К. Улугбек. - М.: Российский Академии Наук, 1997. - С. 102.

- 188 Пугаченкова Г.А. Искусство Бактрии эпохи кушан. - М: Наука, 1979.
-
С. 8.
- 189 Пугаченкова Г.А. Двадцать лет Узбекостанской искусствоведеческой экспедиции: проблематика и итоги // Ж.Общественные науки в Узбекистане. - 1980. - №7. - С. 26.
- 190 Пугаченкова Г.А. Черты эллинизма в искусстве Среднеазиатско-Пенджабского региона // Всесоюзный симпозиум по проблеме эллинистической культуры на Востоке. ТД. - Ереван, 1980. -С.186
- 191 Пугаченкова Г.А. Дальверзинтепа и некоторые общие вопросы истории и культуры Северной Бактрии // Дальверзинтепа. - Т., 1978. - С. 214.
- 192.Пугаченкова Г.А. Темы и образы // Искусство Бактрии эпохи кушан. - Т., 1979. - С. 113.
- 193 Пугаченкова Г.А. Скульптура Халчаяна // Искусство. - 1964. - №6. - С.
- 194 Пугаченкова Г.А. Скульптура Халчаяна // Искусство. - 1964. - №6. - С.
195. Пугаченкова Г.А и др. Дальверзинтепа. — Т., 1978. -С. 211.
196. Ртвелезде Э.В. Храм в Северной части Дальверзинтепа // Дальверзинтепа. - Т., 1978. - С.88.
- 197 Пугаченкова Г.А. О культах Бактрии в свете археологии. // Вестник древней истории. - 1974. - № 3. С.130-131.
- 198 Пугаченкова Г.А. О культах Бактрии в свете археологии. // Вестник древней истории. - 1974. - № 3. С.130-131.
199. Ртвелезде Э.В. Храм в северной части Дальверзинтепа // Дальверзинтепа. - Т., 1978. - С. 88. Пугаченкова Г.А. Кушанское искусство в свете новейших открытий в Северной Бактрии // Общественные науки в Узбекистане. - 1978. - № 4. - С.3-12.
- 200 Пугаченкова Г.А. Из недавних открытий в Южном Узбекистане // Памятники культуры. Новые открытия. -М., 1975.-С.432-433.

- 201 Пугаченкова Г.А. Терракотовая печать из Дальверзинтепа // История и археология Средней Азии. - Ашхабад, 1978.-С. 84.
- 202 Пугаченкова Г.А. Терракотовая печать из Дальверзинтепа // История и археология Средней Азии. - Ашхабад, 1978.-С. 85.
- 203 Пугаченкова Г.А. Об одной группе лепных терракотовых статуэток Тохаристана // Новое в советской археологии. - М., 1965. - С.249.
204. Пугаченкова Г.А. Материалы по коропластике Бактрии-Тохаристана // Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. — М., 1967. — С. 179.
- 205 Пугаченкова Г.А. Материалы по коропластике Бактрии-Тохаристана // Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. - М., 1967. - С.181.
- 206 Пугаченкова Г.А. Материалы по коропластике Бактрии-Тохаристана // Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. - М., 1967. - С.181.
- 207 Пугаченкова Г.А. Керамика и коропластика // Искусство Бактрии эпохи кушан. - Т., 1979. - С. 86.
- 208 Пугаченкова Г.А. Керамика и коропластика // Искусство Бактрии эпохи кушан. - Т., 1979. - С. 86.
- 209 Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. Новые монетные находки из правобережной Бактрии. // Вестник древней истории. -М., 1969. -№ 4. -С. 101-105.
- 210 Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. Новые монетные находки из правобережной Бактрии // Вестник древней истории. -М., 1969. -№ 4. -С. 101-105.
- 211 Пугаченкова Г.А. К стратиграфии новых монетных находок из

- Северной Бактрии // Вестник древней истории. - М., 1967. - № 3. - С. 74.
- 212 Пугаченкова Г.А. Керамика Дальверзинтепа // Дальверзинтепа - кушанский город на юге Узбекистана. - Т.: Фан, 1978.-С.161.
- 213 Дьяконов М.М. Археологические работы в южном течении реки Кафирнигана. — М.: Наука, 1953. - С.90.
- 214 Шишкина В.Г. Керамика Афрасиаба.// Советская история. — 1975. - № 2. — С.77
- 215 Пугаченкова Г.А. Керамика Дальверзинтепа // Дальверзинтепа - кушанский город на юге Узбекистана. -Т.: Фан, 1978.-С.160.
- 216 Пугаченкова Г.А. Керамика Дальверзинтепа // Дальверзинтепа - кушанский город на юге Узбекистана. -Т.: Фан, 1978.-С.160.
- 217 Вяткин В.Л. Афрасиаб — городище бывшего Самарканда. - Т.: Госиздательство, 1926. - С.49-50.
- 218 Пугаченкова Г.А. Самаркандская керамика XV века // Тр. САГУ. Новая сер. Гуманитарные науки. - Т.,1950.-Вып. 11; Кн. 3.-С.105.
- 219 Ртвеладзе Э. Монетные находки на Дальверзинтепа // Дальверзинтепа - кушанский город на юге Узбекистана. - Т.: Фан, 1978. - С.227-231.
220. Ртвеладзе Э. Монетные находки на Дальверзинтепа // Дальверзинтепа - кушанский город на юге Узбекистана. - Т.: Фан, 1978. - С.227-231.
- 221 Пугаченкова Г.А. К стратиграфии новых монетных находок из Северной Бактрии // Вестник древней истории. - М., 1967. - № 3. - С. 80.
- 222 Пугаченкова Г.А. К стратиграфии новых монетных находок из Северной Бактрии // Вестник древней истории. -М., 1967. -№3.- С. 85.
- 223 Пугаченкова Г.А. К стратиграфии новых монетных находок из Северной Бактрии // Вестник древней истории. -М., 1967. -№3.- С. 85.

- 224 Массон М.Е. Происхождение безымянного "царя царей - великого спасителя" // Труды САГУ. - Ташкент, 1950.-Вып. П.Кн.З.-С. 11.
- 225 Пугаченкова Г.А. К дискуссии о Сотере Мегасе // Тр. Ташк. Ун-та. Археология Сред. Азии. - Т, 1966. - Вып.295.-С. 15-26.
- 226 Зеймаль Е.В. Древние монеты Таджикистана. - Душанбе: Ирфон, 1983. - С.148.
- 227 Пугаченкова Г.А. К неутихающим дискуссиям: Варварский Гелиокл, Герай, Сотер Мегас. Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда.// Материалы советско-французского симпозиума. Самарканд, 1986, -Т., 1987.-С.100.
- 228 Пугаченкова Г.А. К иконографии Герая. (О некоторых вопросах раннекушанской истории) // Вестник древней истории. - М., 1965.-№ 1.-С. 130.
- 229 Пугаченкова Г.А. К иконографии Герая. (О некоторых вопросах раннекушанской истории) // Вестник древней истории. - М., 1965. -№ 1.-С. 135.
- 230 Пугаченкова Г.А. К неутихающим дискуссиям: Варварский Гелиокл, Герай, Сотер Мегас. Городская культура Бактрии-Тохаристана и СогдаУ/Материалы советско-французского симпозиума. Самарканд, 1986 - Т., 1987.-С. 102.
- 231 Пугаченкова Г.А. Халчаян. К проблеме художественной культуры северной Бактрии. — Т.: Фан, 1966. - С.45.
- 232 Пугаченкова Г.А. К иконографии Герая. (О некоторых вопросах раннекушанской истории) // Вестник древней истории. - М, 1965. — № 1. — С. 136.
- 233 Пугаченкова Г.А. К неутихающим дискуссиям: Варварский Гелиокл, Герай, Сотер Мегас. Городская культура Бактрии—Тохаристана и Согда.//Материалы советско-французского симпозиума. Самарканд, 1986 -Т., 1987.-С.102

- 234 Пугаченкова Г.А. Три ахеменидские геммы из собрания Музея истории Узбекистана // Труды Музея истории Узбекской ССР. - Т., 1966. - Вып. III. - С.81.
- 235 Вундцеттель Н.Э. Интересная гемма из коллекции Туркестанского Восточного института // Сб. Туркестанского Восточного института. - Т., 1923. - С. 146-147.
- 236 Пугаченкова. Г.А. Три ахеменидские геммы из собрания Музея истории Узбекистана // Труды Музея истории Узбекской ССР. - Т, 1966. - Вып. III. - С.85.
- 237 Пугаченкова. Г.А. Три ахеменидские геммы из собрания Музея истории Узбекистана // Труды Музея истории Узбекской ССР. - Т., 1966. - Вып. III. - С. 86.
- 238 Пугаченкова Г.А. Материалы по Восточной глиптике // Труды САГУ. - Т., 1957. - Вып СХ1. - С.140.
- 239 Пугаченкова. Г.А. Миниатюры "Хамсе" Низами 1562-1563 гг. Самаркандский музей // Тезисы науч.докл.на сессии АН УзССР 9-14 июня 1947 г. - Т., 1947 - С. 147-148;
- Она же: Миниатюры Фатхнаме- хроники побед Шейбанихана из собрания Института по изучению восточных рукописей АН Уз ССР // Тр. САГУ. - Ташкент, 1947. — Вып.П; Кн.3. — С. 121-137; Она же: Восточная миниатюра как источник по истории архитектуры XV-XVI вв. // Сб.: Архитектурное наследие Узбекистана. - Т., 1960. - СП 1-161; Она же: К проблеме среднеазиатской школы миниатюры XVI-XVII вв. // XXV Международный конгресс востоковедов. - М., 1960. -СП; Она же: Миниатюра мастера Мусалли в ширазском списке "Хамсе" Эмира Дехлеви // Тр. ТашГУ. Ташкент, 1960. — №9. - С.103-118; Пугаченкова Г.А., Галеркина.О. Миниатюры Средней Азии в избранных образцах. - М., 1979. - С. 207.

- 240 Иванов А.А. История изучения мавераннахрской (среднеазиатской) школы миниатюры. Статья II. // Сб.: Средняя Азия в древности и средневековье: история и культура. - М.: Наука, 1978. - С.44 .
- 241 Пугаченкова.Г.А. Восточная миниатюра как источник по истории архитектуры XV-XVI вв. // Тр. САГУ. Новая серия. Гуманит.науки. — Кн.3, 1947 - Вып.11. - Статья I. // Сб.: Средняя Азия в древности и средневековье: история и культура. — М.: Наука, 1978. — С.145-153.
- 242 Пугаченкова.Г.А. К дискуссии о среднеазиатской миниатюре XV столетия // Из художественной сокровищницы Среднего Востока. - Т.: Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1987. - С. 186-216.
- 243 Пугаченкова.Г.А., Галеркина.О. Миниатюры Средней Азии. - М.: Изобразительное искусство, 1979. - С.96.
- 244 Низамитдинов И. Миниатюрная школа Мавераннахра в XV-XVI вв // Миниатюрные школы Востока.Т.1989. -С.33-40.

ФЕРГАНСКИЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Муродова Дурдонахон Хабибуллоевна

**ГАЛИНА АНАТОЛЬЕВНА ПУГАЧЕНКОВА-
АРХИТЕКТОР, АРХЕОЛОГ, ИСКУССТВОВЕД**

Босишга рухсат этилди: 2019 й. Нашриёт босма табағи- 11.

Шартли босма табағи -5,5. Бичими 84x108 1/16.

Адади 100. Бахоси келишилган нархда.

«Poligraf Super Servis» МЧЖ

150114, Фарғона вилояти, Фарғона шаҳар, Авиасозлар кўчаси 2-уй

